Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Издательство „ПРАВДА"

Адрес редакции: Москва, 9, Тверская, 48. Тел. 4-38-26, кремл. 2-80

№ 7-8 — 30 АПРЕЛЯ — 1930 г.

От XV к XVI с'езду.

Два с половиной года, протекшие со времени XV с'езда, составят значительнейшую страницу в истории социалистической революции. В этот промежуток времени произошли большие сдвиги классовых сил в СССР, изменилось положение их на международном фронте, заложены новые прочные устои социалистического здания в СССР, новыми более прочными связями укрепляется союз пролетариата с основной массой крестьянства, в новых формах, с большей остротой и ожесточением развертывается борьба остатков капиталистических сил внутри СССР против победоносно наступающего социализма, неслыханно возросла активность трудящихся, выдвинувшая новые формы и методы участия миллионов в социалистическом строительстве.

Этот промежуток полон богатейшего опыта классовой борьбы и социалистического строительства.

На XIV и XV с'ездах партия наметила основные линии своей работы в период социалистической реконструкции. XIV с'езд собрался, когда СССР приступал к социалистической реконструкции; этот с'езд выдвинул линию индустриализации СССР, являющуюся первым и важнейшим условием социалистической реконструкции. XV с'езд происходил, когда Советская страна проходила первый начальный этап социалистической реконструкции, когда обнаружились первые успехи индустриализации, значительное накопление социалистических ресурсов, но в то же время, когда в условиях быстрого роста промышленности и городов, все острее давала себя знать отсталость деревни, ее мелкобуржуазный уклад, на почве которого, ограничиваемый и вытесняемый, все же накапливал силы капитализм. Показателем этой отсталости был замедленный, неустойчивый, в резком противоречии с ростом промышленности под'ем сельского хозяйства. XV с'езд поставил перед партией, как практическую задачу, как основное звено работы в деревне социалистическую переделку мелкого крестьянского хозяйства, задачу коллективизации, которая является вторым важнейшим моментом социалистической реконструкции.

Теперь, к XVI с'езду выявились уже основные очертания реконструктивного периода. Партия, руководя миллионами, облекает в плоть и кровь решения XIV и XV с'ездов. Она полным ходом ведет социалистическую стройку. Она преодолевает в настоящей полосе последние крупнейшие препятствия на пути к социализму внутри страны. XVI с'езд собирается на последнем большом историческом перевале, лежащем внутри страны на этом пути. И с высоты этого перевала ему предстоит обозреть решающие подступы к социализму, последние укрепления кулаков и нэпманов, заграждающие путь, подтянуть отставших, определить дальнейшее движение армии трудящихся к социализму. В этом его значение. Ленин говорил:

«Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. (Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, часть 2. 1-е изд., стр. 29—30).

Предвидение Ленина оправдывается. Ускорение нашего движения наступило. Мы говорим об успехах социалистического строительства. Величайшим историческим значением этих успехов, одним из наиболее убедительных доказательств преимуществ социализма над капитализмом является это ускорение, этот неожиданный и неведомый раньше рост темпов, эта совершенно новая социалистическая прогрессия показателей хозяйственного роста, которая бьет капиталистическую, которая уже теперь создает хозяйственные и технические эффекты, немыслимые при капитализме. Социализм теперь практически, а не только теоретически, доказывает свою жизнеспособность, свое превосходство, свою историческую прогрессивность на пространстве одной шестой земной суши творчеством ста пятидесяти миллионов.

Противоречия между страной растущего социализма и странами капитализма становятся все глубже. Правда, через рвы, отделяющие СССР от стран капитализма, перекинуты мостки, экономика Советского Союза связана с капиталистическим хозяйством каналами, через которые ширятся потоки товаров.

Однако, успехи социализма все больше колеблют устои капитализма. И с каждым годом капиталистический мир все с большей тревогой взирает на СССР, все активнее становятся группы, взывающие к «священной войне» против пролетарского государства. Военное нападение китайских милитаристов, подготовленное и поддержанное крупнейшими империалистическими державами и успешно отраженное Красной армией, папско-фашистская проповедь крестового похода против СССР, последняя попытка кровавой провокации войны при помощи неудавшегося взрыва нашего полпредства в Варшаве—все это новые факты, показывающие, что создается новая международная обстановка, что опасность империалистической войны против СССР становится все реальней, все более ощутимой и непосредственной, что эту опасность необходимо ни на минуту не упускать из виду во всей нашей работе и в политике.

Новое обозначилось к XVI с'езду и в самом положении капитализма. XV с'езд отметил растущее противоречие капитализма, шаткость и непрочность его стабилизации, начинающийся под'ем революционной волны. Теперь уже эти определения не соответствуют капиталистической действительности. Показателем нового в этой действительности являются С.-А. Соед. Штаты—наиболее полнокровная и могущественная капиталистическая держава. Даже изощренная в надувательстве буржуазная пресса, буржуазные политики и социал-предатели не могут скрывать, что капиталистическому «процветанию» наступил конец, вынуждены признавать развертывающийся в С.-А. Соед. Штатах кризис. Но американский кризис не остается изолированным. Он тянет по наклонной плоскости капитализм Японии, Англии, Франции, Германии, не говоря уже о более мелких странах. Промышленная продукция снижается, акции падают, количество банкротств увеличивается, безработица растет из месяца в месяц. Если XV с'езд подчеркивал шаткость и непрочность стабилизации, указывал неизбежность ее крушения, то теперь положение капитализма нельзя иначе определить, как «начало развала капиталистической стабилизации».

Одним из выражений этого развала и вместе с тем фактором его усиливающим является рост революционного движения в метрополиях и колониях. Революционная волна неуклонно поднимается вверх. Все большие массы рабочих втягиваются под руководством компартии в революционную борьбу. Дни 1-го мая и 6 августа 1929 года, 6-го марта текущего года являются знаменательными вехами этого под'ема. Необходимо особо отметить пролетарские выступления в С.-А. Соед. Штатах. Эти выступления являются событием исключительного значения: страна капиталистического «процветания», кичившаяся своим иммунитетом в отношении «коммунистической заразы», увидела коммунизм, шагающим по улицам Нью-Йорка, Детройта, Чикаго, воплощенным в многотысячные демонстрации пролетариев. Новая волна революционного движения поднимается в колониях. Китай и Индия снова охвачены брожением. В южных провинциях Китая трудящиеся создают советскую власть и строят Красную армию. В Индии движение разрывает те узкие рамки, которые ему ставятся буржуазными националистами и приобретает то здесь, то там характер вооруженных восстаний.

Компартии становятся—а в ряде стран и прежде всего в Германии—уже стали массовыми партиями пролетариата, имеющими богатый опыт, тесные связи с трудящимися, крепкую организацию, твердую линию, выкованную в борьбе с левыми и правыми оппортунистами.

Все это новое означает глубокое изменение ситуации на международном фронте. Оно означает приближение полосы новых решающих битв между коммунизмом и капитализмом.

Между XV и XVI с'ездом началась полоса обострения классовой борьбы и внутри страны. Жизнь разбила оппортунистическую теорию смягчения классовой борьбы в переходный период, постепенного затухания этой борьбы, теорию, основанную на предположении мирного врастания капиталистических элементов в социалистическую систему. События развивались и не могли не развиваться другим путем. Социалистическая основа нашего хозяйства ширилась и росла значительно быстрее, чем элементы капитализма и мелкое товарное хозяйство. Однако, капитализм, ограничиваемый и вытесняемый нами, все же накапливал свои силы. При таких условиях борьба между силами социализма и капитализма, силами враждебными, противоположными, не могла не разгореться. Наша партия все успешнее продвигала дело индустриализации, кооперирования крестьянства, организации бедноты, планового регулирования цен, хлебозаготовок, чем все крепче зажимался в клещи капитализм города и деревни. На XV с'езде партия об'явила развернутое наступление на капиталистические элементы. Кулак, со своей стороны, укрепив свою про-

изводственную базу, об'явил хлебную забастовку, пытаясь сорвать хлебозаготовки и нашу политику и тем самым нанести удар по одному из самых важных жизненных центров нашего хозяйства. Чрезвычайными мерами в хлебозаготовках, опираясь на бедноту и в союзе с середняком, партия отбила этот удар и выиграла сражение на фронте хлебозаготовок. В ходе этой борьбы нам удалось добиться изоляции кулака, удалось хлебозаготовки истекшего года провести в гораздо более короткие сроки, опираясь на *активность* и *помощь* бедняка и середняка, на их *организованное* содействие хлебозаготовкам.

Кулацкая активность, однако, не сократилась. Она приняла другие формы. Упорная борьба вокруг советов, всяческие ухищрения для захвата на свою сторону середняка, террористические акты против селькоров, активистов, организаторов бедноты, советских работников, поджоги коммун и колхозов,—вот методы, при помощи которых контрреволюция вела свое нападение в деревне.

Эта контрреволюционная сила в деревне не была, однако, изолированной. В промышленных центрах она имела свое продолжение в виде контрреволюционных вредительских организаций, непосредственно связанных с организациями мирового капитализма. Эти организации, состоявшие из представителей прежней буржуазии и ее ближайших агентов, в течение ряда лет вели подрывную работу почти во всех областях народного хозяйства, дополняя ее шпионажем в пользу наших врагов. Эти вредительские дела, процесс Союза Вызволения Украины и другие еще раз воочию показали, насколько были глубоки корни контрреволюции в нашей стране, насколько упорен, изощрен, гибок наш враг, которого многие уже считали окончательно поверженным и неспособным к сопротивлению.

В этих условиях ожесточенного сопротивления классового врага, подрывной его работы даже в руководящих хозяйственных органах, дьявольских ухищрений вредителей привести к крушению нашу строительную работу, приходилось пролетариату завоевывать социалистические успехи. Здесь еще и еще раз революция доказала свою непобедимую силу, жизненность, проявила величайший напор, который свел на-нет все ухищрения врагов.

XV с'езд дал директиву к составлению пятилетнего хозяйственного плана. К XVI конференции этот план уже получил конкретное выражение в виде математически-определенных, взаимноувязанных заданий как для всего народного хозяйства, так и для отдельных его отраслей. Этот план, поставивший своей задачей слить воедино усилия миллионов, дать им точные и целесообразные линии направления, его размах—повергли в изумление наших врагов и друзей. И враги, и многие друзья сомневались в его выполнимости.

Теперь, к XVI с'езду этот пятилетний план уже облекается в плоть. Сухие столбцы цифровых заданий приобретают реальность: они развертываются по стране в виде новых линий железных дорог, индустриальных гигантов, совхозов и колхозов, электроцентралей и высоковольтных передач.

И действительность оказалась смелее этого «дерзкого» плана. Уже сейчас ход социалистической стройки перекрывает этот план. Уже теперь лозунгом масс стало: «Пятилетку в четыре года».

Социалистическая индустрия шла особенно быстрыми шагами эти годы. Она становится все более полнокровной. Новым в обстановке является то, что наша индустрия приступила к выполнению своей великой преобразующей роли в отношении крестьянского хозяйства. Она дает ему уже не только простые сельскохозяйственные орудия, но и трактора, но и тракторный инвентарь, но и сложные сель-

скохозяйственные машины, но и химические удобрения. Она пока еще в слабой мере не удовлетворяет потребностей сельского хозяйства. Но и то, что уже делается, позволило укрепить союз рабочего класса с основной массой крестьянства, поднять этот союз на более высокую ступень, поставить смычку на производственную основу.

Эти успехи во многом обусловлены неслыханным ростом активности масс. Трудящиеся все больше об'единяются вокруг партии, все ярче разгорается их трудовой энтузиазм. Ленинский лозунг социалистического соревнования подхвачен теперь миллионами. Бригады ударников являются живым свидетельством укрепления нового, социалистического отношения к труду, становятся могучими двигателями соревнования, увлекая за собой, своим примером и образцами работы, остальную массу трудящихся.

Новые условия и задачи реконструктивного периода, под'ем активности трудящихся вызвали необходимость перестройки всех организаций рабочего класса. Партия направила свои усилия на то, чтобы повернуть эти организации к новым задачам, сделать их более гибкими, расширить и укрепить их связи с трудящимися, помочь им быстрее выдвигать и воспитывать новые кадры. Эта перестройка и советов, и профсоюзов, и кооперации отнюдь еще не закончена. Она натолкнулась на сопротивление носителей консерватизма, цеховщины, бюрократической узости, не желавших видеть и признавать новые задачи. Это сопротивление теперь в основном сломлено. Но предстоит еще много сделать, чтобы полностью провести по всем звеньям этих организаций новые методы работы и наполнить ее новым содержанием. Лозунг самокритики, выдвинутый при самом начале этой перестройки, обеспечил ее успех. Самокритика встряхнула и оживила пролетарские организации, теснее связала их с массами, позволила быстрее преодолевать элементы консерватизма. Самокритика превратилась в грозное и острое оружие для борьбы с бюрократизмом, извращениями партийной линии, загниванием отдельных клеточек наших аппаратов, для искоренения их недостатков. Она является одним из важнейших условий развертывания пролетарской демократии и ускорения социалистического строительства.

Партия укрепила свои ряды, проверила их, дабы освободиться от балласта и элементов перерождения, еще теснее связаться с массами. Она поставила своей задачей в двухлетний срок довести вес рабочих от станка до 50 проц. своего состава и эту задачу она *до срока* выполняет теперь к XVI с'езду, впитывая новые могучие пополнения, приливающие к ней из среды рабочего класса, батрачества и бедноты.

Тов. Сталин назвал истекший год «годом великого перелома». Все новое, что возникло в нашем строительстве, впервые со всей силой проявилось в этом году. Это особенно относится к коллективизации, которая приобрела характер массового движения и оставляет позади себя все наиболее смелые предположения.

XV с'езд выдвинул лозунг: «деревня—вперед к крупному коллективному хозяйству». Этот лозунг встретил живейший отклик среди основной массы крестьянства. Колхозное движение стало расти не по дням, а по часам. К середине истекшего года это движение стало перерастать в *сплошную коллективизацию* целых районов и областей. Размах и сила этого движения превзошли наиболее смелые предположения. Те размеры социалистического сектора в сельском хозяйстве, которые план проектировал для конца пятилетки,—они будут превзойдены уже в текущем году.

Однако грубейшей ошибкой или попыткой сознательного искажения всей прошлой перспективы нашего движения, линии партии и ее

работы являются утверждения, будто это колхозное движение свалилось нам, как снег на голову, не ждано не гадано вынырнуло из-за угла на крутом повороте истории. Так дело представляется только оппортунистам, которые не верили в силу колхозов и совхозов, считали, что генеральная линия развития деревни в советской стране пролегает мимо колхозов и совхозов, которые больше полагались на развитие индивидуального хозяйства и развязывание капиталистических отношений. Наша партия подготовляла это движение весь предшествующий период. Развертыванием кооперации, организацией бедноты и укреплением союза с середняком, изоляцией кулака, пропагандой крупного социалистического земледелия, показом на опыте колхозов и в особенности совхозов его действительных преимуществ, организацией машинно-тракторных станций и внедрением новой техники в сельском хозяйстве партия создала условия, на основе которых и развернулось это гигантское колхозное движение.

Сплошная коллективизация во весь рост поставила задачу ликвидации кулачества как класса. Если раньше нашим основным лозунгом по отношению к элементам капитализма был лозунг ограничения и вытеснения, то теперь основным для партии в отношении кулака является лозунг ликвидации, а лозунг вытеснения и ограничения остается вспомогательным, имея силу лишь в тех районах и областях, где не подготовлены условия для сплошной коллективизации.

Отношение этих лозунгов следующим образом охарактеризовано тов. Сталиным:

«... при политике ограничения эксплоататорских тенденций кулачества можно рассчитывать на вытеснение лишь отдельных отрядов кулачества, что не противоречит, а, наоборот, предполагает *сохранение* до поры до времени кулачества как класса. Чтобы вытеснить кулачество как класс, для этого недостаточно политики ограничения и вытеснения отдельных его отрядов. Чтобы вытеснить кулачество как класс, надо *сломить* в открытом бою сопротивление этого класса и *лишить* его производственных источников его существования и развития (свободное пользование землей, орудия производства, аренда, право найма труда и т. д.). Это и есть *поворот* к политике ликвидации кулачества как класса. Без этого разговоры о вытеснении кулачества как класса есть пустая болтовня, угодная и выгодная лишь правым уклонистам. Без этого немыслима никакая серьезная, а тем более сплошная коллективизация деревни». (И. Сталин. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса. «Правда» № 21, 21/I—30 г.).

После Октябрьского переворота это движение за сплошную коллективизацию является величайшим событием в истории революции.

Теперь мы взялись за самую трудную, самую сложную задачу революции, социалистическую переделку миллионов раздробленных крестьянских хозяйств, взялись за эту работу во всем ее гигантском об'еме. Варварски отсталое крестьянское хозяйство переводится на уровень организации, техники, культуры, уже сейчас оставляющий в отдельных местах позади то, что достигнуто в капиталистических странах. Этот прыжок через десятки и десятки лет мирной эволюции, мог быть произведен только в условиях пролетарской диктатуры. Мы ликвидируем самые корни нашей отсталости. Социалистический плуг заново перепахивает теперь ту почву, на которой произрастал капитализм, откуда в пределах нашей страны возникли наибольшие трудности для дела социалистического строительства.

Развертывание колхозов требует большого напряжения сил. Оно не обходится без отдельных срывов, неудач, извращений, перегибов и

головотяпства. Не только низовые, но и некоторые областные организации допустили в этом деле крупнейшие ошибки, пытаясь провести коллективизацию без достаточной подготовки, сверхускоренными темпами, что вело часто лишь к подрыву самой идеи коллективизации. На местах эти ошибки часто усугублялись нарушением принципа добровольности, стремлением действовать административным нажимом и приказом, попытками перескочить через более простую и понятную для крестьян форму колхозов—сельскохозяйственную артель к высшей форме—к коммуне.

Партия ведет решительную борьбу с этими ошибками и перегибами, с злостными носителями этих перегибов. Теперь в *основном* эти ошибки выправлены. Однако, они выправлены на местах еще не до конца. Борьба с ними является одним из важнейших условий успеха колхозного движения, ибо эти ошибки подрывают идею коллективизации, льют воду на мельницу кулака, помогают правым оппортунистам, пытающимся дискредитировать колхозы и тащить партию назад.

Но эти ошибки никак не должны заслонять величайшего исторического значения коллективизации, ее действительных крупнейших успехов, которые уже есть налицо, которые мы закрепляем, которые уже теперь обнаруживаются в ходе посевной кампании.

Развертывание социалистической индустрии и сплошная коллективизации *по-новому* ставят перед нами важнейшие вопросы политики. *По-новому* ставится вопрос о классах в нашей стране, по-новому ставится вопрос о *союзе пролетариата с основной массой крестьянства*, вступившей теперь на путь превращения из мелких индивидуальных производителей в работников социалистического общества, по-новому складываются взаимоотношения социалистической индустрии и коллективизируемого сельского хозяйства, по-новому встают перед нами проблемы рынка, товарооборота, кредита, планирования народного хозяйства, по-новому начинают работать общественные пролетарские организации.

Размах пятилетки, колхозное движение и обострение классовой борьбы со всей остротой поставили перед нами вопрос *подготовки кадров*. Партия решает этот вопрос. Он однако далеко еще не решен, еще не обеспечены и все те условия, которые позволят справиться с этой величайшей проблемой.

XV с'езд выдвинул задачу культурной революции. Теперь, когда социалистическая стройка находится на полном ходу и размах реконструктивных работ приобретает все более гигантский характер, культурная отсталость, техническая и общая неграмотность, отсутствие достаточно подготовленных грамотных кадров, отставание темпов культурного строительства чувствуется особенно остро. В целом ряде мест для нас теперь лимитом являются уже не материальные возможности, а кадры, недостаток квалифицированной рабочей силы и опытных организаторов. Вопросы культуры выдвигаются поэтому все больше на первый план в ряду важнейших задач социалистического строительства. Все эти элементы нового многообразны и велики. Они являются не только простым количественным увеличением того, что имелось раньше. Нет! К XVI с'езду мы имеем уже важнейшие структурные изменения в экономике, при чем дело идет прежде всего о такой важнейшей области, как сельское хозяйство. XVI с'езд должен будет ориентировать партию в этом новом этапе социалистического строительства и наметить дальнейшие пути этого строительства.

Этот новый этап отнюдь не означает отмены новой экономической политики. Так отражается он лишь в головах оппортунистов, ко-

торые в унисон с социал-демократами скулят о том, что мы якобы вернулись к военному коммунизму. Такая характеристика нового этапа является злостной клеветой на социалистическое строительство, вызвана безнадежным стремлением опорочить и затемнить его успехи.

Вместе с тем результатом явного головокружения являются попытки об'явить нэп уже пройденным этапом, представить дело так, что вопрос кто-кого решен внутри страны и что перед нами уже простирается сплошное социалистическое плато. Это ослепление блеском наших успехов, потеря чувства действительности, забвение о реальных трудностях и опасностях может вести только к поражениям. Вот почему необходимо применить самые действительные средства критики для отрезвления тех, кто подобным образом теряет голову.

Успехи, которые мы отмечаем теперь, достигнуты партией на основе новой экономической политики. Новая экономическая политика не есть искусственный придаток к пролетарской диктатуре. Она есть форма перехода от капиталистического строя к социалистическому после завоевания власти пролетариатом.

«Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики. Кто не понимает этой переходной, двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма». (И. Сталин.—Вопросы ленинизма, стр. 408).

Проводя новую экономическую политику, в ее формах и ее методами пролетариат создает условия для преодоления новой экономической политики, для полного построения социализма. Мы строительство социализма еще не завершили. Но как раз теперь на основе новой экономической политики партия создает в широчайших масштабах те решающие условия—индустриализация, перевод деревни на рельсы крупного общественного хозяйства, ликвидация кулачества как класса, которые ведут к преодолению новой экономической политики, которые уже теперь все шире и многообразнее порождают связи нового социалистического типа. Этих решающих успехов партия достигла в непримиримой борьбе за чистоту ленинской партии.

XV с'езд довел до конца борьбу с троцкизмом, пытавшимся «слева» подорвать генеральную линию партии, создавшим свою особую организацию, с особой программой, особой тактикой и своей дисциплиной. Оппортунистическая сущность троцкизма, левыми фразами, ультрареволюционностью прикрывавшего свое неверие в строительство социализма, была разоблачена до конца, точно так же как скрытая этими левыми фразами тенденция к реставрации капитализма. Троцкисты обнаружили себя врагами партии и пролетарской диктатуры. Они были исключены из рядов большевистской партии. И политический конец Троцкого, присоединившего свой голос к хору ренегатов, социал-прохвостов, агентов буржуазии, вкупе с ними клевещущего теперь на партию и Советский Союз, издевающегося над колхозным строительством и социалистической индустриализацией—является неопровержимым свидетельством правильности оценок троцкизма нашей партией.

Переход к развернутому наступлению на капиталистические элементы поставил в порядок дня борьбу с правой опасностью, с открытым оппортунизмом.

Правые, которые явились рупором кулацкой верхушки деревни, об'явили борьбу партии, начавшей развернутое наступление на кулака и нэпмана, приступившей к строительству совхозов и колхозов в деревне. Политику индустриализации они об'явили троцкистским авантюризмом, колхозы и совхозы—«музыкой будущего», которой могут увлекаться лишь те, кто забыл основы ленинизма, политику наступления на кулака—«военно-феодальной эксплоатацией крестьянства», большевизацию партий Коминтерна—политикой его разложения. Они выступили с программой снижения темпа индустриализации, поставили курс на развитие индивидуальных крестьянских хозяйств и на развязывание капиталистических отношений. Они подняли истрепанное троцкистское знамя свободы «мнений» и «фракций» внутри партии и Коминтерна. Основная масса членов партии очень быстро обнаружила классовую подоплеку программы правых оппортунистов. Действительная сущность их программы, ее сокровенный смысл,—сорвать наступление на кулака и нэпмана и создать условия для реставрации капитализма—была разоблачена в кратчайший срок. Ход социалистического строительства разбил все предсказания правых, пророчивших так же, как и троцкисты, гибель пролетарской диктатуры в результате проводимой партией линии. Вожди правых уклонистов перед лицом таких фактов, как успехи социалистической промышленности, как коллективизация, вынуждены были признать свои ошибки и правоту линии партии.

Все это отнюдь не означает, что борьба с правыми и левыми оппортунистами закончилась. В новых условиях эти уклоны проявляются в новой форме. По отношению к ним попрежнему необходима величайшая бдительность.

ЦК партии отметил то обстоятельство, что перегибы, допущенные в отношении середняка, являются по существу рецидивом троцкизма, характерны для его пренебрежения интересами союза со средним крестьянством. Теперь, в период развернутого социалистического наступления, больших успехов на фронте коллективизации, создаются условия для распространения головокружения, которое ведет к потере чувства реальности, порождает теории, что мы уже победили, что нэп—пройденный этап, порождает погоню за рекордными цифрами коллективизации и индустриального строительства. Все это на деле ведет к подрыву социалистического строительства, дискредитации колхозного движения и **тем самым** вооружает правый уклон, являющийся главной опасностью на нынешнем этапе.

Правым уклонистам ничего больше и не нужно, как дискредитировать коллективизацию, превратить борьбу с ошибками и искривлениями **в отступление** от коллективизации. Правые оппортунисты работают во всю в этом направлении, распространяя слухи о восстаниях, о провале колхозов, об ошибках и поражении линии партии. Перегибы левых, их теория и тактика как нельзя больше способствуют правым.

Вот почему, ведя борьбу против главной опасности—открытого оппортунизма, партия должна со всей решительностью ликвидировать левые перегибы, являющиеся рецидивом троцкизма.

В ближайшее время начинаются местные партийные конференции, будут опубликованы тезисы к XVI с'езду. Все партийные организации и члены партии обязаны тщательнейшим образом рассмотреть и обсудить эти тезисы, внимательно всмотреться в обстановку и оценить, взвесить то новое, что в ней появилось, чтобы на основе коллективного опыта, на основе ленинских принципов наметить на XVI с'езде линию нашей дальнейшей работы и борьбы за победу коммунизма.

Ем. Ярославский.

О новейшей эволюции троцкизма*).

Что особенно характерно для Троцкого в его отношении к партии — это полное непонимание партии, вернее сказать, бюрократическое понимание партии, о котором писала Надежда Константиновна Крупская, именно, что партии он, Троцкий, не понимает, что партию он всегда рассматривал с точки зрения верхушечных комбинаций. Поэтому, например, после исключения из партии Троцкий все время почти оперирует не теми процессами, которые происходят в массах. Эти процессы он, в лучшем случае, игнорирует, а нередко просто-напросто относится к ним с барским презрением. Например, и в этой своей последней работе «Моя жизнь» и в статье в № 9 «Бюллетеня оппозиции» — «Экономический авантюризм и его опасности» — Троцкий не иначе говорит о той массе новых молодых членов партии, о которых он знает, что это, главным образом, рабочие, что это почти исключительно рабочие с производства, — к а к с в ы с о к и м п р е з р е н и е м. Например, в критике программы Коминтерна Троцкий писал, что наш аппарат освободился от контроля партийных масс, «р а з в о д н я е м ы х в с е в о з м о ж н ы м и п р и з ы в а м и». Для него ленинский призыв 1924 г. и последующие призывы — октябрьский и др., это всевозможные призывы, которые «разводняют» партию. В письме к итальянским троцкистам (в «Фане дес Коммунизмус» № 41, 1929) Троцкий пишет:

> «В Советском Союзе мы видим другую форму ослабления и разложения коммунистической партии. Чтобы отнять ее самостоятельность и независимость, о н а р а з в о д н я е т с я в н и з о в ы х м а с с а х, которые терроризируются госаппаратом».

Видите, какой хитрый оказывается у нас план. Для того, чтобы развязать себе руки, Центральный Комитет «р а з в о д н я е т» партию новыми массами и эти массы, чтобы они были послушны, терроризирует госаппаратом.

В другой статье, о которой я только что вам сказал, в статье «Экономический авантюризм и его опасности» Троцкий так говорит об этом же самом «разводнении»:

> «С п л о ш н у ю к о л л е к т и в и з а ц и ю в д е р е в н е о н а д о п о л н я е т с п л о ш н ы м в к л ю ч е н и е м в п а р т и ю з а в о д о в и ц е х о в. А в а н г а р д р а с т в о р я е т с я в к л а с с е».

С этой трибуны недавно, во время совещания преподавателей истории партии и ленинизма, я докладывал, что ЦК вынес постановление относительно массовых подач заявлений целыми заводами и цехами, что мы вовсе не принимаем без разбора целые цеха и заводы, что мы принимаем индивидуально. Троцкий игнорирует это постановление. Но если бы дело шло так, что целые цеха и заводы, действительно, вступали бы в партию, — как Троцкий расценивает это? Он иначе не расценивает, как растворение в классе, разводнение, других сторон этой массовой тяги рабочих в коммунистическую партию он не видит. «Мысль и воля партии растоптаны. Бюрократия окончательно развязала себе руки», заявляет он.

*) Стенограмма речи т. Ярославского на собрании секции по истории ВКП(б), ленинизма и истории Коминтерна общества историков-марксистов. Стенограмма дается в сокращенном виде.

Вот какое отношение мы имеем у троцкистов к тому новому, что происходит в рабочем классе» [1]). Мы видели это отношение у Троцкого еще в «Наших политических задачах». Этот же б а р с к и й а н а р х и з м сейчас выражается в особенно одиозной форме, когда дело идет о доподлинных рабочих массах, вступающих в партию. Троцкий не иначе оценивает это, как «разводнение партии». Передовую массу пролетариата он иначе не рассматривает, как в о д у. Мне кажется, что больше всего здесь сказалась злоба бессильного человека, потерявшего всякую почву.

Вспомним решение, которое мы приняли на XV с'езде: это необходимо для того, чтобы видеть в свете всего того что произошло после XV с'езда, насколько правильно решение партии о троцкизме, о Троцком.

> «XV с'езд констатирует, — читаем мы в резолюции по отчету ЦК, что ...идеология оппозиции открыто сблокировавшейся с ренегатами международного коммунизма (Маслов-Суварин и К°), в настоящее время сложилась и оформилась как меньшевизм в его своеобразной троцкистской формулировке. Отрицание социалистического характера советских государственных предприятий, отрицание политики союза рабочего класса с основными массами крестьянства, отрицание организационных принципов большевизма (политика раскола ВКП(б) и Коминтерна) логически привели троцкистско-меньшевистскую оппозицию к клевете на СССР, как переродившееся термидорианское государство, к отрицанию пролетарской диктатуры в СССР и контрреволюционной борьбе против нее...».

XV с'езд признал поэтому несовместимой принадлежность троцкистов к партии.

Необходимо, хотя бы в общих чертах проследить, что же было дальше с троцкистами, как они эволюционировали от тех позиций, на которых они стояли даже накануне XV с'езда, от этой платформы блока троцкистов и «ленинградской оппозиции». Я не намерен здесь заниматься разбором этой платформы. Пусть этим занимаются усиленно остатки троцкистов, при чем большинство из них склоняется к тому, что этот документ сейчас потерял всякую силу, что смешно высчитывать, какой процент того, что там заключалось, осуществился за это время. Б о л ь ш и н с т в о б ы в ш и х т р о ц к и с т о в п р и з н а е т, ч т о о н и и м е ч т а т ь н е м о г л и н а к а н у н е XV с'е з д а о т е х г и г а н т с к и х у с п е х а х с о ц и а л и з м а, к а к и х м ы д о с т и г л и п о с л е XV с'е з д а. Я г о в о р ю о т о м б о л ь ш и н с т в е, к о т о р о е о т т р о ц к и с т о в о т о ш л о, или вернулось в партию, или обратилось к партии с просьбой вернуть.

Одно из основных положений троцкистов накануне XV с'езда было обвинение партии в термидорианстве, характеристика руководства партии, советского государства как термидорианского или сползающего к термидору. Союзники троцкистов в сравнительно недавнем прошлом, так наз. децисты, шли несколько дальше, говорили о том, что термидор у ж е с о в е р ш и л с я.

Но не лишне поставить вопрос: кто, собственно говоря, начал предсказания о термидорианском перерождении советской власти? Троцкий в «Моей жизни» старается доказать свою заслугу в том, что это он сделал. Он вспоминает разговор, который он имел с Склянским в 1925 году, когда

[1]) И это пишет тот самый Троцкий, который в борьбе с Лениным доказывал, что условием победы пролетарской революции должно быть участие в партии всего пролетариата, который вместе с Парвусом в «Начале» писал, что «весь пролетариат фабрик и заводов должен войти в партию», что нужно ликвидировать подполье и т. д.

в этой беседе он «впервые с полной ясностью, я бы сказал с физической убедительностью, подошел к проблеме термидора».

Теперь он пытается даже государственный режим в советском государстве изобразить, как особую столыпинщину. Он вспоминает это слово и находит его довольно удачным. Он уверяет: «6 лет мы живем в СССР в условиях нарастающей реакции против Октября и тем самым расчисткой путей для термидора».

Но, ведь, на самом-то деле правда заключается в том, что троцкистские разговоры о термидорианском перерождении, это не больше, как п л а г и а т — плагиат у меньшевиков. Уже Каутский (в 1918 г.) и Мартов в начале революции пророчили термидорианское перерождение советской власти. Троцкий, будучи в партии, должен был против этого возражать, но, по сути дела, он с этими меньшевиками соглашался. Поэтому стоило ему только выступить против партии, как он принял всю аргументацию меньшевиков, самых откровенных меньшевиков. После XV с'езда партии в одном из троцкистских документов мы находим такого рода формулировку относительно природы советской власти:

«Власть сосредоточена в руках бюрократических органов, опирающихся на рабочий класс, но все сдвигающихся в сторону мелкобуржуазных верхов города и деревни и частично с ними переплетающихся».

Видите, какая формулировка: «Власть сосредоточена в руках бюрократических органов, опирающихся на рабочий класс». Децисты не были с ним согласны. Они считали, что термидор у ж е совершился, пролетариат у ж е потерял власть, власть уже перешла в руки мелкой буржуазии.

Через некоторое время мы получаем другой троцкистский документ «К текущему моменту». Здесь уже дается совершенно другая характеристика классовой природы советской власти, здесь говорится о д в о е в л а с т и и, при чем:

«Классовый источник этого двоевластия в том, что п р о л е т а р и а т н е м о ж е т н и п р о д о л ж а т ь и р а з в и в а т ь, н и с о х р а н я т ь, н и о т с т а и в а т ь О к т я б р ь с к у ю р е в о л ю ц и ю и д о б р о в о л ь н о у с т у п а е т о д н у з а д р у г о й п о з и ц и и м е л к о м у с о б с т в е н н и к у и е г о и д е о л о г а м. Н е т п р я м о г о с о г л а ш е н и я, н о е с т ь н е п и с а н н ы й б л о к м е ж д у о т с т а л о й ч а с т ь ю п р о л е т а р и а т а и с е р е д н я к о м...».

«Этот блок оттолкнул от власти и проводит террор по отношению к авангарду пролетариата («авангард пролетариата»—это оппозиция). Это политически неустойчивое равновесие, когда у пролетариата — политическая власть, у кулака—экономическая мощь. В такой форме такой власти еще не видано в истории».

Здесь мы видим жалкую ренегатскую попытку подражания по форме Владимиру Ильичу. Когда В. И. говорил о природе двоевластия правительства Керенского, он, как известно, тоже говорил, что это — особая форма двоевластия, которой еще в истории не видано.

Несколько позднее мы видим третью формулировку:

«Перешла ли власть в руки буржуазии на данном этапе борьбы?» — спрашивают троцкисты. И отвечают: «Разумеется нет. Ушла ли власть из рук пролетариата? В н е к о т о р о й с т е п е н и, в з н а ч и т е л ь н о й с т е п е н и, но д а л е к о е щ е н е в р е ш а ю щ е й с т е п е н и».

Тут уже прямо говорится о б у р ж у а з и и. Там, раньше, говорилось о с е р е д н я к е, к которому переходит власть, а тут уже прямо говорится о б у р ж у а з и и. «Состояние развивающегося двоевластия неустойчиво и должно раньше или позднее разрешиться в ту или иную сторону. Но при сегодняшнем положении вещей буржуазия смогла бы взять власть только путем контрреволюционного потрясения»... Спасибо на этом!

В письме из Алма-Ата, в известном письме Троцкого от 21 октября 1928 г., где он указывал на новые перспективы развития борьбы с партией, он уже говорит о несколько иной форме этого двоевластия. Он говорит:

«Функция исторической керенщины состояла в том, что по спине ее власть перекатилась от буржуазии к пролетариату. Историческая роль сталинщины состоит в том, что по спине ее власть скатывается или сползает от пролетариата к буржуазии. Послеленинское руководство разворачивает Октябрьскую фильму в обратном порядке и сталинщина есть керенщина слева направо. В стране, потрясенной величайшей революцией, буржуазный порядок ни в каком случае не мог бы принять демократическую форму. Для победы и для удержания победы буржуазии понадобилась бы высшая, чисто военная концентрация власти, возвышающейся «над классами», при чем непосредственной опорой такой власти служил бы поднимающийся новый собственник, у нас—кулак. Это и есть бонапартизм. Термидор только этап на пути к бонапартизму».

Что же сейчас, сегодня, по поводу этой природы власти думает Троцкий? В последней статье в «Бюллетене оппозиции» он ставит вопрос не больше, не меньше, как о в о с с т а н о в л е н и и с о в е т с к о й в л а с т и, «о в о с с т а н о в л е н и и д и к т а т у р ы пролетариата»,—значит диктатуры пролетариата, по его мнению, у ж е нет, она у ж е потеряна. Он прямо говорит: «Вторым условием успеха... является сохранение, вернее, восстановление пролетарской диктатуры».

Таким образом, можно сказать, что если более «левое» по форме крыло оппозиции в виде децистов скатилось в свое время к прямой контрреволюционной формулировке, считая, что термидор совершился, что они имеют дело с бонапартистским государством, то Троцкий ф а к т и ч е с к и к этому пришел сейчас.

Любопытна в этом отношении резолюция каменских троцкистов (гор. Камня в Сибири),—она настолько любопытна, что я считаю необходимым прочесть вам выдержку.

«Направление политики нынешнего руководства характеризует СССР, как нисходящую форму диктатуры пролетариата»... Имейте в виду, что это заявление относится, примерно, к осени 1929 г.: «нисходящую форму диктатуры пролетариата, при которой непосредственно у власти стоит рабочий и служащий и бюрократия, лавирующая между классами и неудовлетворяющая ни одного из них. В стране нет довольного положением, поддержка в рабочем классе и бедноте с каждым днем все уменьшается».

Разве это не бонапартизм чистейшей воды?

Так фактически троцкисты скатились к самой контрреволюционной формулировке по отношению к советскому государству, — к п о л н о м у о т р и ц а н и ю н а л и ч и я п р о л е т а р с к о й д и к т а т у р ы, к п о л н о м у о т р и ц а н и ю п р о л е т а р с к о г о х а р а к т е р а г о с у д а р с т в а. Когда они с негодованием возмущаются по поводу таких упреков, то это есть самое обыкновенное меньшевистское лицемерие. По сути дела, лицемерие сказалось и в критике программы Коминтерна, которую дал Троцкий перед VI конгрессом. История этого заявления конгрессу Коммунистического Интернационала подробно вскрывается теперь из разного рода оппозиционных документов. Факт тот, что очень многие троцкисты подписывали этот документ, даже не читая его. Факт тот, что, например, такой теоретик троцкизма в свое время, как Евгений Преображенский, подписал этот документ, будучи с ним не согласен. Это говорит действительно о том эклектизме, который господствовал всегда среди троцкистов, о беспринципности,—подписать заявление VI конгрессу Коминтерна, с которым человек не согласен, это верх беспринципности.

В краткой, но дружеской переписке, которая тогда происходила между Радеком и Троцким, Радек отмечал, что нельзя же на самом деле называть программу Коммунистического Интернационала социал-демократической,

говорить о Коминтерне в таком тоне, что это чуть ли не социал-демократическая организация и в то же время настаивать на своем возвращении в эту организацию.

Но по сути дела эта критика, которая пыталась подходить как-будто «слева» к Коммунистическому Интернационалу, вся насквозь меньшевистская. Когда вы теперь, в свете тех событий, которые развернулись после VI конгресса Коминтерна присматриваетесь к тому, как Троцкий и троцкисты применяют эту критику Коминтерна, вы видите, что троцкисты целиком и полностью скатываются на социал-демократические позиции. Я приведу некоторые документы, которые это характеризуют.

Надо сказать, что непосредственно после XV с'езда партии влияние Троцкого на кадры троцкистов было очень значительно, но очень скоро, когда этот человек очутился вне партии в таком положении, когда он должен был давать директивы, должен был руководить самостоятельно, все увидали, что король этот гол, бесплоден, беспомощен. Все увидали бесплодность всех директив, которые давались, беспомощность, неумение разобраться в тех событиях, которые происходят вокруг. Формулировки, которые давались Троцким, менялись им буквально на протяжении каждых 2—3 месяцев, иногда 2—3 недель, самые противоречивые и разноречивые оценки природы и политики советской власти следовали одна за другой. Происходило беспомощное и беспринципное лавирование между всеми этими противоречиями для того, чтобы как-нибудь зацепить, сохранить расползающиеся кадры сторонников. Вот именно эта бесплодность, беспомощность оппозиции троцкистов, за которыми пошла в свое время незначительная часть большевиков—неустойчивых, сбившихся с пути, молодых товарищей, которым казалось, что действительно в этой платформе Троцкого есть выправление линии партии, полностью вскрылась после XV с'езда. Многим эта беспомощность ясней стала после того, как Троцкого поддержала так наз. «ленинградская оппозиция», которая в 1926 году заключила блок на основе такого договора взаимной амнистии, взаимного прощения: «Вы нам простите, что мы троцкисты, а мы вам простим, что вы капитулянты»...

Прогнозы Троцкого в этом отношении всегда замечательны тем, что он готов через два месяца дать совершенно новые взаимноисключающие друг друга, хотя он и утверждает, что все его прогнозы с точки зрения «дальнего прицела».

Я здесь не стану пересказывать факты всем вам известные о его шагах за границей.

С чего начал Троцкий? Он начал с того, чтобы показать, что он — левый: пытался создать блок левых групп. Однако, странным образом в эти попытки вплелись переговоры с самого начала с Треном, Паэом, Сувариным, с правыми элементами: происходило одновременное празднование и на Фому и на Ерему, одновременное участие в органах «ультралевого» Урбанса и участие в органе правых, брандлерианцев, «Геген ден Штром», и приглашение к сотрудничеству Суварина, если Суварин признает, что Троцкий в таких-то вопросах, прав, и заигрывание самое низкопробное, какое только себе можно представить, с другими ренегатами Коминтерна. Попытка его играть руководящую роль в Ленинбунде не удалась, как вы знаете. Попытка создать серьезное международное об'единение также не удалась. По существу дела, он лавировал все время между попытками создать левое об'единение, с одной стороны, и создать блок всех оппозиционных групп, которые существуют за границей, не брезгая никакой группой, — с другой стороны.

Если говорить об отношении к международным вопросам, то я думаю, что это отношение особенно характерно сказалось в его двух документах—

в его письме к китайским оппозиционерам и в его статьях, которые называются: «Третий период ошибок Коминтерна». Он получил от китайских троцкистов письмо довольно странного порядка, которое, прежде всего, свидетельствует о полнейшей политической неграмотности тех «троцкистов», которые обращаются к Троцкому. Они пишут, например, в этом письме от 15 ноября 1929 г. из Шанхая:

> «С лозунгом учредительного собрания мы совершенно согласны (этот лозунг выдвигает Троцкий); только не поняли, кто должен созвать это собрание (маленький пустяк!—*Е. Я*), — господствующий класс или народ сам должен созвать его».

Этот отрывок свидетельствует о политическом уровне тех, с кем имеет дело Троцкий. «Господствующий класс или сам народ» должен созвать то учредительное собрание, которое пропагандирует Троцкий. Над таким вопросом думают эти горе-«революционеры» — троцкисты. Троцкий отвечает довольно длинным письмом, в котором говорит, что в отношении к будущему китайцы должны ответить на следующие вопросы.

Первый: «Необходима ли в нынешних условиях победоносной революции мобилизация китайских масс под лозунгом демократии, в частности, учредительного собрания (как думает оппозиция), или же надлежит ограничиваться абстрактной пропагандой советов, как постановил Коминтерн»?

Всем известно, что в Китае идет борьба за советы. Рабочие, крестьяне, коммунисты и не коммунисты борются и умирают за советы. Кое-где советы побеждают, они организуются в сложнейших условиях белогвардейского террора, вопреки воле империалистов (и теориям троцкистов). Целые области захватываются китайскими коммунистами, китайскими революционерами, китайской Красной армией и в этих областях организуются советы. На границу французского Индо-Китая французы должны были послать свои войска для того, чтобы разгромить эти советы. Эти советы китайской революции становятся сейчас большим историческим фактором. Для Троцкого же они — «абстрактная вещь».

А вот учредительное собрание, которое когда-то соберется и неизвестно еще для китайских «революционеров»-троцкистов, — кто его созовет, — господствующий класс или сам народ, — это учредительное собрание совершенно конкретный лозунг. Можно ли еще больше запутаться и можно ли так ярко, еще более ярко вскрыть меньшевистскую сущность в отношении к вопросам международной революции, как это сделал Троцкий в этом вопросе?!

Второй (14-й) вопрос китайцам такой: «Сохраняет ли революционное содержание лозунг «демократической диктатуры рабочих и крестьян», как думает Коминтерн, или же, наоборот, необходимо отметать эту замаскированную формулу гоминдана, раз'ясняя, что победа союза рабочих и крестьян может привести в Китае только к диктатуре пролетариата»?

Выходит так, что Троцкий за учредительное собрание, но в то же время он только за диктатуру пролетариата, — вот, дескать, какой я революционер: хотя я за учредительное собрание, но я только за диктатуру пролетариата [1])!..

И, наконец, третий (15-й) вопрос особенно характерен:

---

[1]) Ну разве «история не повторяется». Не верна ли разве и сейчас в новых условиях характеристика, данная Лениным троцкистам готовым бросаться из одной крайности в другую под впечатлением минуты. «Без царя и правительство рабочее! — кричал Парвус под впечатлением 22(9) января.—Без народа и дума либеральная! Вот к чему сводится его теперешняя «тактика» после 19(6) августа. Нет, товарищ, на настроении минуты, на раболепстве перед минутой мы не будем строить своей тактики!» (соч. Ленина, т. VIII, стр. 227).

«Применима ли к Китаю теория социализма в одной стране или, наоборот, китайская революция может победить и довести свои задачи до конца только как звено международной революции»?

Я уже не говорю о том, что в нынешних условиях такая постановка вопроса уже пустейшая схоластика. Как будто бы китайская революция не развивается, как звено международной революции, как будто бы она совершенно отделена от международной революции действительно китайской стеной, как-будто революция в Китае не есть в то же время часть того громадного переворота, который происходит во всех странах, колониальных и полуколониальных, и во всем мире. Троцкий это движение отделяет китайской стеной, как некогда и при анализе этапов русской революции, что вызвало широчайшую критику Ленина, как мы видели, считая, что происходящая там революция не есть звено международной революции, что это есть нечто совершенно обособленное, отдельное и, что там надо ставить вопрос такой: мыслимо ли в Китае после революции самостоятельное строительство социализма или нет.

Однако, более чем глупо ставить этот вопрос, когда история доказала уже возможность победоносного строительства социализма в одной стране (СССР).

Его статью «Третий период ошибок Коминтерна» очень правильно охарактеризовал тов. Ферра в последнем номере «Большевика»; он говорит там:

> «В брошюре, озаглавленной «Третий период ошибок Коминтерна», Троцкий преподносит в подарок всем французским оппортунистам, всем ренегатам, дрожащим от страха перед буржуазными репрессиями и новым революционным под'емом, идеологическую платформу для того, чтобы они могли дезертировать и совершать свои предательства под маской «левых» фраз. В этой платформе он предлагает в качестве основной задачи французской компартии приспособиться к экономически-цеховой борьбе рабочих, так как абсурдно говорить о революционном под'еме; еще не пришло время для об'единения рабочего движения и таким образом рано ставить вопрос о массовой политической забастовке». («Большевик», № 6, 1930 г. «К проблемам французской компартии»).

Я бы больше сказал, — это есть прямое издевательство над всем революционным движением, происходящим сейчас во всей Европе, Америке и в других странах. Я прочту вам отдельные места из этой статьи Троцкого. Он говорит там:

> «Даже по отношению к чисто экономическому фронту (который имеется сейчас во Франции и Америке и др. странах. — *Е. Я.*) нельзя делать такой вывод, как это делает Монмуссо и К° о наступательном характере борьбы».. Французская компартия «крикливо преувеличивает нынешний размах стачечного движения». «Если под углом зрения этих критериев (что сейчас нет общего кризиса. *Е. Я.*) подойти к нынешнему стачечному оживлению во Франции, то оно пока представится как движение кон'юнктурного характера».

В отношении влияния пятилетки он прямо говорит: «Широкие рабочие массы не живут перспективными цифрами советских планов».

Затем он издевается над нашими лозунгами, которые мы выдвинули ко дню 1-го августа: «Для революционного «завоевания улицы» — искусство ради искусства, — они назначают особые дни» [1]).

«Последним изобретением этого рода явился, — пишет дальше Троцкий, — как известно, день 1-го августа. Простые смертные недоумевали: зачем 1 августа, провал которого предрекали провалом 1 мая? Как зачем? — Отвечали с возмущением официальные стратеги: для завоевания улицы. Что же надлежит, собственно, под этим понимать: завоевание тротуара или мостовой?».

---

[1]) Вы знаете, что Троцкий потребовал накануне 1-го августа, чтобы организации Коминтерна пересмотрели решение о 1 августе, — он действовал тут на руку всяким Цергибелям, пытался сорвать это выступление.

Если вы припомните, как меньшевики издевались над нами в 1905 г., когда они говорили, что большевики хотят назначить восстание на такой-то день, что лучше назначить на воскресенье перед понедельником или лучше в лунную ночь, то вы увидите, что меньшевики буквально точно так же издевались над лозунгами пролетариата в 1905 г., как сейчас издевается Троцкий.

Но эта социал-демократическая, меньшевистская критика советского государства и политики компартии сказалась особенно ярко в вопросах индустриализации, в отношении к вопросам индустриализации и коллективизации деревни.

В № 9 «Бюллетеня оппозиции» имеется статья Троцкого «Экономический авантюризм и его опасности». Вот что Троцкий пишет в этой статье в отношении темпов: «Эти темпы не являются ни устойчивыми, ни обеспеченными». В отношении этих темпов, говорит он, советское государство и партия дали только один лозунг: «Теперь лозунг один: без оглядки вперед». «Сверху требуется размах, ударность, наступление. Все остальное—от лукавого».

«Об'ективные данные начинают все убедительнее свидетельствовать о том, что, как можно было предвидеть и теоретически, разгон взят не по силам. Индустриализация все больше держится на административном кнуте», — так характеризуется Троцким индустриализация. Значит: темпы взяты не по силам, разгон взят не по силам.

Все то, что мы имеем в деле наших успехов индустриализации, Троцкий игнорирует. А успехи эти — несомненны даже при том отставании в выполнении промфинплана, которые мы имеем на несколько процентов в первое полугодие второго года пятилетки. Даже при том отставании, которое налицо, это — успехи, о которых не может мечтать ни одна капиталистическая страна. Несмотря на тысячу всяких прорывов, головотяпств, неуменья, некультурности, несмотря на то, что в недрах нашего аппарата многочисленные вредители систематически срывали программу строительства, — революционное творчество рабочего класса, его энтузиазм, его настойчивость и правильные установки партии таковы, что мы имеем, несомненно, гигантские успехи. Для Троцкого же не существует ничего — ни социалистического соревнования масс, ни этого под'ема; для него все сводится к тому, что «индустриализация все больше и больше держится на административном кнуте».

Как он относится к коллективизации сельского хозяйства? Как он об'ясняет ее? А вот послушайте:

> «Крестьянство, которое после всего опыта революции нелегко становится на путь гражданской войны, стало метаться в поисках другого пути. Так возникла сплошная коллективизация».

Значит, сплошная коллективизация возникла не как план социалистического переустройства деревни, не как план, основанный на величайшем под'еме активности батрачества и бедноты, не на основе союза с середняком, не на основе достигнутых рабочим классом успехов в восстановлении промышленности, а на том, что крестьянство, желая избежать гражданской войны, и не имея, куда податься, вступило на путь сплошной коллективизации. Прочтите меньшевистские газеты; я не могу назвать ни одного меньшевика, который бы так погано, так злостно, необ'ективно об'яснял коллективизацию в нашей стране, как это делает Троцкий. Но Троцкому и этого об'яснения недостаточно. Он идет еще дальше и «углубляет» свой «анализ».

«Из крестьянских сох и крестьянских кляч, — продолжает он, — хотя бы и об'единенных, нельзя создать крупного сельского хозяйства, как из суммы рыбачьих лодок нельзя сделать парохода».

Всякий совпартшколец у нас знает очень хорошо, как капитализм умел подчинить себе, например, кустарное производство, как он умел организовать это кустарное производство. И совершенно непонятно, как может человек, хоть раз читавший Маркса, говорить такие вещи относительно советского государства, где условия для создания обобществленного хозяйства, где регулирующая сила государства гораздо выше. Как он об'ясняет эту сплошную коллективизацию?

«Если крестьянство валит сейчас сплошь в колхозы, то не потому, что колхозы успели обнаружить перед крестьянством свою выгодность на деле и не потому, что государство успело доказать крестьянину (или хотя бы самому себе), что оно имеет возможность перестроить уже в ближайшее время крестьянское хозяйство на коллективных началах, а потому, что... крестьяне, т.-е. прежде всего, их верхние слои, настроившиеся на фермерско-капиталистический лад, внезапно уперлись в тупик. Ворота рынка оказались на замке. Поготтавшись перед ними в испуге, крестьянство шарахнулось в единственно открытые ворота — коллективизации».

Здесь — весь Троцкий, со всем его пренебрежением к крестьянству, как к союзнику пролетариата, непониманием его; весь Троцкий—с его отношением к организации хозяйства только как к административной задаче, — который только административным путем думает разрешать такие задачи. Здесь весь Троцкий, который не понимает роли крестьянства на различных этапах революции, который игнорирует совершенно в данном случае не только середняка, но и деревенскую бедноту и роль этой деревенской бедноты, не замечает ее. Это ему выгодно с меньшевистской точки зрения. Какой же меньшевик более антисоветски об'ясняет коллективизацию сельского хозяйства, чем Троцкий?

Для того, чтобы создать видимость критики «слева» [1]), он говорит:

«В сущности это не новая теория. Это — старая теория построения социализма в отдельной стране, только переключенная на третью скорость».

Я думаю, что если что и переключено сейчас на третью скорость, то это все более и более быстрое ренегатство Троцкого. Он действительно перешел на самую высокую скорость в этом отношении. И после этого Троцкий глубокомысленно пророчествует:

«Скажут, оппозиция как-будто меняется... местами. Оппозиция обвиняла аппарат в сверхиндустриализации, а сама тянет вправо. Другие глубокомысленно прибавят: правое крыло, обвинявшее сталинцев в сверхиндустриализации, в «троцкизме», капитулировало перед Сталиным, а левая оппозиция как-будто перенимает точку зрения правого крыла».

«Как будто перенимает точку зрения правого крыла»—какая проницательность!

Однако, как же отразились эти «прогнозы» Троцкого на его сторонниках, как они поняли Троцкого? Что же говорят его сторонники здесь?

Вот произведение Раковского, относящееся к последнему времени, в котором он оценивает коллективизацию.

Раковского интересует, так сказать, будущность колхозов и он задается вопросом, «какие отношения создадутся в колхозах». Вот как он отвечает на этот вопрос:

«За фикцией собственников-колхозников, за фикцией выборного управления создаются отношения, оставляющие далеко позади то, что мы видели теперь в совхозах. Дело в том, что колхозники будут работать сами на себя. Единственное, что будет беспрерывно цвести, расти и развиваться в колхозах это будет новая колхозная бюрократия. Она будет всех видов и родов. Детище бюрократической фантазии, лишенное своей естественной классовой технической и др. базы, колхозы, об'единяющие под одной крышей все слои крестьянства, исключая явных кулаков, будут опоясаны во всех направлениях стальными обручами бюрократического аппарата. Колхозы будут во всем терпеть нужду, но эта нужда будет широко компенсирована чиновниками и охранителями явными и тайными. Это подтверждает еще раз, что чиновничий социализм в свою очередь рождает чиновников и то, что социалистическое общество, к которому, по уверениям официальных писак, мы подошли уже вплотную, будет царством чиновников».

Я спрашиваю вас, — ведь мы приводили не однажды выдержки из буржуазной печати относительно колхозного строительства, — встречали ли вы хоть что-либо подобное, более пасквилянтское изображение будущего колхозов?

Дальше этот «пророк» рисует самую мрачную картину крепостнических отношений: «Но что будет завтра, когда все будет коллективизировано? Куда будут уходить батраки и бедняки? Несомненно, в город, увеличивая армию безработных и оставляя, может быть, деревню без рабочих рук. Неужели может случиться, чтобы наша пролетарская власть издала закон, прикрепляющий крестьянина-бедняка и середняка к его колхозу, а нашу красную милицию обязывающий ловить на улицах беглецов и водворять их на место жительства»?

Но наибольшим «перлом» является то, что «обобщает» все эти рассуждения. В заключение Раковский доказывает, что «ни теоретические, ни практические позиции, занимаемые большевиками-ленинцами, т.-е. оппозицией не вели ни к сплошной коллективизации, ...ни к экспроприации кулачества». Это верно,—это единственно верная вещь, что никогда, ни теоретические, ни практические позиции, которые занимают троцкисты не вели ни к сплошной коллективизации, ни к экспроприации кулачества. Это верно, что, как и меньшевики, троцкисты исходили все время из роста и развития капитализма, в отношении которого позиция пролетариата будет лишь обороной, а не наступлением для преодоления и окончательной ликвидации на базе коллективизации кулачества как класса.

Но чтобы договориться человеку, который защищал «архилевую» платформу до таких вещей, до каких договорился Раковский, конечно, нужно было проделать не оборот в 180 градусов, а нечто гораздо большее, надо было вернуться целиком на социал-демократические позиции, отбрасывая всякие украшения, всякий флер. Такая точка зрения, конечно, не может найти многих сторонников даже среди тех, которые остались троцкистами.

Есть еще один яркий документ Раковского. Это ответ Яцеку.

Яцек задает вопрос:

«Необходимо своевременно ответить партии на то, как мы относимся к лозунгу ликвидации кулачества и новой буржуазии как класса. Ясно, что это ликвидация нэпа».

Раковский отвечает:

«Прежде всего позволю формулировать ваш вопрос соответственно исторической правды. Нужно ответить на вопрос, как мы относимся к экспроприации и ликвидации середнячества как класса. Дело в том, что кулака мы терпим постольку поскольку не хотели ссориться с середняком. Не о союзе с середняком идет речь, а о том, чтобы только не поссориться, поэтому надо «терпеть» кулака».

Тут уже комментариев, как говорится, даже не требуется!

[1]) Ведь быть „революционнее всех» — старая парвусо-троцкистская идейка.

В статье «Слева направо» я приводил в «Правде» письмо Киевленко, троцкиста, который перепуган этой эволюцией троцкистов и спрашивает одного из своих друзей:

«Ты не видишь грозной опасности перерождения оппозиции? Сейчас наблюдается этот процесс эволюции, который можно прощупать пальцами. Товарищи считают, что оппозиция должна выступить против нынешнего темпа индустриализации как сверхиндустриального, против нынешней коллективизации, сверхколлективизации, против ликвидации кулачества как класса—как ликвидации изпа... Я спрашиваю тебя, какие классы будут цепляться за эти лозунги, какие силы они будут вербовать, с кем эти лозунги нас сближают, куда хотят повернуть оппозицию?..

В другом документе этот же Киевленко пишет:

«Либо вы не дадите повернуть на новые рельсы, — тогда вы спасете положение, либо вы попытаетесь уступить, — тогда гибель наверняка. Я имею в виду выступления ряда товарищей с открытыми правыми лозунгами: промышленность — реже шаг! Долой сверхколлективизацию и т. п. Что станет с нами, если мы станем на этот путь? Выступать против темпов значит об'ективно заместить правую фракцию, значит собрать такие силы, которые нас предадут»...

Этот человек не замечает, что фактически «вожди» давным-давно предали революционные интересы, что они д а в н ы м д а в н о уже всем своим существом стоят на почве контрреволюции, на почве самого оголтелого меньшевизма, прикрываясь еще иногда ленинскими фразами. Но голос Киевленко не одинокий голос. Небезызвестный вам Лелевич обратился также с письмом против правого вырождения оппозиции, в котором он пишет:

«За последние месяцы в оппозиции наметились тенденции, которые, в случае их успеха, грозят самой б е с с л а в н о й г и б е л ь ю о п п о з и ц и о н н о м у т е ч е н и ю. Эту самоубийственную тенденцию необходимо парализовать в самом начале, дав ей резчайший отпор.

Сложность обстановки, тяжесть переходного этапа, простого и ясного действия — все это толкает многих товарищей в сторону обострения борьбы с руководством. Но так как к р и т и к о в а т ь п я т и л е т к у и с п л о ш н у ю к о л л е к т и в и з а ц и ю с л е в а н и к а к н е л ь з я, то желание во чтобы то ни стало раздуть разногласия неожиданно оборачивается... критикой справа...

Товарищи смеются над революционной (хотя и непосредственной) ситуацией в Европе и отрицают кризис в САСШ. Товарищи заговаривают о «сверхиндустриализаторстве» ЦК. Товарищи об'являют «авантюрой» коллективизацию. Некоторые даже выдвигают необходимость отступления к политике XIV конференции 1925 г. Что это как не сползание на брандлерианско-фрумкинские рельсы. Если бы оппозиция восприняла эти губительнейшие тенденции она превратилась бы в свою противоположность...»...

Есть ряд оппозиционеров, еще не вернувшихся в партию. Например, тоже известный вам, Рафаил (Фарбман). Он резко критикует в письме к товарищам правые взгляды Троцкого и троцкистов. Он критикует положение Троцкого о том, что «ликвидировать кулака значит ликвидировать крестьянство», критикует положение Троцкого, что коллективизация на нынешних технических основах всего крестьянства — минус выселение кулака — есть включение всех противоречий деревни в колхозы». Он критикует положение Троцкого, что «в промышленности господствует авантюризм». Троцкий заявляет: «вопросы темпа провозглашены теперь вопросами чистой воли. Пятилетка в четыре года. Хозяйство идет навстречу жестокому кризису под лозунгом: «Догнать и перегнать». Рафаил спрашивает: «Против чего, собственно, возражает Л. Д. — против больших темпов индустриализации? Взятые темпы характеризуются как авантюризм. Это, к сожалению, тоже знакомое утверждение». Заканчивает он это письмо таким образом: «Тот, кто не хочет очутиться в рядах правых, куда об'ективно тянет Л. Д., тот должен вернуться в ряды партии, принять участие в происходящих

и предстоящих еще более ожесточенных классовых боях, бороться за генеральную линию партии и на ее основе за единство рядов партии».

* * *

Для нас должно быть совершенно ясно п о л н о е б а н к р о т с т в о троцкистской оппозиции, как течения, которое претендовало на какое-то влияние в самой партии, на движение рядом с партией, на сближение с нею. Никакого сближения с троцкистами быть не может. Этого, к сожалению, не понимают некоторые из них. Некоторые, как Дашковский, ставят вопрос так, что м а с с ы п о т р е б у ю т, чтобы они были приглашены на XVI с'езд, что, может быть, их еще п о з о в у т в партию, может быть, так случится. Видите, нам больше ничего нехватает, кроме того, чтобы пригласить эту публику на с'езд партии.

В заключение, остановлюсь еще только на двух документах бывших троцкистов, тех троцкистов, которые уже решили порвать с Троцким. Эти документы вскрывают еще несколько характерных фактов. Фракционная дисциплина удерживает среди троцкистов до сих пор еще некоторое число людей, которые не чувствуют под собой уже никакой троцкистской почвы. Я имею в виду письмо б. красн. проф. Б. Лифшица и б. троцкиста Переверзева. Лифшиц пишет, примерно, в декабре 1929 г.: «Д л я м е н я т е п е р ь с о в е р ш е н н о я с н о, ч т о Л. Д. р в е т у з ы, к о т о р ы е е г о с в я з ы в а л и с б о л ь ш е в и з м о м и л е н и н и з м о м». (Сколько времени надо было этому профессору, чтобы он понял это! — *Е. Я.*). «Наша борьба на данной стадии из полезного дела превращается в преступление».

В письме Переверзева мы находим довольно любопытную характеристику тех, которые колеблются, которые хотят вернуться в партию, но ждут, когда партия перед ними сделает реверанс. Он цитирует письмо Михаила Окуджава:

«Ныне политика вышла далеко за пределы зигзагов, превратилась в левый глубокий поворот. Необходимо об этом сказать ЦК, заявить о ликвидации оппозиционной борьбы, но дальше не итти. Это будет капитуляцией».

Видите, какая непоследовательность: они признают, что политика ЦК правильна, но прекратить борьбу считают возможным только условно. Затем Эльцин, красный профессор, пишет:

«Мы должны уметь ждать, мы скоро будем в партии. В данный момент пролетариат пассивен, но скоро перейдет к активности и это приведет нас в партию».

Ничем, как самыми беспочвенными мечтаниями, нельзя это назвать. Несмотря на то, что эти люди учились в Институте Красной Профессуры, хвалятся знанием истории и пр., и пр., эти люди не понимают нашей партии, не знают нашей партии, не понимают того, что партия в них не нуждается и н и к о г д а их не позовет.

Вместе с тем мы не можем игнорировать того насилия над историей партии, которое сейчас проделывают сторонники Троцкого, которые вместе с Троцким в буквальном смысле слова фальсифицируют всю историю нашей партии. Особенно занимается этим сам Троцкий. Его работы, которые вышли за границей, такие, как «Моя жизнь» и «Перманентная революция», которая вышла отдельной книжкой, — эти работы буквально являются шедевром фальсификации истории [1]). Троцкист Я. Греф в июньском номере прошлогоднего «Бюллетеня» пишет, например:

[1]) Достаточно, например, отметить, что Троцкий писал в первой из этих «работ», что Ленин, критикуя его, Троцкого, никогда не читал основной работы по перманентной революции «Итоги и перспективы», хотя, как известно, Ленин в полемике с Мартовым эту работу цитирует. И когда, повидимому, кое-кто из друзей

«...Так называемый троцкизм есть не что иное, как теоретический экстракт всего опыта великой русской революции, теоретическое выражение «действительно происходящего процесса классовой борьбы пролетариата» (Маркс) в нашу эпоху войн и революций (Ленин), т.-е. «троцкизм» есть не что иное, как ортодоксальный марксизм и ленинизм».

Я думаю, что для нас совершенно ясно, что такое троцкизм. Это есть меньшевизм самой чистой воды. Меньшевизм в его наиболее вредном выражении, поскольку он прикрывается ленинизмом, близостью к Коммунистическому Интернационалу, поскольку он претендует на то, чтобы входить в Коминтерн, поскольку он обманывает рабочие массы тем, что он стоит за Коммунистический Интернационал. Этим он более вреден, чем тот меньшевизм, который открыто рвет с Коминтерном.

Троцкизм в СССР это есть об'ективно контрреволюционное течение, которое способно в те или иные моменты, на тех или иных поворотах истории быстро менять свою оболочку. Сегодня — самая левая фраза, сегодня самая левая программа «даешь сверхиндустриализацию». Но, когда с величайшим напряжением сил пролетариат выполняет пятилетку, гигантский план великих строительных работ социализма, этот план об'является бюрократическим, темпы — несбыточными, движение — катастрофическим.

Для нас совершенно ясно, что за эти годы, которые прошли со времени XV с'езда, ценно во всей этой истории как раз то, что троцкизм саморазоблачил себя даже для своих сторонников, которых становится все меньше и меньше в нашей стране, которых Троцкий не мог сколотить (я говорю о нашей партии, о рабочем классе), как не мог сколотить и в Европе. Маленькие, ничтожные группки в Западной Европе ренегатов от Коминтерна, ренегатов от коммунизма собрал Троцкий. Ни одной крупной организации троцкисты завоевать не могли. Они остались беспочвенны в рабочем классе: но они все же опасны для некоторых прослоек рабочего класса, которые подвержены влияниям мелкобуржуазных слоев, мелкобуржуазной идеологии. Именно поэтому мы не можем считать совершенно законченной борьбу с троцкистами. Мы не должны забывать, что блоки разного рода бывших и настоящих троцкистов с правыми очень возможны и сейчас.

Товарищи, для всех нас совершенно ясно, что необходимо самым внимательным образом следить не только за этой эволюцией троцкизма, а затем, как, на какой почве такого рода взгляды могут возникнуть иногда в отдельных группках в моменты колебаний, в моменты временных неудач. Именно современный этап, под влиянием тех ошибок, тех перегибов, которые были у нас кое-где, делает возможным аналогичные колебания, именно современный этап характерен такого рода колебаниями, на которых могут еще попытаться сыграть троцкисты. Кое-где эти правые взгляды троцкистов могут найти даже сочувствие: мол, не только правые критикуют политику партии, но и троцкисты с ними заодно подпевают. Это, несомненно, некоторый «плюс» для тех, кто хочет бороться с политикой партии, с политикой советской власти. Но тем беспощаднее должна быть наша борьба со всеми идеологическими уклонами, тем более четким должно быть разоблачение этих уклонов, тем настойчивее мы должны показывать рабочим массам и широким массам трудящихся, как все противники коммунистической партии, все противники ленинской линии Коминтерна сходятся, когда надо помешать победоносному шествию социализма.

Троцкого указал ему на то, что он «слишком перехватил», Троцкий во второй работе «поправился»..., написав, что Ленин цитирует его из вторых рук. Куда же еще дальше идти после подобных утверждений!

М. Лифшиц.

Коллективизация и сельхозналог.

Бюджет на 1929/30 г. составляет 11,6 миллиардов рублей. Общая же сумма сельхозналога в 1929/30 бюдж. году намечена в 415 млн. руб. По отношению ко всему бюджету это составляет только 3%. Но из общей суммы сельхозналога в государственный бюджет поступает всего лишь 33% или 136 млн. руб., которые в госбюджете составляют уже только не многим более 1%. Далее. Только одно кредитование колхозов должно быть обеспечено в сумме 500 млн. руб. (пост. ЦК от 5 января и 2 апреля).

Таким образом сельхозналог в бюджете занимает довольно скромное место.

Несмотря на все это система этого налога всегда была предметом особого внимания со стороны партии. Все годы советской власти система этого налога использовывалась, перестраивалась при тех или иных изменениях нашей политики в деревне, во всех случаях, когда нужно было наиболее успешно и эффективно в кратчайший срок разрешить какую-нибудь очередную задачу в деревне. Все это говорит за то, что этот налог является мероприятием громадной политической важности.

Наиболее же резко политическая значимость сельхозналога определяется его подоходностью и действующей системой прогрессии, глубоко насыщенной классовым содержанием. При помощи регулирования в налоге этих двух его элементов (подоходности и прогрессивности), достигается то, что вся беднота от налога освобождается, в отношении середняка тяжесть налога из года в год перераспределяется в сторону ее понижения, на кулака же из года в год переносится все большая и большая часть налога. Скажем, в истекшем году во многих случаях у кулаков налогом изымалась не часть его дохода, пусть даже очень значительная, но иногда весь доход. Так что, во всяком случае, для истекшего года недостаточно было бы сказать, что налог только препятствует росту кулачества, ограничивает его накопление. Есть все основания утверждать, что сельхозналог во многих случаях из орудия ограничения кулачества используется, как одно из реальнейших средств ликвидации эксплоататорских признаков данного кулацкого хозяйства.

Подтверждение всего сказанного относительно политической роли сельхозналога можно найти в истории обложения деревни за все годы советской власти, в тех характеристиках этой системы, которые давались ей в постановлениях партийных с'ездов, конференций, пленумов в директивах по построению системы обложения. Результаты практического проведения налога всегда подтверждали, что требования, пред'явленные к этому налогу, задачи, перед ним поставленные успешно им разрешаются. Разумеется, это вовсе не значит, что при проведении налога не было ошибок. Приходится констатировать, что при практическом проведении сельхозналога таких ошибок было не мало. Ошибки эти выражались иногда в том, что сельхозналог недостаточно полно разрешал поставленные перед ним задачи, а иногда в том, что практика даже искривляла политику партии. Но в том и особенность нашей системы обложения деревни и

практики ее проведения, что имеется всегда реальная возможность с необходимой быстротой выявить ошибки и немедленно внести необходимые поправки.

На результатах кампании сельхозналога прошлого года необходимо остановиться еще и для того, чтобы каждому партийцу яснее было, в какой степени новый сельхозналог способен разрешить те задачи, которые перед ним теперь поставила партия.

Опыт прошлого года.

Сельхозналог истекшего 1929/30 г. был перестроен главным образом в целях разрешения тех очередных задач, которые были поставлены и ноябрьским пленумом (1928 г.) Центрального Комитета партии и XVI партийной конференцией.

При оценке нашего хозяйственного положения, при анализе наших взаимоотношений с середняком и задач в отношении кулака, в обоих упомянутых выше партийных решениях давались точные указания по части построения сельхозналога на 1929/30 год. В основном переустроенный сельхозналог должен был содействовать разрешению следующих трех важнейших задач: 1) облегчению тяжести обложения середняка в целях дальнейшего упрочения союза рабочего класса с середняком; 2) усилению обложения кулака; 3) максимальному использованию сельхозналога, как средства содействия под'ему сельского хозяйства, преодоления трудностей в его развитии, преодоления чрезмерной замедленности его роста, в особенности зернового хозяйства, производства хлеба.

Можно без всякого преувеличения утверждать, что эти три задачи, поставленные перед налогом прошлого года, были разрешены успешно. Одни задачи разрешены полнее, другие — в меньшей степени, но в общем все эти задачи разрешены удовлетворительно.

Социальную и классовую сущность нашего сельхозналога наиболее отчетливо выявляет следующая табличка, в которой дано распределение за два года хозяйств, облагаемого дохода и сельхозналога по группам хозяйств.

Хозяйства	В % к итогу				Сельхозналога в %%	
	Число хозяйств.		Облагаем. доход			
	1928/29	1929/30	1928/29	1929/30	1928/29	1929/30
1. Беднота, освобожденная от налога по необлаг. минимуму 1)	20,0	27,9	5,8	10,3	—	—
2. Середняки, облагаемые в обычном порядке.	79,1	69,4	90,5	78,7	86,7	71,7
3. Кулаки, облагаемые в индивидуальном порядке 2)	0,9	2,7	3,7	11,0	13,3	28,3
ВСЕГО	100	100	100	100	100	100

1) Кроме того, примерно еще 8—9% хозяйств в 1929/30 году и 15—16% хозяйств в 1928—29 году освобождены от налога постановлениями районных налоговых комиссий. Таким образом, общее количество хозяйств, вовсе освобожденных от налога, составляет за оба эти года примерно одну и ту же величину (не менее 36%). Соответственно сокращается на эти же проценты удельный вес хозяйств второй группы—середняков.

2) В эту группу не входят так называемые явно-кулацкие хозяйства, которые хотя и были лишены всех льгот производственного характера, но облагались не индивидуально.

Середняк заплатил налога примерно на 60 млн. руб. меньше прошлого года, а не на 50 млн., как намечала XVI партконференция. Только середняк получил всю сумму льгот и преимуществ в целях облегчения тяжести обложения и под'ема сельского хозяйства, которые предусматривал прошлогодний налоговый закон. Оно и понятно: беднота от налога освобождена вовсе, а кулак был лишен всяких льгот.

И в отношении кулака директивы выполнены хорошо. Общее количество кулацких хозяйств, обложенных в индивидуальном порядке, в сопоставлении с предыдущим годом увеличилось в три раза (с 0,9% до 2,7%), сумма налога, взысканная с кулаков, превысила не только сумму предыдущего года (56 млн. руб.), но и сметную сумму на 1929/30 г. (70 млн. р.) и достигла примерно 115 млн. руб.

Таким образом, 2,7% хозяйств — кулаки, доход которых составлял примерно 11% всего облагаемого дохода,—уплачивали 28% налога. Можно без всякого преувеличения утверждать, что эти результаты обложения кулацких хозяйств в прошлом году не в малой степени содействовали практическому осуществлению задачи по ликвидации кулачества, как класса в отдельных районах.

И, наконец, третья задача — содействие под'ему сельского хозяйства вообще и в первую очередь зернового хозяйства, тоже разрешена более или менее удовлетворительно.

Не следует обманывать себя: успешные результаты проведения сельхозналога в прошлом году достались вовсе не так легко. Надо помнить, что практическое проведение сельхозналога в прошлом году, первые периоды налоговой кампании совпали с периодом наибольшей активности правооппортунистических элементов в партии и в стране, в отдельных звеньях нашего аппарата, в особенности, низового советского аппарата, который практически проводит сельхозналог. Именно этим в частности об'ясняется, что в первый этап проведения сельхозналога выявление кулацких хозяйств, подлежащих обложению в индивидуальном порядке, проходило очень слабо и число этих хозяйств составило всего лишь 1½%. Только в результате настойчивой и последовательной борьбы партии, Центрального Комитета с правым уклоном, оппортунизмом на практике, по исправлении допущенных ошибок удалось это явно недостаточное количество кулацких хозяйств, подлежащих обложению в индивидуальном порядке, повысить и довести до 2,7%.

Надо сказать, что и это количество во всяком случае ниже действительного количества эксплоататорских крестьянских хозяйств в нашей стране, особенно бывших осенью прошлого года, т.-е. в период выявления этих кулацких хозяйств.

Налог и коллективизация.

Анализ новой системы обложения деревни, нового сельхозналога показывает, что налог этот может и должен будет содействовать коллективизации.

Сельхозналог, как бы его ни построить, как бы велики ни были льготы и преимущества, предоставляемые им колхозам, разумеется, не может иметь решающего влияния на самый процесс и темп коллективизации. Но сельхозналог может стимулировать коллективизацию, он может содействовать тому или иному организационному оформлению колхозов, но он не может и не должен рассматриваться, как решающее мероприятие в деле социалистического переустройства сельского хозяйства. Ко-

нечно, в повышении удельного веса обобществленного сектора села принимает участие совокупность мероприятий и политических и хозяйственных, проводимых партией и советской властью, в том числе и налоговые мероприятия.

Все годы по сельхозналогу предоставляются льготы и преимущества коллективным хозяйствам.

И в прошлые годы тяжесть обложения колхозов была значительно ниже тяжести обложения единоличных хозяйств, причем эта тяжесть диференцировалась в зависимости от степени обобществления. Наиболее ярко это выражается в следующей табличке.

	Единоличные хозяйства[1])	Артели	Коммуны
Средний размер облагаемого дохода на едока в рублях	50 52	58,72	69,60
Налог на едока	3,94	1,60	1,81
% из'ятия облагаемого дохода	7,8	2,73	2,61

В табличке приведены данные о сравнительной тяжести обложения единоличных хозяйств, артелей и коммун по РСФСР (без нескольких губерний) за 1928/29 год. О чем говорит эта табличка?

Первое, средний доход на душу в единоличном середняцком хозяйстве ниже, чем на душу в коллективном хозяйстве; второе, в коллективном хозяйстве доход на душу в коммуне выше, чем в артели, и, наконец; третье — тяжесть налога на душу в единоличном середняцком хозяйстве значительно выше, чем в коллективном хозяйстве.

В прошлом году сама система, порядок обложения коллективных хозяйств строились, исходя из удельного веса и географии коллективизации. Так как тогда преобладали мелкие колхозы примерно из двух десятков дворов, то в этих условиях обложение колхозов строилось применительно к системе обложения единоличных середняцких хозяйств.

Что конкретно означала такая система.

Во-первых, постоянную ориентацию на окружающие единоличные середняцкие хозяйства, так как колхоз является как бы оазисом, островком в сплошной массе окружающих его единоличных хозяйств. Во-вторых, исчисление налога в колхозе по душам неизбежно означало оглядывание колхозника назад, на свое единоличное хозяйство. В-третьих, и самое плохое — имела место регрессивность обложения.

Конечно, чрезвычайно льготное обложение колхозов по этой системе в несколько раз более низкое, чем обложение середняцких хозяйств, с точки зрения интересов фиска никакого значения не имело: очень ужнезначителен был удельный вес коллективного сектора. С точки зрения интересов коллективизации такое пониженное обложение давало наглядные преимущества коллективному хозяйству перед единоличным.

Все сказанное до сих пор со всей очевидностью показывает, что система эта неприменима в условиях нынешней стадии коллективизации. Она в первую очередь неприменима технически. Раз мы имеем районы сплошной коллективизации, т.-е. мы имеем районы, в которых или вовсе нет или мало единоличных хозяйств, то ясно, что нет того среднего дохода, по которому равнялось и строилось обложение колхозов в прошлом году. Едва ли надо доказывать, что и в районах не сплошной коллективизации не

¹) За исключением облагаемых в индивидуальном порядке и без % надбавок по ст. 27 закона и скидок, установленных для колхозов

годится теперь строить обложение коллективного сектора, равняясь по единоличному.

Наконец, если бы мы в нынешнем году сохранили тяжесть обложения коллективного сектора примерно в 3 раза ниже индивидуального, при наметившемся при построении налогового закона (в январе—феврале мес.) удельном весе колхозов, то это бы означало сокращение налога примерно больше чем в два раза. Конечно, для такого понижения суммы налога нет никаких экономических оснований. Ведь понижение это ударило бы очень больно по местному бюджету, в первую очередь по бюджету района и села, по культурному обслуживанию деревни, в том числе и колхозов.

В чем конкретно выражается новая система обложения колхоза, и решению каких задач эта новая система должна содействовать? Мы не предполагаем излагать здесь исчерпывающим образом систему обложения колхозов. Это лучше всего можно узнать и из закона и из изданной по этому поводу литературы. Мы здесь остановимся лишь на характеристике основных особенностей этой системы с тем, чтобы выявить тот политический смысл, который вложен в эту систему.

Первое и основное в системе обложения колхозов заключается в том, что последние при обложении рассматриваются как самостоятельное юридическое лицо. Финорганы имеют дело с правлением данного коллектива, никакой непосредственной связи, никаких требований налогового порядка к члену этого коллектива не пред'является. Этим самым колхозник освобождается от ряда сложных «дергающих» его обязанностей, связанных с выполнением своих налоговых повинностей в прошлом.

Чрезвычайно важной особенностью нового закона является, при сохранении принципа подоходности в обложении колхозов, замена прогрессивного обложения пропорциональным. Это имеет крупное принципиальное значение. Этим самым колхозы приравниваются к остальным категориям хозяйств обобществленного сектора страны, по отношению к которому нет оснований для прогрессивной системы обложения. Мы считаем на данной стадии развития народного хозяйства неизбежным изымать в той или иной доле прибыль, накопление из всех отраслей народного хозяйства (государственной промышленности и торговли, кооперации, обобществленного сектора сельского хозяйства) в целях перераспределения этой прибыли для выполнения общих планов строительства. Но производится это из'ятие исключительно по принципу пропорционального обложения. Совершенно очевидно, что прогрессивность в системе обложения может быть оправдана лишь в тех случаях, когда этой системе придается классовое содержание, имеющее целью различие в распределении тяжести налога между различными социальными группами населения, а отчасти и для различного распределения тяжести обложения между отдельными лицами внутри каждой социальной группы. Эта система теперь неприемлема в отношении обобществленного сектора на селе.

Конечно, теперешний колхоз это еще не есть законченная форма социалистического хозяйства. Но в то же самое время несомненно, что колхозы являются все же одной из форм социалистического хозяйства.

«Конечно, в колхозах имеются противоречия. Конечно, в колхозах имеются индивидуалистические и даже кулацкие пережитки, которые еще не отпали, но которые обязательно должны отпасть с течением времени, по мере укрепления колхозов, по мере их машинизации. Но разве можно отрицать, что колхозы в целом, взятые с их противоречиями и недостатками, колхозы как хозяйственный факт, представляют в основном новый путь развития деревни, путь социалистического развития деревни, в противоположность кулацкому, капиталистическому пути развития? Разве можно отрицать, что колхозы (я говорю о колхозах, а не о лжеколхозах) представляют при наших условиях базу и очаг социалистического строительства в деревне, выросшую в отчаянных схватках с капиталистическими элементами». (Сталин. Речь на конференции аграрников-марксистов).

С этой точки зрения нет оснований ни политических, ни экономических для сохранения прогрессивного обложения обобществленного сектора. Для обобществленного же сектора деревни, разумеется, можно было бы найти оправдание для сохранения некоторой прогрессивности обложения, имея в виду, что в целях перераспределения дохода целесообразно из'ять с колхоза с большей доходностью большую долю этого дохода. Однако, именно на данной стадии коллективизации вряд ли это целесообразно хотя бы потому, что общее экономическое положение колхоза, даже при той исключительной финансовой помощи, которую советская власть оказывает колхозному движению в первый организационный период коллективизации, не на столько крепко, чтобы можно было рассчитывать на очень высокие доходы колхозов. Кроме того, если в условиях единоличного середняцкого хозяйства прогрессивность обложения не препятствовала росту этих доходов, т. к. единоличник отлично учитывал все выгоды, связанные с расширением сельскохоз. производства, во много раз превышающее повышение размеров налога, то в условиях коллективного хозяйства вопрос обстоит далеко не так. Нет сомнения, что есть и такие члены колхозов, которые пока еще не поднялись до осознания необходимости повышения производительности труда в интересах всего колхоза, всего коллектива. В нем еще могут жить и довольно сильно проявляться интересы единоличного, мелкособственнического хозяйства. С этой точки зрения прогрессивность обложения, предусматривающая больший процент из'ятий, при росте дохода может служить иногда препятствием, ослабить заинтересованность члена этого колхоза в росте доходности, в повышении производительности труда. Таким образом, и с этой точки зрения вполне правильно на даной стадии коллективизации установить для колхозов принцип пропорционального обложения.

И, наконец, последний довод в пользу пропорционального обложения колхозов сводится к тому, что прогрессивность обложения сама по себе означает бо̀льшую сложность обложения, чем пропорциональность, а вопрос упрощения системы особенно в условиях нашего вообще довольно сложного сельхозналога, является вопросом первостепенной важности. Надо, чтобы не только правление, председатель или счетовод колхоза, но чтобы каждый колхозник мог с легкостью подсчитать причитающуюся сумму налога с колхоза, сопоставить тяжесть обложения колхоза в сравнении с единоличным середняцким хозяйством и сразу же убедиться в преимуществе обложения колхоза, в значительном облегчении тяжести обложения колхоза в сравнении с обложением единоличного хозяйства.

Следующим отличием от прошлого года в системе обложения колхоза является то, что в смысле налоговом колхозы делятся только на две категории: коммуны и прочие колхозы. При этом под «прочими» закон имеет в виду артели и товарищества по совместной обработке земли. В «прочие» не включаются простейшие т-ва (посевные, машинные, мелиоративные и др.) [1].

Хотя это и выходит за пределы темы настоящей статьи, все же в нескольких словах необходимо сказать о разнице между т-вом по совместной (общественной) обработке земли и простейшим т-вом, главным образом, для того, чтобы понятен был политический смысл этого деления.

Т-ва по совместной обработке земли относятся к категории колхозов и, следовательно, пользуются всеми льготами и преимуществами, всеми видами

[1] В постановлении правительства от 12/IV с. г. о новых льготах колхозам, из категории «прочих» колхозов выделяются товарищества по совместной обработке земли, не обобществившие рабочий скот и инвентарь, устанавливая для них некоторые ограничения, в смысле предоставления льгот в сравнении с артелями, которые являются на данной стадии развития коллективизации наиболее приемлемой и рекомендуемой организационной формой коллективизации.

помощи, в том числе и финансовой, которую совласть оказывает по линии содействия коллективизации. Основное отличие тсоз'а от простейшего т-ва заключается в том, что тсоз обязательно обобществляет все полевые угодия, кроме того в нем обобществлен не только труд, но и результаты этого труда т.-е. члены тсоз'а получают определенную оплату труда, а результаты производства реализуют в централизованном порядке через правление колхоза.

В простейшем же т-ве речь идет об обобществлении в отношении всех, а иногда части полевых угодий, что, однако, зависит от решения отдельного крестьянина. Результаты работы распределяются между членами т-ва в соответствии не с количеством потраченного труда и не с количеством этого труда, а с количеством земли, угодий, вошедших в эту совместную обработку.

При этих условиях простейшие товарищества рассматриваются не как колхозы, самостоятельно налогом они не облагаются, а доходы, получаемые простейшим т-вом, распределяются между членами т-ва в соответствии с количеством земли, которое они совместно обработали, и этот доход облагается в совокупности с доходом единоличного хозяйства члена простейшего товарищества на общих основаниях, т.-е. как и всякое единоличное хозяйство вместе.

Таким образом, повторяем, в смысле обложения все колхозы делятся на коммуны и прочие колхозы. Облагаемый сельхозналогом доход всех колхозов исчисляется для тех из них, которые еще не обзавелись правильно поставленной отчетностью на таких же основаниях, как и единоличные хозяйства, т.-е. по нормам доходности, установленным окружн. исполн. комитетом для каждого об'екта обложения, каждого округа и района.

Налог исчисляется с этого дохода по пропорциональным ставкам, которых установлено только две — одна для коммуны — 4% из'ятия дохода и другая для прочих колхозов — 5% из'ятия.

Об'ектами обложения в колхозах, облагаемых по нормам доходности, являются доходы, получаемые от всех земельных угодий, — полеводства, луговодства, от специальных отраслей сельского хозяйства, садоводства, огородничества, технических культур, а также от неземледельческих заработков. Доход же колхозов от всякого вида скота и птицы от налога вовсе освобождается.

Основной закон о сельхозналоге, изданный 23/II, предусматривал обложение в колхозах и скота на таких же основаниях и в том же об'еме, как и в единоличном середняцком хозяйстве. Постановление Центрального Комитета партии от 2 апреля о льготах колхозам и колхозникам предусматривает значительное расширение льгот и преимуществ колхозов. Выражаются они, между прочим, с одной стороны, в предоставлении всякого рода льгот и преимуществ налогового характера, в том числе и освобождение от обложения всякого скота, затем в отсрочке и рассрочке всяких платежей, в полном освобождении от некоторого вида платежей и, наконец, в установлении совершенно четких взаимоотношений между правлением колхоза и членом колхоза в смысле широких прав и возможностей членов колхоза использовать свое свободное время и труд и даже рабочий скот на заработках вне колхоза.

В тех колхозах, в которых имеется правильно поставленная отчетность, облагаемый доход исчисляется не по нормам, а по этой отчетности.

В состав облагаемого дохода включаются в этих случаях суммы, израсходованные на оплату труда, а также отчисления в фонды и капиталы колхоза.

Имея в виду, что доход, исчисленный по отчетности, в большинстве случаев будет выше исчисленного по нормам, ставки налога для обложения

по отчетности установлены более низкие: для коммун 2% из'ятия, а с прочих колхозов — 3%.

Вместе с тем, если налог, исчисленный по этим ставкам, окажется все же выше, чем тот, который был бы исчислен по нормам, то он понижается до этой по нормативному доходу исчисленной суммы налога.

Если принять во внимание более значительные льготы, предоставляемые колхозу в сравнении с единоличным середняцким хозяйством, и низкие ставки налога, которые примерно процентов на 30 ниже среднего процента из'ятия по единоличным середняцким хозяйствам, то будет понятно, насколько значительно ниже тяжесть обложения колхоза по сравнению с обложением единоличного хозяйства.

Касаясь обложения колхозов, необходимо также еще остановиться *на исключительных льготах для маломощных колхозов*. Мы имеем много колхозов, организованных только из бедняцких хозяйств, или таких, в составе которых преобладают бедняцкие хозяйства. Эти колхозы при всей исключительной финансовой и иной оказываемой им помощи еще не успели достаточно окрепнуть и подняться. Придерживаясь в отношении единоличных хозяйств незыблемой установки о полном освобождении от налога всей крестьянской бедноты, тем более, мы не можем не освободить от обложения или не устанавливать исключительно льготного обложения маломощных колхозов.

Закон вовсе освобождает от обложения колхозы, из облагаемых по нормам доходности, в которых доход на душу не превышает 30 руб. и из облагаемых по отчетности, в которых доход на душу не превышает 60 руб.

Далее, закон предоставляет право исполкомам понижать сумму налога маломощным *коммунам*, доход которых хотя бы и превышал 30 руб. на душу.

Наконец, исключительно *льготно облагаются колхозы, в составе которых имеются единоличные хозяйства, в прошлом году освобождавшиеся от налога по маломощности*. Эти льготы выражаются в том, что при исчислении дохода колхоза, доход, приходящийся на земли, принадлежавшие в прошлом году бедняцким хозяйствам, понижается на 75%. Эта льгота имеет значение, далеко выходящее за пределы общего понижения тяжести обложения колхоза. Смысл этой льготы заключается еще в том, что тем самым укрепляется положение бедняка в колхозе, создаются условия, когда середняк в колхозе как бы дорожит бедняком, пребывание которого в составе колхоза приводит к общему понижению облагаемого дохода колхозов, а следовательно, и к понижению обложения. Эта льгота внедряет большую уверенность и твердость в сознание бедняка, а следовательно, и усиливает его политическое влияние в колхозе.

Очень часто приходится слышать недоуменные вопросы по поводу того, что для коммуны установлен несколько отличный, более льготный порядок обложения, понижения тяжести обложения в сравнении с артелью, которая на данной стадии развития коллективизации является наиболее приемлемой формой.

Разумеется, такие «недоуменные» вопросы вытекают из непонимания партийных решений по вопросу об артелях. Нет никакого сомнения в том, что коммуна, где член колхоза уже покончил со своим единоличным хозяйством, является наиболее совершенной и наиболее близкой нам организационной формой коллективизации. И если, тем не менее, партия за последнее время в своих постановлениях подчеркивает, что на данной стадии развития коллективизации артель является наиболее приемлемой формой, то

это только потому, что в нынешних условиях, при теперешнем массовом движении широких бедняцко-середняцких масс в колхозы, отсутствуют достаточные экономические и политические предпосылки для того, чтобы рассчитывать на вовлечение этих масс сразу же и только в коммуны.

Не нужно забывать, что когда партия в своих постановлениях подчеркивала преимущества формы артели для данной стадии развития коллективизации, это в то же самое время являлось предупреждением от повторения наблюдавшихся на практике случаев искривлений, администрирования в отношении середняка, которого «активно» звали в коммуны.

Но если, тем не менее, имеются категории бедняков и середняков, которые стоят на более высоком политическом уровне, которые после длительной подготовки осознали все преимущества коммуны в сравнении не только с единоличным хозяйством, но и с другими формами коллективизации, которые после длительной подготовки пришли к убеждению о нецелесообразности сохранения какой бы то ни было части своего единоличного хозяйства и решили образовать коммуну, то совершенно очевидно, что такая форма коллективизации не может не быть предметом нашего внимания и поощрения.

С этой точки зрения установление некоторого более льготного обложения коммуны против артелей, разумеется, является мерой вполне правильной и, во всяком случае, ни в какой степени не стоит в противоречии с основными директивами и партийными установками об ориентации на артель на данной стадии развития коллективизации.

Мы бы не исчерпали нашей темы, если бы не коснулись, хотя бы в нескольких словах, порядка обложения сельхозналогом дохода колхозников-членов артели и т-ва, получаемого ими по своему единоличному хозяйству.

В основном колхозник *по своему доходу от оставшейся в его единоличном пользовании части хозяйства облагается так же, как и единоличное середняцкое хозяйство*; по доходу, исчисляемому по нормам и по прогрессивным ставкам налога с некоторыми, однако, отличиями. *Во-первых*, постановлением ЦК от 2 апр. с. г. и колхозник пользуется рядом дополнительных льгот, в частности, у него не облагается доход от скота, кроме рабочего. *Второе* отличие заключается в том, что член колхоза облагается во всех случаях, т.-е. даже и в том случае, если доход его и не превышает установленного для единоличных бедняцких хозяйств необлагаемого минимума. Оно и понятно, потому что судить о мощности колхозника по его доходу только от единоличного хозяйства, т.-е. игнорировать его доход по обобществленной части хозяйства неправильно.

Отсюда вытекает и *третья* особенность обложения колхозников, которая сводится к тому, что при исчислении налога по установленной прогрессии не делается вычета по 20 р. дохода на душу. При обобществлении преобладающей части его дохода совершенно неизбежно, что в единоличном владении остается не столь много дохода и при вычете из этого дохода 20 р. на душу к обложению останется или ничтожнейшая сумма, или же ничего не останется.

Таким образом, если подытожить, то можно сказать, что и обложение единоличного хозяйства члена колхоза производится значительно льготнее, чем обложение середняцкого хозяйства, не состоящего в колхозе [1]).

---

[1]) В связи с последним раз'яснением Наркомзема и Колхозцентра о том, что урожай с площади озимых культур, засеянных единолично колхозниками, поступает в их распоряжение и облагаться этот озимый посев будет также по хозяйству колхозников. Но обложение это будет такое же льготное, как и в колхозе, т.-е. с озимого посева будет взиматься пропорциональный налог по 5 коп. с 1 руб.

Вот, в основном все то, что определяет обложение колхоза новым законом о с.-х. налоге.

Здесь же нужно сказать, что нет оснований для утверждения, что установленная система обложения коллективных хозяйств является совершенной. Нужно иметь в виду, что строилась в нынешнем году система обложения колхозов в условиях отсутствия не только исчерпывающих материалов об об'еме коллективизации, но и о формах коллективизации. Тогда еще ошибки, все искривления, допущенные при практическом проведении коллективизации, не были выявлены, и поэтому приходилось строить систему обложения наощупь и вносить в дальнейшем ряд дополнений и исправлений.

Отсюда и вытекает чрезвычайная политическая обязанность местных организаций: взять под особое наблюдение практическое проведение налога, и, в частности, обложение колхоза с тем, чтобы сигнализировать во-время о всех ошибках и неувязках в этой системе обложения, чтобы можно было на ходу вносить необходимые поправки и, что самое важное, подготовить наиболее полный, исчерпывающий материал для того, чтобы в будущем году коренным образом перестроить вообще систему обложения деревни.

Обложение кулака.

О порядке обложения кулацких хозяйств с.-х. налогом и результатах практического применения этого порядка за последние два года нам уже приходилось говорить довольно подробно в «Большевике» и менее подробно, касаясь результатов прошлого года, в начале этой статьи.

Какие же задачи поставлены перед теперешним с.-х. налогом в отношении борьбы с кулаком.

Смысл прошлогоднего налогового закона по части обложения кулака заключается в повышении обложения кулацких хозяйств, в значительном увеличении по сравнению с 1928/29 годом количества кулацких хозяйств, подлежащих индивидуальному обложению. В то же самое время в налоговый закон был внесен ряд ограничений в виде того, что в индивидуальном порядке облагаются только наиболее богатые кулаки, что исчисленный в индивидуальном порядке доход кулака от сельского хозяйства все же не может быть выше, чем на 75% дохода от тех же источников, исчисленных по нормам.

Основной смысл этих ограничений был, конечно, не в том, чтобы пощадить кулака, а в том, чтобы гарантировать середняка от ошибок на местах при обложении с.-х. налогом, т.-е., чтобы вместо кулака не был обложен середняк. Анализируя результаты проведения налога, нужно сказать, что если последняя задача этими ограничениями более или менее удовлетворительно разрешена, т.-е. что случаев обложения в индивидуальном порядке середняков было значительно меньше предыдущего года, то эти ограничения во многих случаях были использованы кулаком, чтобы увильнуть от воздействия на него индивидуального обложения. Эти ограничения использовались также и теми элементами в нашем советском аппарате, особенно в низовом — сельсоветах, райисполкомах, которые (элементы) «добросовестно» служа кулаку, пользовались этими ограничениями, чтобы освободить кулака от обложения в индивидуальном порядке.

Кроме того, в прошлом году, в соответствии с решениями XV партийного с'езда продолжать наиболее усиленно наступать на кулака, перед нами стояла задача, правда, в большей степени, чем раньше, но все же только ограничивать кулака, всячески препятствовать его росту, в максимальной степени срезывать его накопления. Задача же ликвидации кулачества как класса в каких бы то ни было районах перед налогом в тот период не ставилась. Отсюда, между прочим, становится понятным и то, что индивидуальное обложение кулака означало в прошлом году, в сущности говоря, только индивидуальное исчисление доходов кулака. Исчисление же налога с кулацких хозяйств производилось по той же прогрессии, что и середняцких хозяйств. Или у кулацких хозяйств наиболее полно исчислялся их доход не по нормам, установленным для единоличных хозяйств, а с учетом особенностей каждого отдельного кулацкого хозяйства, от всех без исключения источников, не предоставляя ему никаких льгот. Но уже после того, как доход кулака, повторяем, с учетом всех индивидуальных особенностей полностью был выявлен, то налог с этого дохода исчислялся так же, как с дохода, исчисленного по нормам в обычном порядке с середняцких хозяйств.

Совершенно очевидно, что в текущем году, когда перед нами стоит задача ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации и более усиленного наступления на него в остальных районах нужно было коренным образом перестроить систему обложения кулацких хозяйств. Мы уже говорили, что в отношении ликвидации кулачества налог является одним из наиболее крупных и наиболее реальных средств. В каком же направлении изменена система обложения кулацких хозяйств?

Новый налоговый закон предусматривает прежде всего обложение в индивидуальном порядке всех без исключения кулацких хозяйств. Поэтому из закона исключены все те оговорки, которые могли бы способствовать кулаку ускользнуть от индивидуального обложения. Отсюда, задача ограждения середняка от обложения в индивидуальном порядке должна быть разрешена не этими оговорками, а политическим сознанием, правильным руководством со стороны местных организаций делом проведения налоговой кампании.

Особенно важно отметить, что в отличие от прошлого года для кулацких хозяйств установлена особая таблица ставок с прогрессией обложения, резко отличающейся от прогрессии обложения, установленной для середняцких хозяйств. Достаточно указать на то, что в отношении обложения середняцких хозяйств прогрессия колеблется от 4 до 30%; прогрессия же обложения кулацких хозяйств колеблется от 20 до 70%.

В этом заключаются основные особенности нового с.-х. налога в отношении кулацких хозяйств. Но нужно тут сказать, что при всей реальности этого мероприятия как средства борьбы с кулаком в то же самое время при плохом руководстве возможны вреднейшие искривления в смысле недообложения кулака, и в смысле предоставления ему возможности ускользнуть от обложения в индивидуальном порядке и, наконец, в смысле обложения в индивидуальном порядке середняка, что является наиболее злостным и вредным искривлением линии партии.

Поэтому дело индивидуального обложения требует сугубого к себе внимания как со стороны местных партийных и советских органов, так и со стороны каждого коммуниста, работающего в деревне или связанного с деревней. Тут могут быть такого рода ошибки и искривления, которые превратят индивидуальное обложение — это острое орудие борьбы с кулаком — в средство искажения и искривления политики партии, в средство, которое будет ослаблять союз рабочего класса с середняком, которое нас с ним рассорит.

Это нужно хорошенько запомнить.

Налог и под'ем сельского хозяйства.

Наконец, третье изменение внесено в закон о с.-х. налоге в целях содействия под'ему сельского хозяйства. Мы уже вначале говорили об этих задачах в прошлом году, говорили и считаем необходимым и впредь предупреждать о вредности преувеличенной оценки значения льгот, которые предоставляются в целях под'ема сельского хозяйства.

Мы тут не станем подробно перечислять все эти льготы и преимущества, а остановимся только на главнейших из них и на задачах, поставленных перед этими льготами.

Характеристика, данная ноябрьским пленумом 1928 г., XVI партийной конференцией и последующими постановлениями ЦК состоянию нашего сельского хозяйства и, в первую очередь, — зернового хозяйства, пока не изменилась. Несмотря на достигнутые успехи, мы все же продолжаем иметь чрезмерное отставание роста сельского хозяйства.

В основном новый налоговый закон сохраняет все прошлогодние льготы, содействующие расширению посевных площадей и поднятию урожайности. Однако, в отличие от прошлого года наибольшие по об'ему льготы предоставляются новым законом по линии животноводства, являющемся в данный момент на ряду с зерновым хозяйством, наиболее «узким» местом в нашем сельском хозяйстве.

Главные из этих льгот сводятся к освобождению от налога обобществленного рабочего и продуктивного скота в колхозах и всего продуктивного скота у колхозников, освобождению от обложения во всех единоличных хозяйствах дохода от свиноводства и прироста облагаемого крупного и мелкого рогатого скота, установлению скидок с налога за проведение зооминимума, наконец, к *полному освобождению от обложения посевов сеяных трав и кормовых корнеплодов.* Последнее должно содействовать расширению посевов этих культур, а следовательно, и созданию более прочной кормовой базы для развития животноводства. Не секрет, что одной из главнейших причин сокращения стада, в целом ряде районов в истекшем году, на ряду с искривлениями мест и кулацкой агитацией, является недород кормов.

Большое место отведено в новом законе льготам за расширение посевов технических культур. Льготы эти имеют исключительное значение в деле укрепления сырьевой базы для нашей промышленности. Заключаются они в обложении по очень пониженным нормам доходности посевов хлопка, льна и конопли, *в полном освобождении от налога посевов сахарной свеклы* и, наконец, в исключительном льготном обложении огородничества как в коллективном, так и единоличном хозяйстве, в целях расширения производства овощей для снабжения ими города [1]).

Опыт прошлого года показал, что успехи практического проведения с.-х. налога в этой части, т.-е. в части использования с.-х. налога как средства под'ема сельского хозяйства недостаточны. Причем основной и главной причиной было недостаточно внимательное отношение местных органов к популяризации, раз'яснению этих льгот среди населения. В результате во многих районах широкие крестьянские массы узнавали о всех этих льготах и преимуществах либо так поздно, что они не могли использовать их в целях под'ема своего хозяйства, либо вовсе о них не узнали. Естественно, это

[1]) Дополнительным постановлением правительства от 23 апреля еще значительно снижено обложение в колхозах посевов кукурузы, подсолнуха, табака, махорки, льна, конопли, а также садов и виноградников.

вызвало совершенно справедливое недовольство и раздражение крестьян, которые правильно квалифицировали такую работу аппарата, как головотяпство.

Это обстоятельство обязывает местные органы в текущем году изжить подобные недочеты в своей работе, уяснив себе, что льготы по с.-х. налогу, особенно в отношении коллективного хозяйства, являются одним из мероприятий советской власти по содействию, переустройству и под'ему сельского хозяйства и, в первую очередь, по укреплению коллективизации.

Сумма налога.

На вопросе о сумме налога необходимо остановиться, с одной стороны, по соображениям местного бюджета (районного и сельского), а, с другой — имея в виду проявление этакого барского отношения к вопросу о сумме налога некоторых товарищей. Эти товарищи, имея перед собою такие «широкие горизонты», как многомиллиардный бюджет, крупнейшие успехи коллективизации и пр., склонны довольно пренебрежительно относиться к сумме с.-х. налога.

Из всего того, что мы до сих пор говорили, совершенно очевидно, что если бы не было внесено никаких поправок, общая сумма с.-х. налога могла бы понизиться в нынешнем году против прошлого года очень и очень намного. В самом деле, если даже предполагать, что коллективизировано будет 30—35% хозяйств и об'ектов обложения, это должно повлечь за собою большое снижение налога, так как коллективный сектор облагается значительно легче середняцкого хозяйства. Расширение льгот по линии под'ема сельского хозяйства также влечет за собою известное понижение контингента налога. Между тем, общая доходность и мощность сельского хозяйства поднялась в результате всех мероприятий, которые партия и советская власть проводит, мы уже имеем систематический рост сельского хозяйства.

Чтобы максимально сократить возможный недобор суммы налога по сравнению с прошлым годом, чтобы максимально приблизиться к сумме налога прошлого года, нормы доходности полеводства по сравнению с прошлым годом повышены на 15% и повышена доля неземледельческих заработков, привлекаемых к обложению. Мы подробно на этих поправках не будем здесь останавливаться. Об этом мы подробно говорили в нашей прошлогодней статье, помещенной в № 2 «Большевика».

И все же при повышении доли неземледельческих заработков, привлекаемых к обложению, и при повышении норм доходности полеводства против прошлого года тяжесть обложения середняка, если учесть рост его доходности и расширение об'ема предоставляемых ему льгот, общая сумма налога в наступающем году будет ниже прошлого года.

Насколько ниже — сказать трудно, зависит это в значительной мере *от темпа коллективизации*, от работы местного аппарата по учету об'ектов обложения, от работы его по наиболее полному выявлению всех кулацких хозяйств, и наиболее полному и точному учету всех их доходов, и пр.

Перед местными организациями, проводящими практически дело с.-х. налога, встает задача обеспечить правильное выполнение закона о сельхозналоге.

Этого требуют как *задачи коллективизации* сельского хозяйства, так и интересы районного и сельского бюджета, интересы бедняцко-середняцких масс единоличников.

М Рагольский.

Против нового извращения марксовой теории накопления.

В 1929 г. вышла в Лейпциге весьма об'емистая книга Генрика Гроссмана «Закон накопления и крушения капиталистической системы» [1]). Как указывает автор, эта книга образует лишь часть более обширной работы о тенденциях развития капитализма в свете марксовой теории.

Гроссман утверждает, что в результате проделанной работы ему удалось, во-первых восстановить метод, который лежит «в основе марксова «Капитала», а во-вторых обрисовать ряд областей теоретической системы Маркса в существенно новом освещении.

Важнейшей проблемой, которую ему удалось выяснить, Гроссман считает т е о р и ю к р у ш е н и я—«эту живую душу в экономической системе Маркса» (см. Введение). Гроссман заявляет, что, признавая связь политики й экономики он, однако, ограничивает свою задачу «лишь выяснением экономических предпосылок крушения капиталистического способа производства».

> «В то время как в марксистском лагере имеется богатая литература о политической революции, экономическая сторона была теоретически запущена и действительное содержание теории крушения Маркса не было выяснено. Я ограничиваю себя тем, чтобы заполнить эту брешь в предыдущей литературе» (с. X—XI).

Итак, Гроссман ставит перед собою весьма ответственную задачу—на основе восстановленного» им метода Маркса дать теорию краха капитализма. Правда, полное отвлечение им заранее в такой проблеме, как крах капитализма, от политики, от классовой борьбы не может сразу не настраивать нас на скептический лад, ибо «политика есть концентрированная экономика», ибо крах капитализма происходит не сам по себе, не механически, а в результате пролетарского восстания, в результате свержения вооруженной силой власти буржуазии. Этот скептицизм переходит в прямое недоверие, когда мы узнаем, что, написав толстую книгу в 620 страниц о теории крушения, Гроссман ни словом не упоминает о СССР, пролетариат которого осуществил на деле крах капитализма и имеет уже порядочный опыт в этом деле, который должен изучаться революционными массами Запада. Мы отлично знаем и опыт нас постоянно учит тому, что без революционной теории нет революционной практики. Но мы можем безошибочно сказать, что там, где «марксист» обходит политику, отмалчивается от диктатуры пролетариата и говоря о крахе капитализма молчит о СССР, там нет фактически и революционной теории. Где нет революционной практики, там обычно отсутствует и революционная, подлинно марксистская теория.

Но предположим, что мы только приступили к чтению этой новой работы и стремимся выяснить, что нового дает нам Гроссман в столь жгучей

[1]) Henryk Grossman, Das Akkumulations — und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Systems, Leipzig, 1929. Указания стр. без источников относится к этой книге.

проблеме, как проблема накопления капитала и краха капитализма. Мы обнаруживаем прежде всего в первой главе книги весьма подробную и подчас остроумную критику ряда авторов, писавших по вопросам накопления и кризисов. При этом попадает не только таким буржуазным ученым, как Туган, Зомбарт и др., но и Каутскому, Гильфердингу и ряду других оппортунистов, изменивших марксизму.

Эта критика Гроссманом оппортунистических теорий, при обильном цитировании Маркса и левой фразе, способна ввести в заблуждение неискушенного читателя. Представляется необходимым проверить: действительно ли мы имеем в лице Гроссмана представителя революционной теории Маркса и Ленина или за «критической» позицией автора скрывается очередное извращение марксизма-ленинизма.

Основное содержание новой теории накопления-крушения.

Гроссман, считает, что построенная на основе теории стоимости теория накопления должна не только выявить неизбежность крушения накопления, но и дать об'яснение кризисов, а также об'яснить явления и м п е р и а л и з м а. Монополии, экспорт капитала, борьба за источники сырья, все это, думает Гроссман, вторичные явления, которые вытекают из сущности накопления капитала.

> «Через установление этой связи возможно без помощи специально на этот предмет созданной теории, (т.-е. без теории империализма. *М. Р.*) об'яснить все явления капитализма из одного принципа, из марксовой теории стоимости, и исходя из нее сделать понятной новейшую империалистическую фазу капитализма» (стр. X).

Таким образом, теория накопления-крушения у Гроссмана должна дать экономическое об'яснение и империализма.

Основное у Гроссмана — это его теория накопления. Оригинальным в своей теории Гроссман считает указание на то, что ход накопления ведет к крушению, что крушение накопления наступает неизбежно, хотя бы спрос на товары все время соответствовал предложению и товары продавались по стоимости, хотя бы накопление переменного капитала шло в ногу с приростом населения, хотя бы потребление рабочего класса шло в ногу с ростом производства. Резервная армия, колебания цен, кризис сбыта и проч.—все это результаты, а не причины наступления краха капиталистического накопления.

Но чем же обусловлена неизбежность краха? При ответе на этот вопрос Гроссман пытается исходить из теории воспроизводства Маркса. Гроссман считает необходимым применение абстрактного метода, абстрагирование от третьих лиц, рассматривание капитализма как двухклассового общества и т. д. Необходимо — говорит он, — исходить из продажи товаров, в том числе и рабочей силы по стоимости, из неизменной стоимости денег и товаров и принять состояние равновесия за исходный пункт анализа. (Стр. 92). Признав совпадение цен со стоимостью, неизменную норму прибавочной стоимости, Гроссман ищет ответа на вопрос:

> «как выявляют себя изменения в величине прибавочной стоимости в процессе накопления капитала? Может ли безгранично продолжаться накопление без того, чтобы процесс воспроизводства, т. е. с капиталистической точки зрения процесс увеличения стоимости капитала (Verwertungs prozess) не заострился» (стр. 92—93).

Главное внимание Гроссмана привлекает в е л и ч и н а, масса прибавочной стоимости. «И с с л е д о в а н и е — говорит он и м е е т м а т е м а т и ч е с к и - к о л и ч е с т в е н н ы й х а р а к т е р». (стр. 92).

Следуя—на словах—методу Маркса, Гроссман, однако, не принимает его с х е м ы в о с п р о и з в о д с т в а.

Более удобной для себя он считает схему воспроизводства Бауэра, которая «как ответ на теорию Розы Люксембург по сравнению с другими подобными попытками представляет решительный прогресс».

Схема Маркса предполагается им недостаточной, так как в ней не показан рост органического состава капитала.

Как известно, схема Бауэра пытается изобразить процесс реализации годового продукта при капитализме в условиях роста органического состава капитала. Схема Бауэра рассчитана на 4 года [1].

Гроссман принимает эту схему, но ставит в вину Бауэру то, что последний не продолжил свою схему на с л е д у ю щ и е г о д ы, а ограничился лишь 4-мя годами. Проблема как раз — думает Гроссман — состоит в том, чтобы выяснить, возможно ли накопление при предпосылках Бауэра н а д о л г о; если бы Бауэр продолжил свою схему на достаточно длинный период, он тотчас же увидел бы неизбежное крушение его системы.

Это и берется сделать Гроссман. О н п р о д о л ж а е т с х е м у Б а у э р а н а р я д с л е д у ю щ и х л е т, причем, так же как у Бауэра, постоянный капитал всего производства увеличивается ежегодно на 10%, переменный капитал — на 5%; норма прибавочной стоимости равна ежегодно 100%. Население увеличивается ежегодно так же, как и переменный капитал, на 5% (отсутствует резервная армия).

Ежегодный прирост массы прибавочной стоимости на 5% при необходимости за счет ее увеличивать ежегодно постоянный капитал на 10% и переменный капитал на 5% таит в себе опасность нехватки для этой цели прибавочной стоимости. Действительно, масса прибавочной стоимости зависит от размера переменного капитала; переменный капитал, а с ним и прибавочная стоимость, увеличивается ежегодно лишь на 5%, а постоянный капитал, вследствие своего 10% прироста, забирает из прибавочной стоимости все большую ее часть. Начиная с 21 года, по расчетам Гроссмана, для обеспечения 10% прироста постоянного капитала капиталистам приходится уменьшить свое личное потребление.

С каждым годом потребление капиталистов будет уменьшаться пока в 35 году им не останется ничего для потребления.

Мало того, наличной массы прибавочной стоимости в 35 году не хватит для обеспечения, как прежде, 10% прироста постоянного капитала и 5% переменного капитала. Если увеличить в этом году постоянный капитал на 10%, то переменный можно будет увеличить лишь на 3%.

Но так как население будет прирастать попрежнему на 5% ежегодно, а переменный капитал сможет вырасти лишь на 3%, то образуется в 36 году резервная армия.

> «С 35 года тем самым, накопление не могло бы итти нога в ногу с приростом населения. Накопление было бы слишком мало, с необходимостью возникла бы резервная армия, которая должна была бы вырастать с каждым годом». (Гроссман, стр. 126).

Мало того. Нехватка средств существования в 36 году, не позволяя увеличить на 5% число рабочих, сделает излишним и часть средств производства. Получится перенакопление капитала при избыточном населении. Накопление должно остановиться — произойдет крушение накопления.

Крушение, таким образом, есть результат н е х в а т к и п р и б а в о ч н о й с т о и м о с т и для удержания прежнего темпа накопления, в частности крушение есть результат недопроизводства средств потребления для рабочих, а равно результат недостатка, а затем и полного отсутствия средств потреб-

[1] См. статью О. Бауэра в книге Розы Люксембург «Накопление капитала», стр. 502—508.

ления для капиталистов. Последнему обстоятельству Гроссман придает немешьшее значение.

> «Принятые Бауэром предпосылки—говорит он—не могут быть удерживаемы. Система терпит крах, наступающий кризис системы выражает крушение увеличения стоимости капитала. Начиная с 35 года, всякое накопление капитала—при принятых предпосылках—было бы б е с ц е л ь н ы м. Предприниматели несли бы заботы о производстве, в то время как плоды этого производства попадали бы исключительно рабочим. Уже в 35 году выросший капитал не доставлял бы достаточной прибыли, дабы обеспечить капиталистам хотя какую-либо часть прибавочной стоимости для их потребления» (стр. 122).

Итак, все дело в том, что так как прибавочная стоимость увеличивается ежегодно на 5%, то на каком же этапе фонд личного потребления капиталистов должен начать уменьшаться, дабы обеспечить прирост «C» на 10% и «V» на 5%. А в конце концов потребление капиталистов должно прекратиться вовсе, но и это не поможет; прибавочной стоимости будет нехватать для обеспечения прежнего темпа накопления. Наступит крушение.

Гроссман не устает подчеркивать именно этот момент (нехватку прибавочной стоимости), который — по его словам — отличает его теорию от теории Розы Люксембург.

> «Проблема лежит не в том, остается ли излишний продукт или нет— единственная точка зрения, которая важна для Р. Люксембург. Мы п р е д п о л о ж и л и равновесие, где... никакого нереализованного остатка не остается; и все-таки система должна крахнуть. Трудность лежит более всего в увеличении стоимости капитала, п р и б а в о ч н о й с т о и м о с т и н е х в а т а е т д л я п р о д о л ж е н и я н а к о п л е н и я п р и п р и н я т о й н о р м е н а к о п л е н и я! Отсюда, и катастрофа. (Стр. 117, курсив мой. *М. Р.*).

Капиталистическое производство, резюмирует Гроссман, имеет преходящий характер «ибо на продолжительный период прибавочной стоимости для увеличения «C» и «V» не хватает» (стр. 151).

Такова новая теория накопления и крушения, которая должна дать нам также об'яснение и кризисов, и резервной армии, и явлений империализма.

Неверная методология делает ошибочным основной вывод новой теории.

Итак, по теории Гроссмана, крах наступает потому, что вследствие нехватки прибавочной стоимости не может удерживаться прежний 10-% темп прироста постоянного и 5-% темп прироста переменного капитала. Когда мы в 35 году увеличили попрежнему постоянный капитал на 10%, то для увеличения переменного капитала осталось так мало прибавочной стоимости, что удалось увеличить его не на 5%, а меньше, вследствие чего и получилась резервная армия. А вследствие нехватки средств существования образовалась резервная армия и осталась незанятой часть средств производства, которые увеличились на 10%.

Но тут встает ряд законных вопросов. Почему обязательно ежегодно должен увеличиваться в одинаковой мере из года в год постоянный капитал и переменный капитал. Обязателен ли крах капитализма, если постоянный капитал увеличится, скажем, не на 10%, а на 9%. Стоит предположить, что постоянный капитал вырос в 36 году на 9,0%, а переменный на 4,5%, тогда хотя и образуется резервная армия, но излишних средств производства не будет, т.-е. не будет их перепроизводства, не будет кризиса. Или стоит предположить, что с 21 года темп накопления несколько уменьшился, тогда, пожалуй, и «бедиягам» капиталистам не пришлось бы уменьшать ублажение своей грешной плоти. Наконец, должны ли мы и можем ли мы на основании каких-то об'ективных фактов и тенденций капитализма принять состояние полного равновесия капитализма на ряд лет и при предпосылке одинакового

ежегодного темпа прироста постоянного (в 10%) и переменного капитала (в 5%) притти в результате к нехватке прибавочной стоимости и крушению накопления?

Вопрос, следовательно, стоит так: можем ли мы признать на ряд лет, даже десятки лет, неизменный темп прироста производства, неизменную норму прибавочной стоимости, неизменный уровень цен, одним словом, взять за исходный пункт состояние полного равновесия капиталистической системы на десятки лет и на основании этих предпосылок притти к нехватке прибавочной стоимости в каком-то неопределенном будущем и крушению накопления в результате этой нехватки. Как мы видели, так именно и ставит проблему Гроссман, ссылаясь при этом на Маркса, и уверяя, что он остается верен абстрактному методу Маркса.

Нетрудно видеть, что Гроссман механистически извращает метод Маркса.

В своей теории реализации Маркс действительно абстрагируется от несовпадения цен со стоимостью, принимает неизменную норму прибавочной стоимости и неизменный органический состав—дабы выяснить, каким образом «воспроизводятся и ежегодно возмещаются различные материальные элементы стоимости всего годового продукта». Но из того, что Маркс в абстрактной теории реализации предполагает пропорциональное распределение труда, то-есть предполагает совпадение цен со стоимостью, пропорциональность производства и потребления и т. д., вовсе не вытекает гармония производства и рынка, не вытекает, что равновесие является нормалью капитализма, не вытекает неизменность нормы эксплоатации и т. д. Равновесие является лишь моментом в движении капиталистического производства. «Равновесие является случайностью» (Маркс). Капитализм находится в постоянном движении. Вместе с постоянными изменениями в стоимости товаров должна устанавливаться новая пропорциональность, постоянно происходит нарушение равновесия, но постоянно же происходит движение к установлению равновесия. Именно то обстоятельство, что цены стремятся к стоимости, хотя никогда с ними не совпадают, позволяет Марксу отвлекаться от их несовпадения. Ленин говорит по этому поводу:

«...Абстрактная теория реализации предполагает и должна предполагать пропорциональное распределение продукта между различными отраслями капиталистического производства. Но предполагая это, теория реализации отнюдь не утверждает, что в капиталистическом обществе продукты всегда распределяются или могут распределяться пропорционально... Как и всякий другой закон капитализма, закон реализации «осуществляется лишь путем неосуществления» [1]).

В отличие от Маркса, Гроссман принимает пропорциональное распределение, состояние равновесия не как момент в движении, не как «идеальную среднюю», а как *нормальное* состояние капитализма — состояние равновесия может продолжаться, по его мнению, десятки лет. Стоимость товаров, норма прибавочной стоимости, уровень цен,—все это принимается Гроссманом за неизменные в течение десятков лет величины, и на этом основании он приходит к своему выводу о нехватке прибавочной стоимости. Предпосылки, принимаемые Гроссманом, не только не вытекают из метода Маркса, но находятся с ним в непримиримом противоречии. Следовательно, методологически совершенно недопустимо признать состояние длительного — на ряд лет — равновесия, признать неизменность нормы эксплоатации, стабильность стоимости товаров и *на этом основании* притти к выводу об исчерпании прибавочной стоимости.

[1]) Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 482—483 (1-ое изд.).

Я могу учитывать тенденцию к равновесию, но я не могу забывать, что важнейший элемент, определяющий в каждый данный момент «идеальную среднюю» этого равновесия — стоимость товаров — изменяется. А с нею изменяется и норма прибавочной стоимости, и органический состав капитала и т. д. Если Гроссман интересуется движением *массы* прибавочной стоимости, то он никак не может отвлечься от того, что *фактически вместе с развитием капитализма норма прибавочной стоимости растет* (увеличением органического состава происходит увеличение производительной силы труда; это означает уменьшение стоимости средств потребления рабочего, увеличение относительной прибавочной стоимости растет также и абсолютная прибавочная стоимость). Ведь, как раз от нормы зависит и масса прибавочной стоимости.

Что касается другого фактора, играющего крупную роль в теории Гроссмана — повышения органического состава капитала, то оно вовсе не идет одинаково из года в год. Органический состав капитала складывается на основе 1) движения технического состава капитала и 2) движения стоимости средств производства и рабочей силы. Изменения же этих факторов весьма неравномерны. Самая предпосылка Гроссмана о ежегодно-одинаковом соотношении между приростом «C» и «V» (10% и 5%) противоречит Марксу. Маркс говорит: «Хотя с возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная составная часть или включаемая в его состав рабочая сила, но увеличивается она в постоянно убывающей пропорции» (Капитал, т. 1, гл. 23).

Увеличение «C» происходит не просто более быстрым темпом, чем «V», а *ускоряющимся*. Самый темп прироста органического состава капитала не идентичен с темпом накопления. Во времена депрессии в связи с технической реконструкцией органический состав капитала повышается, однако, прирост производства минимален. Темп накопления при капитализме вовсе неравномерен; при прочих равных условиях он определяется ходом цикла; так, в период оживления темп накопления увеличивается. В период под'ема он наибольший. Но он никогда не бывает таковым, чтобы вследствие накопления уменьшить потребление капиталистов, а тем более свести это потребление капиталистов к нулю; потребление капиталистов может расти и растет абсолютно. Но если мы ставим темп накопления в связь с ходом цикла, мы тем самым даем отрицательный ответ на вопрос: а можем ли мы строить схему, рассчитанную на 36 лет? Такая схема является, несомненно, лишь арифметическим упражнением, она теряет всякое доказательное значение, ибо она не имеет экономического фундамента. Периодически разражающиеся кризисы приводят к громадным обесценениям капитала, к изменению нормы эксплоатации, накопления и т. д.

Итак, стоимость товаров вовсе не неизменна, а постоянно изменяется, Норма прибавочной стоимости движется вверх. Органический состав капитала повышается, но вовсе не равномерно из года в год. Темп накопления также неодинаков по годам и зависит от хода цикла. Какую цену имеет после этого утверждение Гроссмана, что если предположить состояние равновесия на ряд десятков лет, то в каком-то году нехватит прибавочной стоимости для обеспечения прежнего прироста капитала?—Никакой. Так как масса прибавочной стоимости увеличивается вместе с ростом ее нормы, так как стоимость элементов постоянного капитала уменьшается, так как темп накопления вовсе не одинаковый, то в течение обычного 9 — 10-летнего цикла совершенно необязателен недостаток прибавочной стоимости для обеспечения прежнего или даже большего прироста капитала. Отвлечься же от цикла, от периодических кризисов мы в этом вопросе не можем уже потому, что кризисы делают часть капитала бездеятельной, обесценивают его, уменьшают ценность другой части капитала, увеличивают норму эксплоатации — одним

словом, создают новый базис для движения массы и нормы прибыли.

В то время как темп накопления определяется ходом цикла (кризисы надолго прекращают рост производства), Гроссман выводит смену фаз цикла и самые кризисы из нехватки прибавочной стоимости при неизменном темпе прироста капитала. Он попадает, таким образом, в порочный круг. Неизбежность нехватки прибавочной стоимости в течение цикла Гроссманом не доказана. На самом деле, при кризисах имеет место избыток капитала, а вовсе не недостаток его.

Но если даже предположить на минуту, что темп прироста капитала почему-либо замедлился, то из этого одного еще не вытекает крушения.

Почему непременно должно произойти крушение, если капиталисты будут пускать в накопление, скажем, не 30%, а 20% своей прибавочной стоимости — этого Гроссман также не доказал. Кризис при таких условиях вовсе не обязателен. Реализация прибавочной стоимости могла бы тогда совершиться таким образом, что бо́льшая, чем раньше, доля прибавочной стоимости была бы произведена в форме предметов роскоши, меньшая в форме средств производства и рабочего потребления. Поскольку все капиталисты накопляли бы меньшую часть прибавочной стоимости, они пред'являли бы и меньший спрос на средства производства. В самом деле странно было бы утверждать, что так как производство постоянного капитала увеличилось не на 10%, а на 9%, то это вызовет крушение накопления. Ведь, здесь нет абсолютного сокращения производства. Если бы продукция в 1929/30 г. в С.-А. С. Ш. превышала прошлогоднюю не на 5%, например, а на 4%, надо думать, это не причинило бы Гуверу столько забот, как современное положение, когда наблюдается абсолютное снижение производства. Но именно к уменьшению темпа прироста производства и сведены Гроссманом все опасности крушения накопления и самого капитализма.

Непонимание Гроссманом противоречий, создаваемых падением нормы прибыли.

Гроссман пытается убедить читателя, что именно он сумел, исходя из Маркса, увязать падение нормы прибыли с кризисами, что только ему удалось в своей теории показать значение падения нормы прибыли. Наступающее в его схеме в 36 году состояние он выдает за состояние абсолютного перепроизводства, о котором говорит Маркс в 15 главе III тома «Капитала». Присматриваясь внимательно, мы замечаем, что Гроссмана на самом деле интересует лишь масса прибыли. Падению нормы прибыли он не придает по существу никакого значения. Он заявляет, что закон падения нормы прибыли только тогда может быть связан с законом крушения (и кризисами), если говорить не о падении нормы прибыли, а об относительном падении массы прибыли. Здесь, думает Гроссман, произошло даже «искалечение» текста Маркса. Маркс, дескать, имел в виду, не падение нормы прибыли, а уменьшение ее массы: так как математик Мооче, которого Энгельс пригласил для обработки этой части марксовых рукописей, не был политико-экономом, то он и допустил эту ошибку, а Энгельс эту ошибку прозевал. Истинный смысл марксовой теории «через 2 поколения» удалось восстановить лишь ему — Гроссману (стр. 195).

Но именно таким заявлением Гроссман и продемонстрировал полное непонимание противоречий, создаваемых падением нормы прибыли. Гроссман чувствует, что падение нормы прибыли имеет какое-то отношение к кризисам, но какое?—На это он не может дать другого ответа, как нехватка в ходе накопления массы прибыли.

Что между падением нормы прибыли и кризисами существует тесная связь, несомненно: падение нормы прибыли есть важнейший фактор, делающий кризис неизбежным. Какова же эта связь? Для ответа на этот вопрос мы должны прежде всего учесть, что непосредственной целью и определяющим мотивом капиталистического производства является производство прибавочной стоимости, извлечение прибыли.

Капиталист вынужден расширить масштаб производства и совершенствовать его, чтобы не быть побитым своим конкурентом. Но чем больше расширяет капиталист производство, чем больше совершенствуется производство, тем больше повышается органический состав и обостряется тенденция к падению нормы прибыли. Рост органического состава происходит вместе с возрастанием производительной силы труда. Возрастание производительной силы означает уменьшение стоимости товаров, а следовательно, уменьшение стоимости элементов постоянного капитала; но капиталист стремится к увеличению стоимости своего капитала. При происходящем уменьшении стоимости его постоянного капитала он должен всеми мерами расширить производство. Вместе с ростом производительной силы труда постоянный капитал той же стоимости представляет большее количество материальных средств производства. «С прежним капиталом и прежним трудом производится больше вещей, которые... могут быть превращены в капитал,... могут служить для всасывания дополнительного труда, следовательно, и дополнительного прибавочного труда»... («Капитал», т. III, ч. I, стр. 229). Производство прибавочной стоимости расширяется. Падение нормы прибыли сопровождается ростом абсолютного числа рабочих, но еще большим ростом по стоимости постоянного капитала. «Одновременно с понижением нормы прибыли возрастает масса капиталов и рука об руку с этим совершается обесценение наличного капитала, которое поддерживает понижение нормы прибыли и побуждает к ускоренному накоплению капитальной стоимости» (Маркс, т. III, ч. 1, стр. 230). Капитализм, т. о., имеет «стремление к абсолютному росту производительных сил... независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство»... (там же, стр. 230). Куда привел бы этот безграничный рост производства? Расширение производства в конце концов—должно бы привести к такому положению, когда масса прибавочной стоимости перестанет расти. Это произошло бы тогда, «если бы капитал возрос по сравнению с рабочим населением настолько, что нельзя было бы ни удлинить абсолютное рабочее время, доставляемое этим населением, ни расширить относительное прибавочное время...» (Маркс, т. III, ч. 1 стр. 232). Тогда возросший капитал производил бы лишь такую же или даже меньшую массу прибавочной стоимости, чем до своего увеличения. «Оказалось бы,— говорит Маркс, — абсолютное перепроизводство капитала». «...Произошло бы сильное и внезапное понижение общей нормы прибыли». Такое состояние перенакопления капитала породило бы бешеную конкуренцию за присвоение прибыли. Старые предприниматели, располагающие частью и дополнительного капитала оставили бы лежать этот капитал без употребления, дабы не обесценить своего первоначального капитала. Часть старого капитала была бы все-таки оттеснена новыми капиталистами и перестала бы функционировать и увеличиваться по стоимости...

Создавшееся положение привело бы к бездействию и даже уничтожению части капитала. Произошло бы нарушение хода воспроизводства. Цены упали бы. Налицо был бы кризис. Но вместе с сокращением производства уменьшилось бы число рабочих, упала бы зарплата. Необходимость приспособиться к низким ценам вызвала бы ряд технических усовершенствований производства. При обесценении постоянного капитала и падении зарплаты

создалась бы вновь возможность прибыльного ведения производства. Одним слоаом «наступивший застой производства подготовил бы позднейшее расширение его в капиталистических пределах» (Маркс). Но в дальнейшем «был бы опять совершен такой же порочный кругооборот».

Таким образом, падение нормы прибыли создает тенденцию к абсолютному перепроизводству, но вовсе не в том смысле, как это представляет себе Гроссман. *У Маркса дело вовсе не идет о недостатке новых средств производства и средств потребления.*

Наоборот, средств производства и средств существования производится слишком много. Лишь обесценение и прекращение функционирования части общественного капитала может создать выход из положения—создать возможность дальнейшего производства прибавочной стоимости. При *абсолютном* перепроизводстве становится невозможным не просто прежний рост производства, но всякий его прирост. Дело не в недостатке прибавочной стоимости, а в прекращении ее прироста, за исчерпанием рабочего населения.

Вышеобрисованный случай абсолютного перепроизводства Маркс называет «крайним предположением». Оно показывает, куда привело бы стремление к безграничному ходу производства. *Предположение* абсолютного перенакопления капитала есть средство понять состояние перенакопления капитала вообще. Перенакопление капитала создается еще до достижения этой крайней границы, *до* полной невозможности увеличения прибавочной стоимости. Падение нормы прибыли, сопровождающее концентрацию производства, создает изобилие таких капиталов, для которых или падение нормы прибыли не компенсируется массой ее, или таких капиталов, которые сами по себе недостаточны для самостоятельного ведения дела. Эти капиталы приливают к крупным предпринимателям или бросаются в спекуляцию. Безграничное расширение производства должно привести к увеличению зарплаты, что еще больше обостряет падение нормы прибыли. Но капиталистическое производство предполагает определенную ступень эксплоатации, определенную норму прибыли, ниже которой происходит приостановка производства. «Понижение степени эксплоатации ниже определенного пункта вызывает нарушения капиталистического процесса производства, приостановку его, кризисы, разрушение капитала» (Маркс).

Но, с другой стороны, повышение органического состава капитала, создавая тенденцию к падению нормы прибыли и к максимальному росту производства, ведет к обострению противоположности производства и платежеспособного спроса. Связанное с накоплением понижение нормы прибыли необходимо вызывает борьбу конкуренции. Не конкуренция вызывает падение нормы прибыли, а наоборот: стремление компенсировать понижение нормы прибыли увеличением массы прибыли ведет к расширению производства, к обострению конкурентной борьбы между предпринимателями. Дело идет неизбежно к перепроизводству товаров и переполнению рынка, при котором понижение нормы прибыли получает наиболее яркое выражение; тысячи капиталистов терпят прямой убыток и разоряются.

Если у Маркса падение нормы прибыли есть один из факторов, ведущих к перепроизводству, то у Гроссмана мы имеем состояние *недопроизводства*, вызванное относительным падением массы прибыли.

У него возрастание органического состава капитала приводит к нехватке прибавочной стоимости для поддержания прежнего 5-% прироста переменного капитала. А так как население возрастает попрежнему ежегодно на 5%, то и создается резервная армия, часть средств остается неиспользованной и т. д. Здесь Гроссман следует вовсе не за Марксом, а за столь критикуемым им проповедником гармонии Бауэром.

„Левый“ Гроссман следует по стопам „нео-гармониста“ Бауэра.

В самом деле. Что мы имеем у Бауэра? Бауэр утверждает, что существует *тенденция к приспособлению накопления капитала и росту населения.*

Как и Бауэр, Гроссман приходит к выводу о невозможности удержать прежний ежегодный 5-% прирост переменного капитала, что ведет к образованию резервной армии.

Но сходство обеих теорий этим не ограничивается. По Бауэру, состояние недонакопления преодолевается таким образом:

> «Безработные пролетарии оказывают давление на заработную плату. *Заработная плата падает, норма прибавочной стоимости растет.* Возрастает, следовательно, и масса прибавочной стоимости, которая идет на увеличение переменного капитала. Ее возрастание должно итти по указанному пути до тех пор, пока снова не восстановится равновесие между ростом переменного капитала и ростом населения» (там же, стр. 514).

Примерно такой же выход из положения видит и Гроссман, указывая, что одним из важнейших факторов, выводящих из кризиса, является снижение зарплаты. Некоторая разница в том, что у Гроссмана состояние недонакопления есть кризис и даже крушение, между тем как более оптимистический Бауэр не видит здесь крушения, а лишь временное нарушение извечной гармонической тенденции—тенденции приспособления накопления к росту населения.

Бауэр, как известно, допускает и более быстрый рост переменного капитала по сравнению с ростом населения. «Если общественная норма накопления возрастает, то она в конце-концов достигает такого пункта, когда переменный капитал растет быстрее, чем народонаселение. Состояние, которое наступает в этом случае, мы называем состоянием *перенакопления* (стр. 515 из «Накопления капитала»). В этом случае «согласование накопления с приростом населения осуществляется через опустошительный кризис»... Но дело может обстоять и не так страшно, — по Бауэру, кризис вовсе не обязателен.

> «В действительности согласование может произойти еще раньше, чем достигнута абсолютная граница, описанная Марксом. Если норма накопления слишком велика, то промышленная резервная армия быстро рассасывается, заработная плата поднимается, норма прибавочной стоимости падает, вместе с ней падает общественная норма накопления, а уже вследствие этого сноаа замедляется рост переменного капитала. Уже вследствие этого может произойти согласование накопления с приростом населения». (Бауэр, там же, стр. 516).

Дальше дело идет опять к состоянию недонакопления и т. д.—до бесконечности... Таким образом кризис—по Бауэру—необязателен: с ростом накопления резервная армия рассасывается, зарплата поднимается, тогда норма накопления снижается и приходит в соответствие с ростом населения. Тенденция к абсолютному перепроизводству Бауэром совершенно не доказана: ведь, прирост темпа накопления сам себя отменяет, не доводя дело до абсолютного перепроизводства. И это именно потому, что *Бауэр, как и Гроссман, не учитывают противоречий, создаваемых падением нормы прибыли,* на базисе которых и развертывается тенденция к перепроизводству. Именно поэтому Бауэр совершенно и не доказал, почему норма накопления должна повыситься не только до уровня, обеспечивающего 5% прирост переменного капитала, но еще выше,—почему создается тенденция перенакопления. У Бауэра цикл состоит из 2-х нарушений равновесия—из 2 «кризисов»: кризиса недопроизводства и кризиса перепроизводства. Последний у Бауэра настолько необоснован, что Гроссман вовсе просмотрел его и удовольствовался, по существу, кризисом недо-

производства. В то время как, по Бауэру, недонакопление и перенакопление одинаково возможны и сменяют друг—друга, Гроссман переносит центр тяжести в состояние недонакопления. Как у Бауэра, так и Гроссмана все дело сводится к чисто количественному моменту—к массе прибавочной стоимости. Пока не обнаружится нехватка прибавочной стоимости для обеспечения прежнего темпа прироста переменного капитала — все будет итти благополучно. Все противоречия капитализма сведены к одному: к недостаточно быстрому росту прибавочной стоимости, к нехватке в неопределенном будущем прибавочной стоимости.

Вместо об'яснения неизбежности всеобщих кризисов перепроизводства Гроссман преподносит нам весьма проблематичный кризис недопроизводства.

Теория кризисов Гроссмана

«Те же причины, которые ведут к краху, вызывают и противодействующие влияния. Они не отменяют закон крушения, но ослабляют его действие». (Стр. 289). Если такие противодействующие влияния вступают в действие, тогда снова возобновляется реализация капитала, накопление может начаться снова на повышенном базисе, «тенденция к крушению» пересекается и получает выражение в форме проходящего кризиса. Кризисы тем самым представляют прерванную и не дошедшую до «полного развития тенденцию, краха» (стр. 290). Мы находим затем у Гроссмана подробное описание этих противодействующих тенденций, которые превращают крушение в преходящий кризис. Этими факторами являются: уменьшение расходов на постоянный капитал через развитие производительной силы труда», уменьшение зарплаты ниже стоимости рабочей силы; ускорение оборота, уменьшение стоимости элементов постоянного капитала, возникновение сфер производства с более низким составом капитала. Затем следует: борьба промышленного капитала за отмену земельной ренты, борьба за исключение торговой прибыли, расширение производства на базисе той же техники, периодическое обесценение имеющегося капитала, что увеличивает норму прибыли... Все эти факторы отдаляют тенденцию крушения, превращают ее в кризис и создают выход из кризиса. Мы узнаем у Гроссмана, что кризис не имеет никакого отношения ни к диспропорции, ни к общей анархии капиталистического производства к противоречию между тенденцией к безграничному росту производства и ограниченным ростом спроса (Гроссман, стр. 291).

О противоречии между общественным характером производства и частном характере присвоения,—этом основном противоречии, ведущем к кризисам—мы не находим у Гроссмана ни слова. Дело не в этом основном противоречии, дело не в противоречии между производством и потреблением, дело не в противоречиях, создаваемых тенденцией нормы прибыли к понижению—пусть всех этих противоречий не будет—все равно вследствие нехватки прибавочной стоимости должен будет в каком-то году наступить кризис. Такова вся мудрость новой теории кризисов нового «восстановителя» теории Маркса Генрика Гроссмана. Не смущаясь убожеством этой теории, Гроссман утверждает, что именно его теория есть ключ к об'яснению цикличности капиталистического производства.

На самом деле мы не находим у Гроссмана обоснования ни цикличности, ни длительности цикла, поскольку последняя связана с средней жизнедеятельностью основного капитала. Нехватка прибавочной стоимости, приводящая к кризису, может обнаружиться и через 20, 40, а может быть и 100 лет. Совершенно непонятно, почему столь разнообразные противодействующие факторы, отдаляющие крах и превращающие его в кризис, как-будто сговорившись, приводят к периодически—раз в 10 примерно лет—повторяющимся кризисам. Стоит предположить, что, пока мифическая гроссмановская тенденция к крушению дойдет до конца, бурно растущее производство налетит на ограниченные пределы рынка, как вся теория крушения Гроссмана

терпит полное крушение. А такое предположение вполне допустимо, ибо противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения имеет к кризисам весьма-таки большое отношение. Пусть кризисы не имеют перманентного характера, пусть производство создает рынок, пусть потребление идет за производством, пусть производство и рынок, производство и потребление являются моментами единого целого, но именно р а з л и ч и е этих моментов в условиях капитализма чревато противоречиями, могущими получить свое разрешение только в кризисе. На определенном этапе циклического развития капиталистического производства противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения приводит на основе создаваемой падением нормы прибыли тенденции к безудержному размаху производства при ограниченной, хотя и растущей, покупательной силе широких масс—к такому обострению противоречия производства и потребления, что наступает кризис сбыта и кризис производства.

Что касается длительности циклов и периодичности кризисов, то они увязываются у Маркса с особыми условиями обращения и восстановления основного капитала. Как известно, основной капитал, участвуя в создании потребительской стоимости целиком, входит в стоимость товара частями. Авансированный капитал должен проделать известный цикл оборотов, пока не возместится стоимость основного капитала. Поэтому, «в той самой мере, как с развитием капиталистического способа производства растет размер стоимости и продолжительность существования вкладываемого основного капитала жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь, — скажем, средним счетом в десятилетнюю жизнь» (Маркс). Длительность цикла зависит во-1) от развития основного капитала, удлиняющего эту длительность, и во-2) от переворотов в технике производства, приводящих к моральному снашиванию средств производства задолго до их физической смерти и тем сокращающих длительность цикла. — «Можно думать, — пишет Маркс, — что в решающих отраслях крупной промышленности этот цикл жизни составляет теперь средним счетом десять лет. Однако, дело здесь не в определенном числе. Ясно, по меньшей мере, следующее: в этом охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между собой оборотов, к которым капитал прикреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, при чем предприятие последовательно переживает периоды ослабления средней деятельности стремительного размаха, кризиса; хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборотов». Имеющие место вслед за кризисом технические усовершенствования с целью приспособиться к низкому уровню цен ускоряют моральную амортизацию и приводят к крупным новым вложениям капитала. Создаваемое этим оживление переходит при цепной связи отраслей производства в под'ем, под'ем в стремительный размах, а последний кончается кризисом — и порочный кругооборот возобновляется.

Э т о й «м а т е р и а л ь н о й о с н о в ы п е р и о д и ч е с к и х к р и з и с о в» (Маркс) м ы с о в е р ш е н н о н е н а х о д и м у Г р о с с м а н а — длительность цикла зависит у него от того, насколько времени хватит прибавочной стоимости, а этот срок совершенно неопределенный.

(Окончание следует).

Модест Рубинштейн.

Нарастание мирового экономического кризиса.

Под знаком первых проявлений мирового кризиса находится уже в настоящее время все международное положение, все явления экономической и политической жизни капиталистического мира.

Даже буржуазная экономическая наука, которая, по замечанию Ленина, отличается от буржуазной публицистики «только меньшей искренностью и стремлением затушевать суть дела, заслонить лес деревьями», не может уйти от бесчисленных фактов, свидетельствующих о нарастании кризиса.

С оговорками, с самоутешениями, как говорят американцы, «с насвистыванием для поддержания собственной бодрости», многие буржуазные экономисты вынуждены признать не только наличие, но и хотя бы в отдельных областях, также связь и единство всех этих фактов.

Приведем лишь несколько примеров.

В обзоре Берлинского кон'юнктурного института (обычно крайне осторожного в своих выводах и дающего о ряде мелких стран определенно неверные, розовые сведения) за последнюю четверть 1929 г. мы читаем:

> «Хотя международное хозяйственное развитие все еще полно противоречивых сдвигов, все же тенденция к упадку в общем выступает с таким единством, какого не было до сих пор ни разу в послевоенный период».

Известный экономист Феликс Сомари пишет в журнале «D. deutsche Volkswirt» от 9/III, под заглавием «Мировой экономический кризис», что «современный кризис является первым международным кризисом за 2 десятилетия».

В этой интересной статье он дает яркую картину того, как кризис охватывает весь мир, страны, вывозящие капитал и страны-должники, промышленность и сельское хозяйство. Он показывает, как все мероприятия правительств и финансового капитала не только не могли предотвратить развитие кризиса, но, наоборот, еще более усиливают его интенсивность, размах и длительность.

«Wirtshaftdienst» от 14/III в передовице проф. Зингера под заглавием «К диагнозу застоя в мировом хозяйстве» пишет:

> «Со времени формального окончания войны прошло 10 лет; со времени восстановления германской и английской валюты—5 лет. Настало время сделать настоятельнейшие выводы из развития мирового хозяйства в этот критический период.
>
> «Результат бесспорен... наступает длительная волна депрессивного характера, прерываемая короткими попытками под'ема преимущественно местного значения. В общем развитие идет под знаком падающих цен, сильного перепроизводства, безработицы, неблагоприятных условий рентабельности, избытка сырья, рабочей силы, неиспользованного производственного аппарата».

«Deutsche Bergwerks Zeitung» от 15/III в передовице пишет:

> «Жалуются на бастующих клиентов, не покупающих больших ценных бумаг, или в лучшем случае, ограничивающихся якобы обеспеченными облигациями. Но никогда не упоминают, что нынешнее громадное неблагополучие лишь в небольшой степени можно приписать падению курсов на биржах, что мы находимся в общем кризисе, осложненном громадной сырьевой проблемой, при чем выход из него не может быть создан искусственными мероприятиями».

Таких высказываний можно было бы привести десятки. Почтенные буржуазные экономисты вынуждены признать развитие мирового экономического кризиса. Правда, многие из них избегают самого слова «кризис», заменяя его всякими звучными и малопонятными для нас определениями. Это дешевое удовольствие мы согласны им предоставить, так как суть дела от этого не меняется. Можно называть как угодно, это не изменит того факта, что описываемые ими сдвиги являются частью назревающего мирового кризиса, первыми раскатами надвигающихся бурь. Притом уже эти первые проявления по своему размаху, повсеместности, остроте и глубине далеко превосходят все довоенные примеры капиталистических кризисов, а в некоторых отношениях уже превзошли и большой послевоенный кризис 1920—21 г.

Каковы же факты? Для того, чтобы дать их во всей совокупности, необходимо дать хотя бы сжатый обзор экономического положения капиталистических стран в начале 1930 г. Этот обзор поневоле носит несколько сухой характер. Но только эта основа дает возможность марксистского анализа и дальнейших выводов. Как писал Ленин: «Лучшим ответом на мертвые абстракции... является противопоставление им конкретно-экономической действительности современного всемирного хозяйства». Еще одно замечание Ленина является чрезвычайно важным для подхода к оценке мирового экономического кризиса. В своем предисловии к французскому и немецкому изданию «Империализма» Ленин отметил, что для того, «чтобы изобразить это об'ективное положение (командующих классов. *М. Р.*) надо взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно с о в о к у п н о с т ь данных об о с н о в а х хозяйственной жизни в с е х воюющих держав и в с е г о мира».

Американский кризис.

Основным фактом экономической действительности современного капитализма является развитие кризиса в Соед. Штатах. Однако, так как этот вопрос получил уже освещение в многочисленных статьях, мы остановимся лишь на последних сдвигах американской кон'юнктуры.

После того как первые раскаты краха отзвучали, биржа на время несколько успокоилась, «миллионы овец острижены до кожи» и выпустили на подножный корм, многие американские капиталисты, особенно погревшие себе руки на скупке упавших акций, вновь начали проникаться прежним безбрежным оптимизмом. Корреспондент английского журнала «Обсервер» остроумно отмечает «перепроизводство искусственного оптимизма», как один из многочисленных перепроизведенных товаров.

Некоторые американские журналы уверяли, что «все к лучшему в этом лучшем из миров» и биржевой крах послужит лишь на пользу американскому капитализму.

« Джорн. оф Коммер.» пытался уверить в том, что крах будет иметь даже благодетельное влияние.

Рассуждения этого рода заполняли американскую прессу, являясь особенно модными в кругах Американской Федерации Труда, социалистической партии и других рабочих и мелкобуржуазных лейтенантов финансового капитала.

Гувер и Меллон, Ламонт и Клейн наперебой пытались после краха уверить «публику», что «то, что произошло на бирже, не отразится на промышленности, торговле и безработице».

Вопреки всему, что проповедывалось ими же еще вчера: промышленность якобы не имеет никакого отношения к финансам и бирже, биржа, мол, зарвалась и за это расплачивается, но производства это совершенно не касается, оно здорово и продолжает процветать, как ни в чем не бывало,— «Джорн. оф Коммер.» дал рассуждениям этого рода совершенно правильное определение: «Заявления из Вашингтона об отсутствии связи между спекуляцией и производством — чепуха, хотя они и опасны для тех, кто им верит». В ответ на успокоения Клейна эта газета пишет: «Разговоры о том, что спекулянты составляют лишь 1% населения и поэтому крах не отзовется на делах, не имеют никакой основы. Конечно, если бы наша банковская система была ненужной, наш кредитный механизм был бы только 5-м колесом, тогда было бы верно, что производство могло бы развиваться независимо от биржи, — но на деле ничего подобного нет».

Здесь лишь скромно выявлен тот неопровержимый факт, что руководители спекуляции на Уолл-стрит являются одновременно полновластными хозяевами американской промышленности. В этом самая суть финансового капитала, как слияния, сращения банковского капитала с промышленным. В связи с этим заявления об «отрыве биржи от экономических основ» могут привести к совершенно ложным выводам. Производство не идет своими путями, независимо от биржи, а наоборот, весь капитализм насквозь пронизывается элементами паразитизма и загнивания. Ленин писал в «Империализме»: «В Соед. Штатах экономическое развитие за последние десятилетия шло еще быстрее, чем в Германии, и как раз благодаря этому паразитические черты новейшего американского капитализма выступили особенно ярко». С тех пор это паразитическое перерождение американского капитализма далеко продвинулось вперед.

Вопреки всем успокоениям финансового капитала уже через месяц после биржевого краха снижение производства, которое началось фактически еще с середины 1929 г., получило небывалое ускорение.

По сводке «Nat. City Bank of New Jork» ноябрь 1929 г. дал по сравнению с ноябрем 1928 г. следующие показатели снижения хозяйственной деятельности:

Потребление меди	—28,3%
» резины	—26,2%
Продукция сахара	—2[illegible],4%
Лесопильная промышленность	—2[illegible],8%
Продукция стали	—17,7%
» антрацита	—17,5%
» цинка	—18,3%
Потребление хлопка	—11,0%
Продукция свинца	— 10%
Новые вложения капитала (внутрен.)	—62,3%
Разрешения на постройки	—27,9%
Экспорт	—17,8% и т. д.

В декабре 1929 г. снижение продукции охватило почти все отрасли хозяйства страны, получив в некоторых из них небывалый темп падения. Достаточно отметить, что продукция автомобилей составила за декабрь лишь 160.000 штук, что означает снижение по сравнению с маем того же года на 80%. Выплавка стали сократилась за тот же период почти на 40%, снизившись до 50% производственной мощности сталелитейных предприятий. Сократилась выплавка меди и других цветных металлов. Строительство снизилось на 43% ниже декабря 1928 г., достигнув самого низкого уровня за последние 5 лет. Потребление хлопка сократилось за год на 34%. Железнодорожный грузооборот—этот крайне характерный показатель экономического положения страны — был в последнюю неделю декабря вдвое ниже, чем за последнюю неделю сентября. Даже потребление электрической энергии, до сих пор нараставшее непрерывно, показывает с ноября небольшое снижение.

Общий промышленный индекс «Анналиста», выключающий сезонные колебания, изменился за вторую половину 1929 г. следующим образом:

Август	— 106,8
Сентябрь	— 105,8
Октябрь	— 103,5
Ноябрь	— 94,2
Декабрь	— 89,5.

При этом индекс продукции авто упал с 150,5 в июне 1929 г. до 51,5 в декабре.

Индекс числа занятых в промышленности рабочих снизился с 95,5 в декабре 1928 г. до 91,9 в декабре 1929 г. (1926 = 100). С конца сентября было вытеснено из промышленности около 700.000 рабочих.

Все эти данные показывают с абсолютной несомненностью наличие в Соед. Штатах в декабре 1929 г. острого промышленного кризиса.

Январь и февраль 1930 г. дают по отдельным производствам некоторый под'ем продукции. Так производство автомобилей выросло до 300.000 штук в январе и 350.000 в феврале. Загрузка стальных заводов поднялась в феврале до 80% производственной мощности.

Этого под'ема было достаточно, чтобы вызвать новую волну напускного оптимизма капиталистических кругов. Однако, значение этого под'ема значительно меркнет, если принять во внимание, что он значительно отстает от обычного сезонного роста в эти месяцы. Продукция авто в феврале, несмотря на под'ем, составляет лишь около ⅓ производственной мощности промышленности.

По ряду оценок продукция авто за 1930 г. составит в лучшем случае 60% прошлогодней. Особенные трудности создает проблема подержанных автомобилей, во все больших количествах поступающих на рынок. Крупные автомобильные тресты ассигновали довольно значительные средства для того, чтобы скупать и уничтожать эти злосчастные подержаные авто, но это не может в сколько-нибудь заметной степени расширить рынок для новых. Под'ем стальной промышленности в значительной степени вызван тем, что железные дороги, несколько лет откладывавшие необходимые ремонтные работы, сразу дали стальным предприятиям (большей частью связанным с теми же финансовыми группами) значительную пачку заказов, в настоящее время уже подходящих к концу. Другие отрасли потребления стали продолжают сокращать свой спрос. Общий размер промышленной продукции за первую четверть 1930 г. снизился по сравнению с тем же периодом 1929 г. на 11,5%. Строительная промышленность покамест не дает никаких признаков улучшения. Это имеет особенно значение потому, что развитие строительства было одним из важнейших пунктов программы и обещаний Гувера. Железнодорожные погрузки также не показывают никакого роста, оставаясь на самом низком уровне с 1923 г.

Большое значение имеет также дальнейшее углубление в начале 1930 г. аграрного кризиса—значительное падение цен на пшеницу и хлопок, полнейший провал всех стабилизационных мероприятий назначенного правительством Фермерского бюро.

Было бы неправильно представлять себе развитие экономического кризиса в Соед. Штатах как сплошную кривую падения, без отдельных колебаний и под'емов. Но суть дела в том, что такие под'емы в условиях современной интенсивности основных противоречий американского капитализма приводят лишь к подготовке дальнейших срывов еще большей глубины и раз-

маха. В частности ряд признаков указывает на подготовку в Соед. Штатах нового биржевого краха. Вопреки всем надеждам и уверениям крупного капитала и его лакеев, кризис в Соед. Штатах не кончился. Он только начался.

Влияние американского кризиса на капиталистический мир.

Уже биржевой крах в Нью-Йорке вызвал ряд откликов во всех капиталистических странах. Современный финансовый капитал настолько тесно переплетен в международном масштабе и в то же время настолько подвижен, настолько быстро реагирует на каждый биржевой сдвиг в узловых центрах капиталистического мира, что небывалое потрясение в финансовой столице мира—Нью-Йорке—должно было отразиться на всех капиталистических странах.

Крах тотчас же вызвал падение курсов акций на ряде европейских бирж (Лондон, Амстердам, Брюссель, Стокгольм), ускорение уже раньше начавшегося снижения и неустойчивости на берлинской бирже, в конце ноября — резкое падение курсов в Париже.

Вся обстановка международного денежного рынка в течение нескольких недель после краха круто изменилась. Значительные европейские капиталы, привлеченные в Нью-Йорк в течение последнего года магнитом спекуляции, частью «растаяли» в биржевом крахе, частью начали отливать обратно в Европу. Уровень учетного процента быстро снизился во всех странах. В связи с этим, особенно в Германии и Англии, влиятельные капиталистические круги выражали уверенность в том, что в результате биржевого краха в Нью-Йорке положение в Европе резко улучшится. Такие перспективы рисуют Кэйнс, «Экономист», германская либеральная пресса, в радужных красках расписывающие следствие удешевления кредита, возобновление потока займов и т. п. Громче всех об этих благах кричат реформисты. Они вновь предвещают, как писал «Форвертс» в начале проведения плана Дауэса, что «солнце доллара озарит и согреет Европу».

Эти перспективы являются иллюзией.

Несмотря на кажущиеся противоположные тенденции в отдельных странах, европейский капитализм в основе страдает не от недостатка, а от «избытка» капиталов, так же, как в Соед. Штатах отражающего «перевазвитие» производственного аппарата, невозможность его полного использования на капиталистической основе.

Еще более глубокое воздействие окажет на капиталистический мир дальнейшее развитие промышленного кризиса в Соед. Штатах.

Сокращение внутреннего рынка, поглощавшего до сих пор свыше 90% продукции американской промышленности, заставит американский капитализм обратить основное внимание на усиление экспорта. Эта задача откровенно поставлена в ряде заявлений Гувера и др. тотчас же после биржевого краха. В то же время американский капитализм ясно сознает трудности, стоящие на пути развития экспорта. Например, отчет Бюро внешней и внутренней торговли за 1929 г., приводя данные о рационализации в Германии и Англии, отмечает, что «отныне конкуренция в мировой торговле будет наиболее обостренной».

При громадной производственной мощи американской промышленности, экспортирующей в настоящее время менее 10 проц. продукции, каждый процент увеличения этой доли, лишь в небольшой степени смягчая кризис в Соед. Штатах, в то же время означал бы величайшую опасность для промышленных стран Европы, особенно Англии, Германии и Франции, капитализм которых связан в настоящее время с экспортом самим своим существованием.

Сокращение внутреннего рынка Соед. Штатов хотя бы на 1% требует для компенсации роста экспорта на 12%. Это значит, что для того, чтобы хоть кое-как выйти из острого кризиса при помощи расширения внешних рынков, Соед. Штаты должны были бы затопить мир потоком своих товаров, целиком вытеснив всех конкурентов. И это как раз в то время, когда все капиталистические рынки, от промышленных стран Европы до отдаленнейших колоний, стремительно сокращаются. Капиталистические государства напрягут все свои силы для защиты от американского «нашествия» посредством повышения тарифных стен и ответного дэмпинга, политического давления и военной защиты.

Борьба за рынки сбыта — это борьба за британские доминионы, за Южную Америку, Китай, Индию, Африку, за новый передел мира, в котором основным империалистическим хищникам, прежде всего Англии и Америке, слишком тесно.

Если экономический кризис в Соед. Штатах оказывает сильнейшее воздействие на развитие кризиса в других капиталистических странах, то, с другой стороны, мы имеем и обратное воздействие. Уже первые проявления мирового экономического кризиса оказывают влияние на хозяйство Соед. Штатов. Это сказывается с особенной яркостью на снижении за последние месяцы экспорта из Соед. Штатов. Несмотря на сильнейшее давление американского капитализма, экспорт Соед. Штатов в несомненной связи с стремительным сокращением емкости мировых рынков, покамест не только не подымается, но, наоборот, падает (в феврале 1930 г. экспорт на 30 проц. ниже февраля 1929 г.). Углубление кризиса в Китае, вызванное обесценением серебра и биржевым крахом в Шанхае, немедленно сказалось на сокращении ввоза ряда американских продуктов. В этой связи необходимо отметить, что попытки об'яснить назревание мирового экономического кризиса только лишь следствиями, результатами, отражениями кризиса в Соед. Штатах являются ошибочными. Прежде всего, они не соответствуют действительности, так как следствия американского промышленного кризиса только начинают сказываться в других странах, и в то же время ряд проявлений мирового кризиса имел место еще до и независимо от кризиса в Соед. Штатах.

В то же время такая точка зрения неправильна теоретически, так как ее принятие означало бы совершенно необоснованную уступку пресловутой теории о преимущественном значении внешних противоречий, составляющей органическую часть теории «организованного капитализма». Следствия американского кризиса дают лишь дополнительные толчки для расшатывания капиталистической стабилизации. Назревающий кризис — это мировой, подлинно международный кризис капитализма, выросший из развития противоречий капиталистической стабилизации, несмотря на усиливающуюся неравномерность капиталистического развития. Это положение целиком подтверждается данными о нарастании экономического кризиса в разных странах.

Назревание экономического кризиса в других странах.

Перелом в Соед. Штатах немедленно сказался и, разумеется, не мог не сказаться в Канаде, являющейся во многих отношениях как бы продолжением хозяйственной территории Соед. Штатов.

К влиянию биржевого краха в Канаде присоединилось действие исключительно плохого урожая. В результате чрезвычайной засухи урожай пшеницы в прериях Западной Канады (штаты Манитоба, Саскачеван и Винипег) составил лишь половину прошлогоднего. В то же время мировые цены не только не повысились, а даже снизились. Это вызвало массовое разорение фермеров, общий застой торговли.

С октября 1929 г. в ряде отраслей промышленности началось снижение продукции, особенно резкое в производстве автомобилей и сельскохозяйственных машин. Это отразилось на железной и стальной промышленности.

Быстро растет безработица.

В феврале 1929 г. сельскохозяйственный кризис в Канаде в результате провала попыток пул'а удержать цены на пшеницу получил новое сильнейшее обострение. Значительные запасы уже не могут быть проданы до нового урожая. Это вызвало углубление общего экономического кризиса в стране и ряд политических осложнений.

Почти вся Латинская Америка, за очень редкими исключениями, уже в настоящее время охвачена глубоким экономическим кризисом.

В Мексике в результате неурожая резко сократилась продукция сельского хозяйства (кукурузы на 30%, фасоли на 40%, зерновых злаков на 32%). Это вызвало массовое разорение крестьянства и сокращение внутреннего рынка.

Значительно углубился продолжающийся уже более года кризис горной промышленности, особенно производства серебра, где Мексика является основным поставщиком мира (к «серебряному» кризису еще вернемся в дальнейшем), а также свинца, цинка и др. Почти все горные предприятия сокращают продукцию, массами увольняют рабочих. Железные дороги также проводят, под предлогом рационализации, массовые увольнения. Резкий кризис испытывает, в связи с снижением спроса, также текстильная промышлениость страны. С неполной нагрузкой работает также обувная и шерстяная промышленность. В общем, как пишет буржуазная газета «Универсаль» (30/I—1930 г.), «трудно найти такой год, который с первых же дней рисовался бы в столь мрачных красках, как 1930 г.».

Безработица достигла небывалых размеров и положение рабочего класса и широких масс крестьянства значительно ухудшилось.

На острове Куба, основной продукцией которого является тростниковый сахар, снижение мировых цен на сахар вызвало всеобщий кризис, резкое сокращение торговли, доходов железных дорог, налоговых поступлений, громадную безработицу.

«Кофейный» кризис и снижение цен на ряд других экспортных сел.-хоз. продуктов вызвали резкий экономический кризис на других островах Вест-Индии.

В Гаити и Сан-Доминго следствия кризиса и усиление гнета американского империализма были основой массовых восстаний.

В Южной Америке экономическое положение, за редкими исключениями, еще хуже, чем в Центральной.

В Бразилии все хозяйство охвачено глубочайшим кризисом. Экспорт Бразилии на 70% состоит из кофе. При помощи картеля, прикрывавшегося скромным названием «кофейного института», бразильские плантаторы проводили так. наз. «валоризацию», т.-е. искусственно создавали запасы и удерживали цены на высоком уровне. Но это лишь послужило стимулом к расширению продукции плантациями других стран. В конце 1929 г. произошел резкий срыв цен на кофе, снизившихся наполовину. Запасы «кофейного института» благополучно гниют, часть их выбрасывают в море. Для дальнейшего сокращения продукции обсуждается проект о том, чтобы вырвать миллионы выращенных с громадным трудом кофейных кустов. Но пока небывалый срыв цен вызвал во всем хозяйстве Бразилии подлинную катастрофу. Экспорт резко сократился, обострились политические противоречия, быстро падают государственные доходы, золотые запасы банков, акции.

Из 82 текстильных фабрик в феврале только около дюжины работали полностью. Остальные или целиком закрылись и обанкротились или работают с половинной нагрузкой. Кризис в феврале охватил все без исключения отрасли хозяйства страны.

Такие же потрясения вызвал срыв кофейных цен в 9 других государствах Латинской Америки, в частности в Колумбии, где еще в начале ноября безработица достигала 50.000 и положение с тех пор резко ухудшилось. Сельскохозяйственные рабочие не имеют никаких надежд на работу.

То же в Коста-Рика, Гватемале, Сальвадоре и Никарагуа.

В Аргентине 1929 г. начался с под'ема и буржуазия рисовала чрезвычайно радужные перспективы развития.

Однако, в дальнейшем, сильный недород, при одновременном падении мировых цен на зерновые продукты, вызвал падение экспортной стоимости пшеницы почти наполовину. Это привело к массовому разорению крестьянского населения, сокращению внутреннего рынка (особенно спроса на сел.-хоз. машины). Снижение цен на зерновые продукты и шерсть вызвало значительное ухудшение торгового баланса, отлив золота и, к концу года, падение валюты почти на 10%.

Таким образом, падение сырьевых цен вызвало в ряде государств Латинской Америки валютный кризис, против которого правительства совершенно бессильны, так как они не имеют возможности воздействовать на потрясения мирового рынка.

Такого же типа депрессия охватила Уругвай (шерсть, зерновые продукты).

В Боливии к аналогичным результатам привело падение мировых цен на олово и другие металлы. Олово, серебро, медь и свинец составляют около 90% экспорта страны.

По существу единственным исключением из этой общей картины кризиса в Южной Америке было в 1929 г. лишь положение в Чили. Но и здесь основа хозяйства становится все более шаткой. Основные продукты страны— селитра и медь — в результате успехов соответствующих международных картелей еще удерживали цены, но в то же время признаки перепроизводства в этих областях становятся все более явными. Мировое производство синтетического азота значительно превышает потребление, запасы быстро нарастают и соглашение мировых химических трестов с чилийскими производителями селитры, представляемыми правительством, вряд ли окажется прочным. Срыв цен на азотные соединения и уже начавшееся сокращение продукции меди вызовут и в Чили глубочайший кризис.

Экономическое положение Европы ярко характеризуется картами Берлинского кон'юнктурного института, где белым цветом отличены страны с хорошим состоянием хозяйства, черным — переживающие депрессию и серым — показывающие первые признаки снижения кон'юнктуры. За последние месяцы эти карты представляют почти сплошную черно-серую полосу с отдельными белыми пятнами.

В Англии хронический застой последних лет продолжается неуклонно. Какое-нибудь легкое колебание кон'юнктуры, небольшое сезонное улучшение в том или ином производстве сразу вызывает прилив надежд, бодрые заявления о том, что депрессия кончается. Увы, эти надежды отцветают, не успев распуститься. Легкое оживление промышленности в конце 1929 г. не удержалось и в начале 1930 г. продукция и вывоз вновь падают. Текстильная промышленность, металлургия и угольная промышленность — в прежнем тупике.

Старые рынки неуклонно продолжают ускользать. Вывоз текстильных изделий Ланкашира вытесняется более дешевой продукцией Японии и колониальных стран. По заявлениям экономической печати, 1929 год был одним из наихудших за долгий период существования хлопчато-бумажной промышленности. Фабрики, несмотря на крайне слабую загрузку, работали большей частью на склад.

Корреспондент одного английского буржуазного журнала пишет под заглавием «Развал Ланкашира»:

«Сперва Южный Уэльс,— теперь Ланкашир... Сознали ли страны, что ее важнейший промышленный центр гинет и что через несколько лет — самое большое лет через 5—Ланкашир будет одним громадным кладбищем заброшенных зданий? Необходимо вбить в головы сознание того, что наше хлопчато-бумажное производство обречено на гибель в самом близком будущем».

Общий вывоз за последнюю четверть 1929 г. показывает снижение. Доля Англии в ввозе доминионов и колоний (в том числе Индии) неуклонно падает. Безработица не только стала хронической, но показывает несомненный рост, несмотря на все статистические фокусы «рабочего» правительства.

Широкое техническое переоборудование производственного аппарата оказывается непосильным для британского капитализма.

Акции крупнейших трестов и предприятий в 1929 г. резко упали.

Рост революционного движения в колониях и усиление экономического отрыва доминионов быстро подталкивают самые основы Британской империи.

«Рабочее» правительство является в этой обстановке, с одной стороны, «мальчиком для битья», козлом отпущения финансового капитала, с другой — оно служит орудием проведения капиталистической рационализации с наименьшими трениями. Однако, эта рационализация, не приводя ни к каким успехам в восстановлении рынков, в то же время создает дальнейшее обострение безработицы.

В 1929 г. безработица нарастала, несмотря на некоторый рост продукции. Обзор Мидленд Банк об'ясняет это явление, наряду с «успехами» рационализации тем, что происходило сжатие торгового аппарата. В первые месяцы 1930 г. оно еще более ускорилось, вследствие явного сокращения внутреннего рынка. В то же время продукция железа, стали, шерстяной и хлопчато-бумажной промышленности и даже производство искусственного шелка показывают в январе и феврале нарастающее снижение. Воздействия нарастающего мирового кризиса получают все более отражение и в хронически застойной кон'юнктуре современной Англии.

Английский корреспондент Wirtshaftdienst (секретарь London Cambridge Ec. Service) пишет, что последний кризис, охватывающий весь мир, разбил и в Англии надежды на кон'юнктурное оживление.

Еще более характерно и показательно положение в Германии.

Еще совсем недавно тон всей германской буржуазной и реформистской печати был сплошным победным маршем. Восстановленная Германия, поглотившая свыше 10 миллиардов марок американского капитала, с чудесами техники и рационализации, с упрочением и спокойной определенностью внешней политической обстановки, со спасительной «коалицией всех классов» внутри страны, по заявлениям с.-д., страна на всех парах «врастала» в социализм тихо, мирно и незаметно.

Обзор кон'юнктурного института уже за третью четверть 1929 г. сухо и трезво констатирует:

«Последние месяцы принесли обострение падения кон'юнктуры, падения, в котором германское хозяйство находится с конца 1927 г.». С середины года положение меняется: «Сезонное оживление выдохлось, возможности сбыта на внешних рынках упали, жилищное строительство не может избежать трудностей получения капиталов. Снижение началось по всей линии. Снижение продукции, падение цен, падение оборотов, падение курсов акций, рост безработицы. Начинается кон'юнктурная депрессия».

Подробно разобрав проявления этой депрессии, институт пишет:

«Рост американского нажима на экспорт и одновременный рост потребности в экспорте европейских стран, приведут к обострению международной конкуренции».

Далее институт констатирует, что безработица растет быстрее, чем полагается по сезону, и заявляет, что в январе и феврале число безработных достигнет 2-х миллионов, даже не принимая в расчет ухудшения кон'юнктуры (эти цифры на деле превзойдены более чем вдвое).

В ответ на эти вынужденные признания фактов со стороны буржуазных статистиков и экономистов германские реформисты делают лихорадочные, порой довольно забавные, усилия замазать надвигающуюся депрессию, накормить массы надеждами на под'ем. Полемика «Форвертса» с кон'юнктурным институтом является ярким образчиком этих попыток лакея перещеголять хозяина в защите интересов последнего.

В то же время реформисты с напускной наивностью пытаются уговорить предпринимателей не ухудшать положения рабочих, так как это, мол, близорукая политика, грозящая основам капитализма. Это все равно, что уговорить спекулянта не играть на бирже, «уговорить» волка не трогать овец.

Вся политика германского капитала направлена на то, чтобы при помощи социал-фашизма провести резкое снижение зарплаты и общее ухудшение условий труда пролетариата, сократить пособия безработным, переложить всю тяжесть налогов и репарационных платежей на широкие слои трудящихся.

Ярким показателем является снижение курса германских акций, имевшее место еще до биржевого краха в Нью-Йорке. За 1929 г. германские акции на берлинской бирже потеряли 23% своей стоимости. Это снижение охватило акции самых разнообразных производств, включая мощные мировые тресты. Редактор журнала D. deutshe Volkswirt, Штольпер в годовом обзоре пишет о кризисе 1929 года: «От того, как выдержит Германия этот кризис, зависит ее национальная судьба, так как за демократией грозит хаос». На с'езде «Имперского союза промышленности» в декабре 1929 г. председатель треста Иге заявил:

«Когда здание германского хозяйства начинает гореть, когда запах гари уже начинает чувствоваться в виде банкротств, закрытия предприятий, сокращения рабочей недели, роста безработицы и связанным с этим упадком духа во всей Германии—лишь сейчас открываются глаза на действительность. Будем надеяться, что еще не слишком поздно и еще можно потушить разгорающийся огонь... Хозяйство еще живет, но оно переживает кризис обостреннейшей борьбы за самое свое существование».

В общем, период широких инвестиций и реконструкции исчерпался еще в начале 1928 г. Развитие депрессии было временно смягчено успехами внешней экспансии, бросовым экспортом на основе рационализации. Но к концу 1929 г. сужение внутреннего рынка и рост трудностей на внешних рынках обусловили выявление назревавших весь период рационализации противоречий.

Имевшая место в 1929 г. высокая продукция тяжелой промышленности в значительной степени была вызвана борьбой за квоты и носила временный характер, уже в ноябре показывая признаки перелома. В декабре начались массовые увольнения и закрытия предприятий в металлургической и машиностроительной промышленности Вестфалии.

В начале 1930 г. депрессия охватила почти все отрасли промышленности, быстро нарастая и углубляясь. Январь дал снижение производства чугуна (с середины 1929 г.) на 9%, стали на 14%. Снизилось также производство машиностроительных заводов. В частности депрессия охватила и угольную промышленность, в 1929 г. являвшуюся исключением. Февраль 1930 г. дает резкое снижение добычи угля в Руре, Средней Германии и Верхней Силезии.

Совершенно небывалый размах получила безработица, охватившая к концу февраля 4 миллиона человек, т.-е. свыше ¼ рабочего класса.

Обзор Берлинского кон'юнктурного института о положении к концу февраля сообщает о дальнейшем снижении продукции, небывалом сокращении строительства, обострении тяжелого положения сельского хозяйства,

нарастающих трудностях конкурентной борьбы на внешних рынках. Общий индекс продукции (1928 г. = 100) снизился с 109.8 в июле 1929 г. до 95.9 в январе 1930 г., т.-е. почти на 13%. Снизилось производство чугуна, стали, добыча угля, продукция машиностроительной, электротехнической, автомобильной, текстильной промышленности. В машиностроительной промышленности уже январь дал использование производственной способности лишь на 62%, в вагоностроительной 50—60%, в автомобильной—на 57%. Текстильная промышленность уже 6 месяцев работает на 60% производственной мощности. Как констатирует институт, несмотря на значительный рост потребности в экспорте и нажима на внешние рынки, экспорт снижается в результате сокращения емкости внешних рынков и усиления сопротивления за границей. Начало года показывает дальнейший рост банкротств, числа опротестованных векселей и т. п. Обзор устанавливает сокращение спроса на кредит (особенно краткосрочный), имеющее место, несмотря на рост возможностей притока иностранных кредитов. Обзор утешается тем, что называет все эти явления скромным термином «депрессия» и надеждой на то, что «вслед за хозяйственной депрессией обычно начинается период оживления». Но он сам же констатирует, что цены на промышленные продукты удерживаются от падения картелями и потому нет перспектив расширения возможностей сбыта, что проведение технических усовершенствований не дало ожидавшегося хозяйственного успеха и «вообще в результате ряда причин, нельзя ожидать быстрого преодоления депрессии». Обзор подчеркивает, что

> «все хозяйственное положение находится под знаком небывалой безработицы.... число безработных и работающих сокращенное рабочее время составляет 36% всего промышленного пролетариата, при чем в равной мере охвачены все отрасли хозяйства — производство средств производства и производство средств потребления. Высший пункт безработицы еще не достигнут и еще большой вопрос: преодолеет ли этот рост сезонное оживление.... Уже за последний квартал 1929 г. выпадение доходов пролетариата составило свыше миллиарда марок».

В тесной связи с германской кон'юнктурой находится положение а ряде соседних стран Центральной Европы.

В Австрии уже с сентября 1929 г. началось явное снижение кон'юнктуры, падение продукции металлической и текстильной промышленности, сокращение вывоза (особенно в Германию), наконец, рост безработицы, значительно превышающий обычный сезонный.

Приток займов прекратился. Тяжелая промышленность к концу года начала резко сокращать продукцию (за год снижение на 30%). Стальная промышленность была в декабре загружена лишь на 53%. Курс акций упал за год на 25%. Баланс внешней торговли становится все более неблагоприятным. Строительство показывает полный застой. Корреспондент «Экономиста» считает, что 1929 г. был «годом наибольшего разочарования со времени основания Австрийской республики». В январе и феврале 1930 г., по данным Австрийского кон'юнктурного института, продолжалось дальнейшее снижение во всех областях хозяйства. Фашистское правительство, пришедшее к власти при помощи социал-демократов, оказалось совершенно бессильным приостановить хозяйственный развал. Безработица достигла колоссальных размеров, превысив в феврале 1930 г. 400.000 человек. Таким образом, это уродливое образование Версальского мира с разбухшей как бы от водянки головой (в Вене сосредоточено более половины населения страны) отсутствием сырья и рынков начинает заживо разлагаться.

Явно выраженный кризис охватил Венгрию. Последние месяцы 1929 г. показали там дальнейшее снижение хозяйственной деятельности, обострение аграрного кризиса, значительный рост безработицы.

«Экономист» пишет, что «1929 г. был годом экономического и финансового кризиса, самым трудным периодом со времени действия плана реконструкции Венгрии Лиги Наций» (т.-е. с 1924 г.). И в Венгрии приток иностранных займов прекратился, государственный бюджет дал дефицит, на бирже резко сказалась «нервность» нью-йоркской и лондонской бирж. Курс акций упал на 30%, значительно выросли банкротства. Особенно сказалось на экономике страны дальнейшее углубление аграрного кризиса. Экспорт сел.-хоз. продуктов стал убыточен. Разорение крестьянского населения сократило покупательную способность. Громадный скачок вверх дала безработица как городского, так и сельскохозяйственного пролетариата.

В Чехо-Словакии продукция держалась в 1929 г. на относительно высоком уровне, но основные производства отмечали значительное сокращение заказов. Вместе с резким усилением рационализации и давления на условия труда начались массовые увольнения на текстильных фабриках и закрытие ряда мелких предприятий. Ухудшилось положение стекольной промышленности, сахарной, химической и ряда других. Значительные увольнения имели место на металлургических предприятиях в Кладно и на заводах Шкода. Сокращения зарплаты получили повсеместный характер.

В начале 1930 г. кризис быстро нарастает. Производственный аппарат промышленности, составляющий около 70% промышленности бывшей Австро-Венгерской империи, за последние годы значительно вырос в результате механизации и рационализации. Между тем сбыт зависит главным образом от внешних рынков, емкость которых все более снижается. С обострением аграрного кризиса внутренний рынок также сократился. В настоящее время кризис охватил уже все важнейшие отрасли производства, включая горную промышленность. Быстро нарастает безработица.

В Польше уже третья четверть 1929 г. дала падение кон'юнктуры, снижение общего индекса продукции, особенно в производстве средств производства (железо, сталь, машины). Только добыча угля являлась исключением, в связи с успехами экспорта, на развитие которого производился особый нажим. В последней четверти года имело место дальнейшее усиление депрессии.

По данным обзора «Экономиста»:

> «1929 г. характеризуется глубокой депрессией в торговле. Почти все отрасли промышленности переживают жестокий кризис. Продукция стали и железа достигла в 1928 г. 94% довоенной (1913 г.). 1929 г. дал снижение на 75%. Острейший кризис охватил хлопчато-бумажную промышленность, где ¾ рабочих работали в 1929 г. менее 4-х дней в неделю. Сельское и лесное хозяйство, связанная промышленность и другие отрасли хозяйства страны жестоко страдали от снижения цен на мировых рынках. Сокращение спроса сельского хозяйства вызвало кризис в производстве химических удобрений. Единственным исключением в 1929 г. была угольная промышленность, повысившая добычу с 40 млн. тонн в 1928 г. до 45 млн. тонн».

По позднейшему сообщению «Экономиста», «Аграрный кризис принимает чрезвычайные размеры».

Помимо следствий общего мирового кризиса это вызвано рядом местных причин. Рожь — основной зерновой продукт Польши — упала в цене еще больше, чем другие продукты. Это вызвало массовое разорение крестьян.

В первые месяцы 1930 г. экономическое положение значительно обострилось. Лодзь напоминает вымерший город и текстильная промышленность не имеет никаких надежд на улучшение, так как экспорт резко падает. Нефтяная, машиностроительная, лесная, химическая промышленность резко сокращает продукцию. В январе и феврале кризис охватил и угольную промышленность.

Безработица достигла зимой 1929/30 г. совершенно небывалых размеров, охватывая свыше трети рабочего населения страны.

Балканы почти целиком под знаком острого экономического кризиса. Исключением было в 1929 г. лишь некоторое улучшение хозяйственного положения Югославии, однако и там начало 1930 г. дает ряд проявлений перелома к снижению.

В Румынии, по словам корреспондента «Экономиста», вся страна жестоко страдает от экономического кризиса. Протестованные векселя, банкротства и моратории достигли небывалых размеров. Депрессия вызвала резкое снижение доходов казначейства, побудившее к повышению налогов. В стране накопились громадные «излишки» сельскохозяйственных продуктов без надежды на сбыт, в то время как массы населения голодают, широкое распространение получила вызванная недоброкачественной пищей болезнь пеллагра. Цены на сел.-хоз. продукты падают, но продавать их некому. Громадная задолженность крестьянства и нестерпимая тяжесть налогов вызывают стихийный рост крестьянского движения.

Таким же является положение и в Болгарии. По словам одной буржуазной газеты, «все хозяйство Болгарии скозано и железное кольцо кризиса душит страну». Как и всюду на Балканах, небывалое обострение получил аграрный кризис, падение цен, сокращение экспорта, подлинное обнищание крестьянства. В то же время в городах усиливается промышленный кризис, закрывается ряд фабрик (например, целиком закрылись табачные фабрики в важнейших районах), растут банкротства, разоряются массы ремесленников. Торговый баланс страны пассивен, бюджет сведен с дефицитом, намечаются первые признаки валютного кризиса. Безработица и снижение зарплаты быстро усиливают радикализацию пролетариата.

Глубокий экономический кризис уже в 1929 г. охватил Грецию. Стоимость промышленной продукции за 1929 г. сократилась на 15%. Несмотря на это, еще с прошлых лет в стране образовался большой резерв непроданных товаров. Сокращение зарплаты рабочих и разорение крестьянства, живущего в кабале ростовщиков и банковского капитала, значительно сузили внутренний рынок. Нестерпимый гнет налогов ускоряет обнищание крестьянства.

Курс акций снизился за год почти на 50%, число банкротств выросло вдвое. Кризис создал такие кадры безработных, каких давно уже не было в Греции, причем безработица становится все более устойчивой. Безвыходное положение трудящихся вызвало ожесточенные стачки, восстания в ряде районов (особенно на Крите), брожение мелкой буржуазии. Пресловутая «стабилизация» Венизилоса трещит по всем швам.

В Турции назревавший уже в течение долгого времени кризис к концу 1929 г. распространился на все отрасли хозяйства. Попытки индустриализации страны уперлись в отсутствие капиталов, сопротивление торговой буржуазии и узость внутреннего рынка. Попытка добиться на капиталистической основе экономической независимости от международного финансового капитала явно провалилась.

В Прибалтийских государствах 1929 г. принес резкое усиление аграрного кризиса. Падение цен на их экспортные продукты (масло, лен, лес) и усиление протекционистских тенденций в странах ввоза значительно ухудшили торговый баланс.

Финляндия особенно резко испытывает падение лесного экспорта, вызывающее общий хозяйственный кризис страны. Эстония и Латвия все сильнее ощущают конкуренцию советского экспорта. Безземельные и карликовые крестьяне, составляющие большинство населения этих стран, получили от земельной «реформы» только усиление налогов и поборов. Значительные слои крестьянства не в состоянии были выплатить проценты по займам и их имущество распродается с молотка. Все это, вместе с усилением эксплоатации рабочих, сокращает производство. Расчеты на приток иностранных займов не оправдались. Углубление кризиса вызывает усиление враждебных тенденций буржуазии и правительств против СССР и одновременно рост недовольства трудящихся в городе и деревне.

Скандинавские страны были в 1929 г. исключением из общей картины европейской депрессии.

Но к самому концу года, по сообщению корреспондента «Экономист», в Швеции явно наметился перелом кон'юнктуры и следствия американского кризиса становятся все более заметными. Уже декабрь 1929 г. дал снижение экспорта, падение продукции, особенно в железной и стальной промышленности, машиностроении, производстве шарикоподшипников и ряде других отраслей. Безработица в декабре выросла на 23%. Биржа в январе 1930 г. показывает явные признаки неустойчивости и «нервности».

В Италии выявился уже за последние месяцы 1929 г. ряд несомненных признаков упадка кон'юнктуры, сокращение продукции в важнейших отраслях промышленности, относительно еще более быстрый рост безработицы. Уже в сентябре имело место резкое падение акций. Быстро нарастает число банкротств. Орган центральной предпринимательской организации определенно говорит о неизбежности кризиса, подчеркивая, что «крах на Уолл-стрит оказал несомненное влияние на нашу экономику, усилив трудности и неблагоприятное состояние финансов и промышленности». Сообщения американского консула указывают на глубокую экономическую депрессию.

Муссолини в одной из своих последних речей всячески пытается утешить фашистов тем, что «во всех странах положение хуже, чем в Италии», заявляя:

«Германская хроника последних дней красна от крови. В Соед. Штатах 4—5 млн. безработных, в маленькой Австрийской республике их больше 300.000. Единственная страна, в которой нет безработных — это Франция, по той простой причине, что в ней нет людей... В это время всеобщего кризиса было бы чудовищно и преступно утверждать, что только в Италии плохо».

Затяжная депрессия продолжается в Испании, сопровождаясь финансовым кризисом, падением курса пезо и политическими потрясениями фашистского режима.

В Бельгии, которая до сих пор целиком следовала за французской кон'юнктурой, можно отметить ряд признаков назревающего перелома кон'юнктуры — сокращение строительства, работу предприятий на склад, начало увольнений в ряде отраслей промышленности.

Единственным исключением на фоне общего снижения европейской кон'юнктуры является лишь Франция, но и здесь, по ряду признаков, назревает перелом. Автомобильная и текстильная промышленность за последние месяцы снижает продукцию. Ситроен и Рено проводят массовые увольнения. Громадное значение имеет пассивность торгового баланса за 1929 г., так как «исключительность» французской экономики в значительной степени определялась тем, что Франция последней стабилизовала валюту и пользовалась поэтому как бы экспортной премией на внешних рынках. Несмотря на усиленную рационализацию промышленности, эти преимущества Франции на внешних рынках неуклонно сокращаются. На ряду с обострением аграрного кризиса этим подготовляется распространение общего мирового экономического кризиса и на Францию.

Чрезвычайно характерны данные о нарастающем кризисе в ряде заокеанских стран, доминионов и колоний.

Мы уже отмечали ухудшение положения в Канаде.

В Австралии экономическая депрессия продолжается уже более 2-х лет. Поток займов из заграницы и высокие цены на шерсть раньше отдаляли ее обострение. В 1929 г. цена на шерсть упала на 30%. Предприниматели смотрят на будущее крайне пессимистически, готовясь к кризису

на годы. Еще перед падением националистического правительства тогдашний премьер Брюс заявил в парламенте (28/V-1929 г.):

> «Австралия привыкла в прошлом к периодам временной депрессии. Но наше нынешнее положение вызвано более глубокими причинами и хорошие урожаи не смогут вернуть процветания. Цены наших основных продуктов — шерсти и пшеницы — упали. Сбыт избыточной продукции наших других сырьевых производств стал убыточным, а положение нашей обрабатывающей промышленности становится все более и более трудным вследствие все возрастающей заокеанской конкуренции».

Приход к власти «рабочего» правительства означает в Австралии, как и в Англии, с одной стороны, неуверенность буржуазии, а с другой — ее попытку руками рабочей аристократии провести резкое усиление эксплоатации рабочего класса в целом.

Расстрел горняков является яркой иллюстрацией обострения классовой борьбы в этом «рабочем раю».

В то же время первые полгода управления «рабочего» правительства не только не ослабили экономических затруднений, но, наоборот, привели к дальнейшему углублению кризиса.

В Южной Африке наступил несомненный перелом кон'юнктуры. Отчет министерства торговли и промышленности еще в сентябре 1929 г. предусматривает близость депрессии, утешаясь надеждами на ее быструю «нейтрализацию». Падение цен на шерсть, прекращение вывоза маиса в Германию, срыв экспорта фруктов в Англию, наконец, биржевая паника в Соед. Штатах, предвещающая сокращение сбыта бриллиантов, ускорили наступление депрессии.

«Экономист» от 22 февраля пишет, что все рынки, куда вывозятся южно-африканские продукты, находятся в депрессивном состоянии и поэтому причины перелома к упадку в Южной Африке находятся вне местного контроля.

Таким образом, все британские доминионы охвачены в той или иной степени тяжелой депрессией. Это яркий показатель того, как противоречия современного капитализма в законченном виде переносятся в страны молодой индустриализации.

Кризисные явления можно с чрезвычайной ясностью проследить в Японии. Молодой японский капитализм пережил во время войны период небывалого под'ема. Несмотря на отсутствие угля, железа и нефти, Япония стала первоклассной промышленной страной. Далеко не ограничиваясь текстильной промышленностью, Япония производит сложнейшие машины и химические продукты, строит суда, является одной из первых стран в мире по потреблению электричества.

С 1920 г. в Японии имел место ряд глубоких экономических кризисов. С 1925 г. хозяйство страны почти не выходило из состояния хронического застоя. Попытки рационализации промышленности приводят лишь к обострению противоречий. В 1929 г., после еле заметного улучшения в третьей четверти года, снова наступил поворот к снижению в тяжелой промышленности и машиностроении. Угольная промышленность сократила производство на 15%, металлургия — на 30%, хлопчато-бумажная — на 17%, цементная — на 38%, бумажная — на 35% и т. д. В общем, за 1929 г. закрылось около 500 фабрик. Внутренняя торговля была весь год в чрезвычайно подавленном состоянии. Американский кризис немедленно сказался на экспорте шелка, составляющем почти 40% всего вывоза страны (70% экспорта шелка направляется в Соед. Штаты).

Сокращение сбыта вызвало немедленное падение цен, сказавшееся как на промышленности, так и на сельскохозяйственном населении. Производством шелка-сырца в Японии заняты 2 млн. семей. Общий аграрный кризис

вызывает массовое обнищание крестьян и в то же время рационализация промышленности и сокращение производства в связи с кризисом выбрасывают на улицу сотни тысяч рабочих. В начале 1930 г. шелковая и ткацкая промышленность проводят сокращение продукции на 25%, увольняя 60.000 работниц. Попрежнему продолжается кризис судоходства, и судостроительные верфи сокращают производство и увольняют рабочих. Бешеное наступление на условия труда, отчаянные попытки искоренения «опасных» мыслей и напряженная империалистическая активность (особенно в Китае) оказываются бессильными ослабить стремительный рост экономических противоречий. По данным биржи труда в Токио, безработица (во всей Японии) достигла в начале 1930 г. 1 млн. Другие буржуазные источники говорят о наличии 1.700.000 безработных. Директор японского государственного банка Хиджината заявил в интервью 10 марта, что надежды на то, чтобы экономический кризис был изжит менее чем в 2 года, очень слабы. Министр финансов Японии добавил к этому интервью, что он не может сказать, как долго продлится кризис. Так он заявил:

> «Если бы я был в состоянии контролировать индийское национальное собрание, если бы я мог контролировать процветание в Соед. Штатах, если бы я мог контролировать все движения международных цен и кредита, я не был бы министром финансов Японии. Я был бы богом... Внешние факторы входят в уравнение в такой значительной степени, что никто не может указать предела нынешнего периода плохих дел».

В Китае уже несколько лет идет непрестанная генеральская война. Громадные армии милитаристов как саранча об'едают все вокруг, разоряют города и деревни. Целые провинции голодают. В 1929 г. от голода умерло свыше 2 млн. человек. Надежды на американского дядюшку, грандиозные планы железнодорожного строительства и восстановления дорог лопнули как мыльный пузырь. Развал железных дорог продолжается еще более быстрым темпом. Стремительно растет задолженность.

В конце декабря на шанхайской бирже произошел крах, снизивший курсы акций (в том числе руководящих текстильных фабрик) на 30—50% и разоривший массу маклеров, посредников, торговцев. Положение китайской промышленности ухудшается с каждым месяцем. Ряд хлопчато-бумажных фабрик прекратили работу. За последние месяцы закрылись более 100 шанхайских шелкопрядилен. Не работают ⅔ мельниц, большая часть табачных фабрик, ряд разнообразных предприятий в Ханькоу и других промышленных центрах.

Тяжелая промышленность почти не работает. Многие китайские предприятия за бесценок переходят в руки иностранного капитала.

Резкой депрессией характеризуется состояние экономики Индии. С особенной силой она сказывается в хлопчато-бумажной промышленности в результате сокращения потребления, падения экспорта и роста импорта из Японии. Промышленники вопят о государственной помощи, субсидиях, о повышении пошлин и настойчиво пытаются усилить эксплоатацию труда. Депрессия текстильной промышленности отражается на всей жизни Бомбея. Кризис переживает и джутовая промышленность Бенгалии.

Сокращение правительственных заказов (особенно железнодорожных) отразилось на металлопромышленности. Вывоз чугуна также падает, основные металлургические предприятия Индии — заводы Тата — резко сократили продукцию. Сельское хозяйство не выходит из состояния глубокого кризиса.

Мировое перепроизводство чая и падение цен вызвали кризис плантаций. Громадный рост и революционизирование рабочего движения подтачивает самые основы господства британского империализма, выкачивающего из страны колоссальные сверхприбыли.

Резкий кризис переживает Сингапур и вся Британская Малайя. Снижение цен на каучук и олово вызвало уже в 1928 г. снижение экспорта на 360 млн. долларов. В 1929 г. снижение продолжалось. Резко сократился ввоз рабочих из Индии на плантации и число индийцев, остающихся в стране после сезона.

Аналогичные причины вызвали тяжелую депрессию в Индонезии, усугубляемую падением цен на сахар.

Стоимость экспорта в 1929 г. снижалась из месяца в месяц. Ряд чайных, кофейных и других плантаций не имеют ни одного заказа и не знают, куда девать свои запасы. Покупательная способность населения резко снизилась. Кустарная текстильная промышленность (производство так называемого батика) сократилась до 25% своей обычной продукции. Финансовое положение крайне неустойчиво. Американский кризис значительно усугубил и усилил развитие кризиса.

Не лучше экономическое положение и на Филиппинах. Снижение цен на экспортные продукты вызвало падение экспорта по стоимости, несмотря на рост по об'ему. Покупательная способность населения заметно снизилась. К этому присоединились следствия опустошительного тайфуна.

Необходимо отметить затяжную депрессию в Египте, переполнение складов непроданным хлопком, за который крестьяне тщетно дожидаются платы.

С такой же резкостью сказывается кризис в африканских колониях.

Очень характерны явления тяжелого экономического кризиса в Бельгийском Конго, принявшего за последнее время угрожающие размеры. Громадные кредиты, экспансия торговли без учета возможностей рынка, «кон'юнктура в долг» вызвали переполнение складов товарами, которые нельзя сбыть. Снижение цен на колониальные продукты вызвало массовые разорения.

Политика правительства по отношению к сельскому хозяйству и зверская эксплоатация рабочей силы в промышленности вызвали голод, массовые эпидемии, угрожающее сокращение туземного населения.

Из Уганды местная газета «Уганда Геральд» сообщает (3 января 1930 г.):

> «В сельском хозяйстве страны величайшую заботу вызывает сокрушительное падение цен на все сырьевые продукты колонии — кофе, хлопок, шерсть, масляничные семена, кожи и т. д. Кофе и хлопок—основные продукты Уганды — целиком зависят от американских цен. Сейчас абсолютно ясно, что мировое снабжение сырьем значительно превышает потребности. Избытки должны вывозиться по низким ценам, что создает общее потрясение и нервиость. Выходом может быть только спартанское лекарство—выживание самых приспособленных. Крупные плантаторы должны снизить себестоимость, а неприспособленные—исчезнуть».

Эти примеры показывают, как потрясения мирового рынка охватывают отдаленнейшие уголки Экваториальной Африки.

Не останавливаясь на других странах, мы можем лишь вновь подчеркнуть тот несомненный факт, что глубокий экономический кризис охватил за самыми редкими исключениями весь колониальный мир.

Еще более яркую картину капиталистического перепроизводства и назревания международного экономического кризиса мы получим, если возьмем картину мирового хозяйства в вертикальном разрезе, т.-е. по отдельным хозяйственным отраслям.

(Продолжение следует).

Поместив в порядке обсуждения статью т. Розенталя «На новом этапе», редакция считает желательным обсуждение проблем нынешнего этапа социалистического строительства.

Редакция

Р. Вайсберг.

Идеология и практика „левых" загибов.

> «Разве не головокружительно мощный тут толчок производительные силы получили от сложившихся новых производственных отношений». (В. Богушевский: «О новом этапе» в «З. И.» от 11/II—1930 г.).

> «Успехи иногда кружат голову. Они порождают самомнение и зазнайство». (И. Сталин, «Ответы колхозникам»).

Стихийная волна сногсшибательных благоглупостей в деревне получила со стороны партии сокрушительный отпор. В постановлениях Центрального Комитета партии по вопросам коллективизации, в решениях о коллективизации и в последних статьях тов. Сталина указывается достаточно категорически на необходимость борьбы с теми возмутительными перегибами и извращениями партийной линии, которые встречаются на местах.

Газеты за последнее время пестрят сообщениями о перегибах в отношении сельского хозяйства, частной торговли, ловецких промыслов, о нарушении закона об избирательных правах и т. д. Перегибщикам в высокой степени наплевать на партийную линию и на законы советской экономики. Если даже отвлечься от случаев кулацкой провокации, то надо все же сказать, что, несмотря на хорошие суб'ективно-революционные намерения головотяпских коллективизаторов, их административный поход против законов советской экономики и против партийной линии ничего общего с ленинской политикой, конечно, не имеет. Они внесли на тринадцатый год революции в деревенскую практику немало таких элементов, которые троцкизм безуспешно и позорно пытался в свое время навязывать партии.

Этот своего рода неотроцкизм, концентрированный в извращениях генеральной линии партии в практике некоторых мест, пытается найти также и своих идеологов, при чем соответствующая идеология проявляется как в провинциальном творчестве, так и в центре в лице авторов отдельных «теоретических» статей и выступлений. Работники, например, окружного масштаба, не всегда могут ссылаться на Маркса и Ленина и извращать их; они меньше «теоретизируют» в силу меньшей их политической подготовленности. Там, где встречается надобность в идеологическом подкреплении антипартийной практики, низовые работники на слозах «не расходятся» с партийными решениями, но толкуют их по-своему. Иные поступают еще проще: излагают партийные решения так, как это им нужно для своей практической злобы дня. Излагают иногда партийные решения так, как левая «головотяпская» нога захочет, беря на себя задачу правильной информации и ориентации партийных и беспартийных масс. Товарищ, вернувшийся недавно из командировки, рассказывал, что в одной деревне он встретился с комсомольцем, который руководил раскулачиванием. Сей политический юнец безоговорочно и безостановочно «раскулачивал» всех и вся без различия пола, возраста и социального положения.

Когда приехавший из центра товарищ сказал комсомольскому «вождю», что он проводит худшее издание военного коммунизма, то тот ответил:

— А ведь партия приказала проводить в настоящее время «военный коммунизм».

Излишне доказывать, что такого рода заявления находятся в самом резком противоречии с теми директивами, которые дает партия. Против таких установок партия вела и ведет самую решительную и безапелляционную борьбу.

Особого внимания заслуживают извращения, допускаемые железнодорожниками, поскольку они являются тем отрядом пролетариата, который наиболее близко стоит к деревне и сильнее других связан с нею.

Например, на ст. Калмык в ЦЧО партийная ячейка вынесла резолюцию, согласно которой все члены союза, не связанные с сельским хозяйством, обязаны состоять пассивными членами колхоза. Это постановление было вынесено уже после появления в газетах ответов тов. Сталина на вопросы свердловцев.

Сталинградский и Губакинский Учкпрофсоюзы пошли еще дальше.

Первый разослал по 15 «подведомственным» ему станциям циркуляр о том, чтобы связанных с сельским хозяйством железнодорожников, не вступающих в колхоз, исключать из профсоюза и снимать с работы на транспорте, а второй поставил вопрос еще более решительно: лишать земли за отказ от вступления в колхоз.

Об'ективный смысл этих чиновничьих приказов слишком ясен: **очльет воду на мельницу контрреволюции, усиливает политические позиции кулаков в деревне, роет пропасть между рабочим классом и середняцкими массами деревни и лишает нас опоры на бедноту.**

Приведем еще небезынтересный случай. Недалеко от Москвы имеется станция Царицыно-Дачная, где местные железнодорожники издают свою стенную газету. В этой газете, в статье «Подкулачник» мы читаем следующее:

> «На станции Царицыно-Дачная имеются кулацкие подпевалы, которые работают стрелочниками и сигналистами, которые за время советской власти окулачились и построили дома и приобретают хозяйство, имеют 2—3 коровы, но когда решение ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) издало декрет о сплошной коллективизации страны (курсив наш. *Р. В.*), тут-то наши домовладельцы заговорили, что нам эта коллективизация приносит больше вреда, а не пользу. Надо гнать таких товарищей ж. д., которые смотрят так на коллективизацию крестьянского хозяйства, как эти шкурники».

Относительно «декрета» Центрального Комитета партии о сплошной коллективизации страны упоминается также в передовой этой стенной газеты.

Товарищи железнодорожники безусловно правы в том отношении, что среди них имеются такие, которые «окулачились», что имеются домовладельцы, хозяева и хозяйчики, берущие в штыки политику партии. В этой важнейшей для партии борьбе им надо оказывать всяческую помощь.

Но то, что напечатано в стенной газете о ноябрьском пленуме ЦК, только ослабляет позиции наших товарищей в их борьбе против правого уклона и усиливает кулацкие настроения. Стенная газета извратила партийные решения.

Надо прямо сказать, что авторы такого рода статей либо не читали партийных постановлений, либо поняли их по-своему. В этих статьях отсутствует элементарная грамотность, элементарное представление о политике партии и о государственном строе Советской страны. Совершенно ясно, что нигде, никогда и никаких декретов Центральный Комитет партии не издавал

и не издает. Не подлежит сомнению и то, что установок на принудительную коллективизацию партия не только не давала, не только никому не рекомендовала такого рода антиленинской политики, но решительно боролась и борется против нее. Если отдельные ретивые теоретики наспех создают теории для оправдания целого ряда неправильных действий, подчиняя теорию неправильной практике, то практические работники для оправдания своих неправильных действий иногда попросту по-своему переписывают с соответствующими «исправлениями» партийные постановления.

Устанавливается определенное **соответствие** между антипартийной идеологией и извращениями политической линии на местах.

Эта местная «самостийная» политика и практика в полной степени соответствует отдельным неправильным теориям, выдвигаемым в центре. Те или иные «загибистые» теоретические установки встречались неоднократно в газетных заметках, на собраниях и т. д. Однако, наиболее концентрированное выражение они получили в теоретических потугах тов. Богушевского. Хотя о них уже писалось несколько раз в нашей печати, однако, его выступление заслуживает того, чтобы на нем остановить внимание читателя, так как, во-первых, оно продвигает на более «высокую ступень» то головотяпство, которое творится на местах и, во-вторых, представляет «левые» ошибки в более концентрированном виде.

Но писания тов. Богушевского и теоретическая путаница газеты «За Индустриализацию» заслуживает внимания еще и по другой причине. До сих пор (9 апреля 1930 г.) Богушевский от своих ошибок не отказался, ибо не чем иным, как отстаиванием ошибок, нельзя назвать литературные выкрутасы, которые пускает в ход тов. Богушевский и «За Индустриализацию» [1]) в ответ на то осуждение, которое эти ошибки нашли на страницах нашей партийной и советской печати.

Случайно ли это? Нет, не случайно. Имеются условия, питающие такого рода настроения. О них достаточно четко сказано тов. Сталиным в его «ответах товарищам-колхозникам». Говоря о «левых» загибах и административных увлечениях, тов. Сталин пишет: «Это особенно легко может случиться с представителями партии, стоящей у власти. Особенно такой партии, как наша партия, сила и авторитет которой почти неизмеримы. Здесь вполне возможны факты комчванства, против которого с остервенением боролся Ленин. Здесь вполне возможна вера во всемогущество декрета, резолюции, распоряжения. Здесь вполне реальна опасность превращения революционных мероприятий партии в пустое, чиновничье декретирование отдельных представителей партии в тех или иных уголках нашей необ'ятной страны».

Административный восторг на практике и возведение его в принцип в теории играет огромную роль в перегибах. К нему присоединяются еще и потребительские интересы в ряде лжеколхозов, рваческие настроения.

Некоторые из тех, которые вчера выступали героями кавалерийской коллективизации, сегодня ударяются в панику перед трудностями, перегибают палку в другую сторону: распускают колхозы там, где в этом нет надобности, разбазаривают их семена и инвентарь без всякого к тому основания.

Что же касается тов. Богушевского, то в печати уже отмечалось, что он, как и все его единомышленники, в теории и на практике перепрыгивает через определенные этапы и ступени развития нашего народного хозяйства. Вопрос об этапах его не интересует. Он скачет через них галопом, не понимая той полосы развития, в которую мы вступили, не понимая того, что представляет собой нэп в настоящее время. У него нет ни правильного представления об истории нашего развития, ни какой-либо ясной перспективы на ближайшее будущее.

---

[1]) См. «За Индустриализацию», 1930 год, №№ 56, 58, 60, 72, 74.

Тов. Богушевский, считая, что у нас имеется сплошное «социалистическое плато», стоит на позиции «гром победы, раздавайся». Он полагает, что мы имеем почти что завершенный социализм. Но откуда этот социализм взялся? Был ли он подготовлен ходом развития последних лет? Товарищ Богушевский скромно умалчивает об истории развития нашего советского хозяйства. Но в двух словах он все-таки касается этого вопроса и дает на него ответ достаточно оригинальный. Он пишет:

«В 1928 году мы подошли к решающему моменту. Обусловленный экономической политикой пролетариата рост производительных сил поднял на значительную высоту оба сектора нашего хозяйства — и социалистический и частный, из которого рос капитализм. Соревнование двух сил — социализма и капитализма — дошло до своего апогея. Лицом к лицу стали действительно мощные силы, действительно гигантские соперники. Началась упорная позиционная борьба. Соревнование вступило в этап, когда малейшая уступка со стороны социалистического сектора могла бы передать инициативу в руки противника. И это могло бы решить судьбу соревнования, могло привести к реставрации капитализма».

Итак, по Богушевскому, всего только два года назад наше народное хозяйство стояло чуть ли не на грани гибели. Малейшая уступка капитализму могла бы привести к тому, что социализм потерпел бы полное поражение, погибли бы все завоевания Октябрьской революции. К сожалению, тов. Богушевский столь быстро мчится на всех парах к социализму, что у него, повидимому, не хватает времени сказать читателю о том, что же у нас было два года назад, что было в том самом 1928 г., который мог, по его мнению, передать все преимущества частному капиталу.

Мы позволяем себе несколько подробнее остановиться на этом моменте в построениях тов. Богушевского, так как он, как в фокусе, отражает всю его теоретическую путаницу. Концепция «галопирования» через этапы нашего развития, концепция игнорирования специфических особенностей сказывается наиболее отчетливо не в тех или иных теоретических рассуждениях тов. Богушевского, а в его попытке применить свои теоретические рассуждения к конкретному материалу, в данном случае, к тому, что у нас творилось всего только два года назад.

То был действительно сложный и чрезвычайно тяжелый год, когда при первых плодах реконструкции и при растущих темпах индустриализации кулак повел экономическую борьбу против нас. Зерновая проблема стала чрезвычайно остро. Вопрос о хлебе сделался вопросом наиболее боевым и жгучим. Не было ли тогда с нашей стороны малейшей уступки? Действительность говорит, что такая «уступка» была. Для того, чтобы об этом знать, достаточно читать партийные постановления так, как они написаны, а не так, как их читают духовные друзья Богушевского, участники стенной газеты на станции Царицыно-Дачное. По постановлению пленума Центрального Комитета партии в июле 1928 г. мы пошли на повышение хлебных цен. Это была «уступка» середняку в интересах развития отсталого зернового хозяйства. На этой уступке выиграл против нашей воли и кулак, спекулируя на хлебных ценах.

Вся беда тов. Богушевского заключается в том, что он не видит движения народного хозяйства (это связано у него и с игнорированием ступеней развития). Он видит поверхность классовой борьбы, но не ее внутреннюю диалектику. Поэтому у него получается вульгаризация проблемы: «позиционная борьба» и точка. «Малейшая уступка» — и крышка, полное поражение.

Тов. Богушевский не учитывает того, что, уступив, партия одновременно произвела решительный перелом в совхозном строительстве, напрягла все усилия для форсирования темпов развития нашей промышленности и особенно тяжелой индустрии, обратила исключительное внимание на те отрасли промышленности, которые непосредственно связывают социалистический сектор с сельскохозяйственным производством и дают пролетариату возможность на основе прочной экономической базы действительно повести за собой крестьянство широким потоком по пути колхозного движения.

Следует понимать 1928 г. диалектически, а не механистически, как это делает тов. Богушевский. Партия пошла в интересах дальнейшей индустриализации на «уступку» и погнала паруса индустриализации еще более быстрым темпом. Тот период реконструкции, в который мы вступили еще в 1927 г., и то ускоряющееся движение социалистического сектора, которое происходит за последние годы, — и подготовляют в целом действительный и неоспоримый рост колхозного движения, выявившийся в период осуществления пятилетки (если обратить дутые, в порядке административных перегибов «созданные» колхозы).

По Богушевскому же, получается, что в 1928 г. мы были на грани полного крушения, и только какая-то (а какая неизвестно) счастливая случайность вдруг ни с того, ни с сего дала столь решительный перелом, что уже через два года мы находимся лицом к лицу с социализмом.

Тов. Богушевский не понимает, однако, ни того, что было в 1928 году и ни того, что было до того времени. Он берет социалистическое и частное хозяйство, не учитывая различных путей их предыдущего развития. Он рисует дело крайне упрощенно: «рост производительных сил поднял на значительную высоту оба сектора нашего хозяйства и социалистический и частный». От этих слов веет поразительным невежеством в области анализа конкретной экономики СССР.

Еще понятны неудачные теоретические упражнения тов. Богушевского, но совершенно непонятно и непростительно его «изложение» конкретных фактов. «Героем можешь не быть, а гражданином быть обязан...». Он ставит знак равенства между ростом социалистического и частного хозяйства. Неверна такая трактовка в корне. Все время до 1928 г. наше народное хозяйство развивалось так, что социалистическое хозяйство шло впереди более высокими темпами, нежели простое товарное хозяйство и хозяйство капиталистическое. Из года в год по основным экономическим показателям возрастал удельный вес социалистического хозяйства и падало в своем удельном весе частное хозяйство. Надо ли это доказывать цифрами? Достаточно обратиться к ежегодным изданиям «контрольных цифр» или читать популярные издания для школ политграмоты, для средних и низших учебных заведений, посмотреть популярные плакаты для того, чтобы знать, что «гвоздь» вопроса не в том, что просто росли две части народного хозяйства, но в том, что в этом росте одна из них обгоняла другую, оттесняя ее на второй план. Так, например, если еще в 1925—26 году удельный вес капитальных вложений в простое товарное и капиталистическое хозяйство, вместе взятые, составлял 57,5 проц., т.-е. свыше половины, то в 1927—28 году он снизился до 44,8 проц., занимая уже меньше половины. Аналогичная тенденция наблюдается и по основным фондам, по валовой и товарной продукции и т. д. Конечно, при этом происходил и абсолютный рост частного хозяйства по основным экономическим элементам, но с некоторого времени начинается и падение его абсолютных размеров; так обстоит, например, с частной торговлей и промышленностью; абсолютные размеры первой падают, начиная с 1926—1927 г., и второй — с 1927—28 года. Похоже ли это на простой рост и на «апогей» соревнования? Ничуть!

Уступка является уступкой, и повышение хлебных цен 1928 г., конечно, нанесло нам некоторый урон, который сделался еще более значительным

в связи с тем, что цены фактически возросли гораздо больше, чем мы предполагали.

Классовая борьба обострилась, но не притупилась и не кончилась, как думает тов. Богушевский. Она продолжается и продолжает обостряться еще по сей день. Но в этой борьбе позиции социализма крепнут, о чем говорит бесчисленное количество повседневных фактов.

Проскакав через годы развития, тов. Богушевский мчится дальше, отрываясь от «базиса», прямо в «надстройке».

Богушевский не видит тех огромных и действительно решающих сдвигов, которые произошли в народном хозяйстве за последнее время, тех сдвигов, которые имеют место в первую очередь в промышленности и сельскохозяйственном производстве. Он не понимает связи между базисом и «надстройкой» в процессе реконструкции.

Нельзя сказать, что тов. Богушевский не уделяет внимания вопросам производства. Наоборот, в его статье сказано по этим вопросам очень много слов, им посвящено немалое количество строк. Но центр тяжести, ключ к разрешению сдвигов, «существенно новое», как он сам выражается, он ищет не в производственных процессах, но в аппарате, в надстройке, в системе «управления» хозяйством.

В полном противоречии с Марксом и Лениным Богушевский переносит центр тяжести на «надстроечные» моменты, механически отрывая их от производственной базы. Он пишет:

> «Переделывается вся «надстройка». Никогда еще так интенсивно не происходила переделка «надстройки», как именно сейчас. Это явное знамение времени. Это существенно новое, чем очень резко характеризуется новый этап переходного периода» (курсив автора).

А затем следует перечень аппаратов не только реорганизованных, но и подлежащих реорганизации.

Отрывать реконструкцию аппарата от реконструкции производства, сводить реконструкцию народного хозяйства к реконструкции аппарата и только в этом видеть «существенно новое» нового этапа — это немножко похоже на подмену обобществления и механизации сельскохозяйственного производства реорганизацией колхозной системы, а реконструкцию промышленности — реорганизацией ВСНХ.

Смешно было бы преуменьшать огромное значение построения аппарата для социалистического строительства и движения вперед, но основой основ остается «все-таки» реконструкция производства и связанных с ним экономических отношений. Нельзя при этом именно в условиях диктатуры пролетариата механистически отделять «аппарат» от хозяйственного развития, как раз потому, что у нас аппарат не только администрирует, но воздействует решающим образом на экономические процессы страны.

Богушевский не понимает, что реорганизация ВСНХ, Наркомзема, Наркомторга и т. д. не является самостоятельным фактором. При огромном значении организационных моментов, которые в отличие от капиталистического строя играют у нас исключительно «большую роль, следует все же сказать, что они не играют самостоятельной роли. Мы пришли к реорганизации управления (при чем к такой реорганизации, которая далеко еще не соответствует построенному и завершенному социалистическому обществу, а только некоторым более высоким ступеням переходного периода) именно потому, что благодаря упорной и последовательной политике партии, преодолевая огромные затруднения, удалось поднять народное хозяйство и, в первую очередь, его производственную базу на столь высокую ступень, какой у нас еще не было до сих пор. Благодаря огромным успехам и в области промышленного производства и в области обобществления сельского хозяйства мы не только можем, но и должны строить весь аппарат управления таким образом, чтобы он помогал дальнейшему развитию наших новых возможностей. Наиболее правильная организация аппарата должна в наших условиях способствовать ускорению темпов нашего развития.

Революционизирующая и ведущая роль наших производственных отношений не подлежит никакому сомнению. Достаточно «посравнить да посмотреть» экономическую и классовую структуру нашего общества с экономической и классовой структурой капиталистических стран, достаточно сопоставить роль плановой системы у нас хотя бы с гуверовским «планированием» перед лицом американского кризиса, чтобы понять, что мы стоим на недосягаемой для капитализма высоте. Наши производственные отношения и обуславливают темпы развития наших производительных сил и именно благодаря им последние идут такими шагами, которые оставляют позади себя всякие сверхамериканские темпы в капиталистических условиях. Но все это не означает, однако, будто с развитием производительных сил вовсе не надо считаться. Оно кладет определенные пределы нашему развитию, игнорирование которых жестоко мстит за себя. Партия вела и ведет упорную борьбу против всякого рода Громанов, Кондратьевых и Базаровых, которые хотят уложить наши производственные отношения в пределы унаследованных от царского режима производительных сил. Равным образом следует разоблачить и развенчать всякие теории о том, будто наши производственные отношения и развитие социалистических форм обязаны рабски следовать за состоянием производительных сил. Активность и революционная действительность наших социалистических форм по отношению к производительным силам, их «забегание вперед», способствующее ускорению развития производительных сил, является одним из крупнейших преимуществ всей нашей системы. Но это «забегание», совершенно правильное с точки зрения наших классовых задач, революционно-целесообразное и об'ективно-возможное, должно организовывать и вести за собою массы в процессе социалистического строительства. На каждом этапе надо соблюдать тот диалектический ленинский оптимум, который, позволяя партии двигаться «со всей массой», дает ей возможность действительно итти революционными шагами, революционными темпами.

Выступая в колхозном движении за добровольность, мы должны вместе с тем бороться против всяких теорий «самотека», как правооппортунистических, явно-капитулянтских. Сегодня коллективизация может и должна охватить значительно большую площадь, нежели та, которая может быть обработана наличным в стране количеством тракторов. Однако, сегодня размеры и качество коллективизации одни, а когда у нас будет тракторов в 5 или 10 раз больше, коллективизация будет выглядеть по-иному. Дело не в тракторах только, но в производительных силах страны. Мы ведем решительную борьбу против тех, которые не видят возможностей нашего революционного воздействия на производительные силы. Воздействие это имеет в наших условиях невиданные по своему размаху и значению возможности, но все же возможности не безграничные и уже во всяком случае не «головокружительные», как думает тов. Богушевский.

Как бы в дополнение, в философии Богушевского выдвигаются новые теории денег, в силу которых у нас уже имеются не деньги, а расчетные знаки. Люди хотят перепрыгнуть через самих себя, вместо того, чтобы изучать трансформацию денежного обращения.

С такой же легкостью, с какой месяца два тому назад т. Богушевский ликвидировал нэп, а «За Индустриализацию» разрешала н проблему «кто-кого», он и теперь впадает в панику. С таким же непонятным головокружением, с каким 1928 год мановением его собственного литературного пера превратился из года гибели советской системы в год социалистического триумфа, тов. Богушевский «ведет» теперь колхозное движение в отступлении. «За Индустриализацию» выступила с новым путаным н дезориентирующим читателей лозунгом «оперативная пауза», якобы об'ясняющнм ту борьбу с перегибами, которую ведет партия в настоящее время.

По человечеству, мы понимаем т. Богушевского. Он не хочет н не в состоянии сказать, что он ошибался в вопросе о том, будто у нас имеется «сплошное социалистическое плато», что «З. И.» смазывает классовую борьбу, утверждая, что задача «кто-кого», поставленная Лениным, уже разрешена н что вся его (Богушевского) теория идет по линии той головотяпской практики, которая встречается во многих местах. Нужды нет в том, что статьи «З. И.» почти ие доходят до усердных не по разуму администраторов в деревне. Важно то, что и вне конкретной организационной связи с колхозами богушевщина политически оформляет «левое» самодурство на местах.

Вместо того, чтобы все это осознать и прямо об этом сказать, вместо того, чтобы ясно и без обиняков довести до своих читателей установки партии в борьбе с перегибами, т. Богушевский извращает эти установки под углом зрения «оперативной паузы».

В чем смысл паузы?

В передовой № 72 «З. И.» раз'ясняет этот смысл:

> «Оперативная пауза — так на языке военной науки называется тот временный перерыв в быстром н победоносном наступлении, когда, уйдя в иаступлении далеко вперед, части останавливаются, чтобы закрепиться, подтянуть н организовать тыл, укрепить исходные позиции, с которых начиется дальнейшее продвижение».

В процессе коллективизации партия не устраивает ни «остановок», ни перерывов, она только останавливает н одергивает тех работников, которые «наголовотяпили» и переадминистрировали. Но здесь никакого движения вперед не было. Если, по Богушевскому, горе-администрирование означает итти вперед в колхозном движении, то у нас действительно имеется «пауза» и отступление.

На чем «части останавливаются»?

На эфемерных ли завоеваниях? На «раскулаченных середняках», на потребительских коммунах, не имеющих под собою производственной базы? На такого рода «завоеваниях» партия не задерживается н не закрепляется. Их она ликвидирует решительно и безоговорочно.

В этом пункте мы ни от каких завоеваний ие отступаем по той причине, что здесь никаких завоеваний ие имеется.

Что же касается тех действительных, не дутых, но реальных успехов, которые мы имеем в этом году в колхозном движении, то от них партия не отступает, но она закрепляется на них, продолжая в то же время дальнейшее продвижение вперед. И здесь никакой «паузы» — ни оперативной, нн иной какой — не имеется

Только для тех, для которых борьба с головотяпством и с огромнейшим количеством благоглупостей, сделанных на местах, является отходом от действительно завоеванных позиций, только для них последние решения ЦК партии и статья тов. Сталина могут рисоваться в виде «оперативной паузы».

В статье т. Сталина «Головокружение от успехов» мы читаем:

> «Нельзя сказать, чтобы все опасные н вредные для дела настроения имели сколько-инбудь широкое распространение в рядах нашей партии. Но они, эти настроения, все же имеются в нашей партии, при чем нет оснований утверждать, что они не будут усиливаться. И если они, эти настроения, получат у нас права гражданства, то можно не сомневаться, что дело колхозного движения будет значительно ослаблено н опасность срыва этого движения может стать реальностью».

Тов. Сталин считает, что только в том случае, если «головокружительные» настроения «получат у нас права гражданства», то «может стать реальностью» «опасность срыва этого (колхозного) движения».

«З. И.» считает, повидимому, свои собственные настроения господствующими и превращает в действительность то, что по Сталину только «может стать реальностью». Газета без всяких разговоров об'являет всю коллективизацию под угрозой гибели. «За Индустриализацию» вместе с т. Богушевским прочно засели в болото «оперативной паузы». Поэтому «За Индустриализацию» об'являет в передовой от 4-го апреля с. г., что «коллективизация находится в опасности». (Курсив газеты. *Р. В.*). Какая коллективизация? Головотяпская — да. Но настоящая, здоровая, по-большевистски руководимая коллективизация не находится в опасности. Сперва — «шапками закидаем» законы экономики н вмиг построим социализм, а затем — поворот на 180 градусов н паникерство, — вот образчик мелкобуржуазных колебаний. «Теоретики» и «практики» головокружения и паники идут рука об руку.

Каковы бы ни были хорошие суб'ективные намерения т. Богушевского, его литературные выступления представляют собою оформление административного восторга, обстрел партийного курса в крестьянском вопросе с троцкистских позиций. История повторяется.

Троцкизм, который старается быть «левее» всех левых и базируется на мелкобуржуазной крикливой фразе, всегда и неизменно оказывается в правооппортунистическом болоте. По существу неотроцкизм наших дней, об'являющий устами Богушевского класовую борьбу ликвидированной, только подкрепляет правый уклон. Но Богушевский не только по существу, но и по форме, в довольно недвусмысленных выражениях становится на защиту правых. В то время как партия считает, что правые целиком и полностью по всем пунктам своих выступлений ошиблись, в то время как правые после ноябрьского пленума сами официально признали свои ошибки, — Богушевский, напротив, считает, что правые, в отличие от партии, кое в чем правильно ставили вопрос. Он пишет:

> «Они (правые) ие правы были, говоря о возврате к военному коммунизму, или об отмене нэпа. Но они не ошиблись в том, что мы подошли вплотную к новому этапу нэпа, к началу конца нэпа»[1].

По Богушевскому, выходит, что правые элементы партии, являющиеся рупором кулаков, действительно сказали новое слово, под которым партия должна якобы подписаться. Никаких правильных лозунгов правые не давали, но повторяли избитые обывательские и кулацкие рассуждения о политике партии. Богушевский же требует, чтобы партия признала правильным выступления правых. Круг завершается.

* * *

Мы ие берем на себя смелости, по примеру т. Богушевского, создавать новые теории.

Не претендуя на открытие каких-либо «америк», мы хотим, в заключение, отметить только некоторые моменты, которые, на наш взгляд, должны быть учтены в связи с новым этапом:

1. Темпы развития социалистического сектора увеличиваются. Ведущая роль промышленности усилилась. Раскрываются огромные потен-

[1]) См. «За Индустриализацию» от 11 февраля с. г.

циальные возможности в социалистическом секторе, которые еще далеко не полностью проявили себя.

2. Социалистическое соревнование, непрерывное производство, ударничество превратились в массовое явление. Это движение имеет еще колоссальные неиспользованные ресурсы.

3. Резко возросла роль плана в народно-хозяйственном и культурном строительстве.

4. Проблема «догнать и перегнать» капиталистические страны поставлена на реальную почву, переводится на боевые рельсы, но разрешение этой проблемы находится еще в зачаточном состоянии.

5. Рост совхозов и колхозов отошел далеко от тех убогих темпов, которыми характеризовался т. н. восстановительный период. Каковы бы ни были трудности, которые еще стоят впереди (а очи достаточно велики), можно считать прочно завоеванными новые темпы роста совхозов, как крупных сельскохозяйственных государственных фабрик и колхозов как массовых организаций бедняков, батраков и середняков для социалистического труда, для социально-технической реконструкции земледелия. Но внутри колхозов предстоит еще гигантская работа по социальной переделке вчерашних индивидуальных товаропроизводителей в настоящих коммунаров. Внутри колхозов еще имеются социальные противоречия. Огромной работы требует еще внутри колхозов и техническая реконструкция.

В теснейшей органической связи с высокими темпами индустриализации, сплошная коллективизация накладывает особый отпечаток на тот период, в который мы вступили.

6. Начинают сокращаться, а местами ликвидируются, об'ективные экономические предпосылки для капиталистической эксплоатации в деревне. Об'ект эксплоатации—батраки, бедняки, маломощная часть середняков — с развитием коллективизации исключается из индивидуального сектора и становится для кулака экономически недосягаемым. Земля, которую беднота местами сдавала в аренду кулаку, включается в колхоз. Кулацкие средства производства не могут больше служить для эксплоатации бедноты. Наемный труд в деревне уходит от кулака в колхоз, в совхоз, в городскую индустрию. Но было бы жесточайшей ошибкой и величайшим политическим заблуждением рассматривать дело таким образом, будто процесс лишения деревенского капитализма его об'ективных условий существования и производственных возможностей уже завершился. Мы говорим только о процессе, который развертывается по мере роста совхозного и колхозного строительства в деревне. Сегодня еще остаются об'екты эксплоатации в деревне, сегодня в деревне еще есть и батрак, и бедняк, и кулак. Сегодня далеко не повсеместно даже колхозники свободны от игры частно-собственнических тенденций. Сегодня огромные толщи середняков занимают виднейшее место в деревне. Вопросы ограничения, вытеснения и, наконец, ликвидации кулака как класса решаются не административными мероприятиями (хотя от административных мер мы, вообще говоря, не отказываемся ни в городе, ни в деревне там, где они действительно целесообразны с точки зрения задач пролетариата), но экономическими условиями, успехами строительства социализма и, в частности, размерами, формой и содержанием колхозного движения.

7. Классовая борьба и в городе, и в деревне не ослабляется, но, наоборот, все больше и больше обостряется. Обострение происходит в условиях нашего наступления, в условиях вытеснения и ликвидации кулака как класса, но все же оно усиливается и требует от нас активных действий, ряда маневров и бдительного внимания. Вместе с тем лозунг ликвидации кулачества как класса остается основным и главным.

8. Вопрос об индивидуальном хозяйстве не снимается. Большинство крестьянства остается еще в пределах индивидуального хозяйства. Вопрос об индивидуальном хозяйстве только ставится по-иному, по-новому. Пролетариат оказывает помощь бедняцко-середняцкому хозяйству, усиливая при этом свое руководство, укрепляя производственную смычку, создавая дальнейшие предпосылки для осуществления через ряд промежуточных ступеней социально-технической реконструкции сельского хозяйства. И в самом колхозном движении центральной и решающей делается не высшая ступень — коммуна, но переходная — артель. Начинается сокращение абсолютного количества индивидуальных крестьянских дворов в связи с переходом огромных масс в колхозы, но и при этом проблемы индивидуального крестьянского хозяйства не снимаются с порядка дня.

9. Усиливается руководящая роль партии и в городе и в деревне. Рабочий класс теснее смыкается со своей партией, вливая в нее целые производственные предприятия.

10. Аппарат управления государством реорганизуется на началах укрепления и расширения планово-хозяйственных функций. Это — результат тех реконструктивных сдвигов в области экономики и техники, которые произошли в стране. Это не просто «осознанная необходимость», но такая перестройка аппарата, которая должна «антиципировать», предвосхитить и помочь дальнейшему форсированию процессов реконструкции экономики и техники.

11. Усиливается контроль рабочих масс над госаппаратом. Шефство рабочих над госучреждениями имеет огромное значение. Начинается, но еще очень мало развит, процесс втягивания в госаппарат рабочих, остающихся на производстве. Появляются первые побеги коммунистического сращивания аппарата производства с аппаратом управления.

12. Начинается изживание противоречий между городом и деревней.

Все перечисленные условия следует брать по совокупности, а не врозь, на «загибистый» вкус. Условия эти разнообразны и противоречивы, но — противоречива действительность. Необходимо с ней считаться. Противоречия надо преодолеть в процессе упорного и неустанного социалистического строительства, а не закрывать на них глаза, об'являя их несуществующими. Когда социалистическому поезду надо прокладывать дорогу через горы, роют туннели, преодолевают огромные препятствия, а не декретируют «плато». Это элементарно, но об этом забывают правые, которые остаются главной опасностью внутри партии. Об этом они забывают, об'являя кулака несуществующим. В этом им помогают опьяненные успехами «левые», которым грезится легкое житье на фоне уже завершенной классовой борьбы. «Левые» превращаются в конечном счете в особую разновидность правых.

Мы продвигаемся к социализму в огромных и чрезвычайно сложных противоречиях. Победа впереди обеспечена за нами, но из этого бесспорного положения вовсе не следует, будто теперь, на данном этапе нам остается только подсчитывать трофеи после боев. Боев еще много впереди и поэтому крайне опасно отвлекать от них внимание партии, усыпляя бдительность партии там и тогда, где и когда от нее требуются активные действия. А этим как раз и грешит «головокружительная» идеология, без преодоления которой не может быть преодолена и открыто-кулацкая правая идеология.

В. Богушевский.

Нэп, какого не было, и такой же „новый этап“.

«Новыми, вернее, подновленными формами правооппортунистических шатаний являются замаскированные попытки ревизии основных лозунгов партии о коллективизации и ликвидации кулачества как класса, тенденции к сворачиванию борьбы против кулака и работы по организации бедноты, попытки возродить теорию самотечного развития сельского хозяйства, смазывание специфически кулацкой, по преимуществу, социальной базы правого уклона.

Основной и характерной чертой «левого» уклона является недооценка середняка, потакание антисередняцким тенденциям части бедноты.

Более чем когда-либо левоуклонистская недооценка середняка льет воду на мельницу правого оппортунизма».

П р а в д а, № 96 (передовая «От XV с'езда к XVI»).

«Мы выдвинули лозунг ликвидации кулачества как класса, как главный лозунг нашей практической работы в деревне в данный момент. Отступаем ли мы от этого дела? Конечно, нет!».

И. С т а л и н «Ответ товарищам колхозникам».

Обсуждение проблемы нового этапа является в настоящий момент не только важной, но крайне ответственной задачей. Острота этой проблемы потому так велика, что ее никак нельзя оторвать от тех процессов, которые протекают сейчас в деревне. Ведь ясно, что проблема нового этапа теснейшим образом связана с тем, что вслед за беднотой и среднее крестьянство массой устремилось в колхозы, что колхозное движение приобрело мощный размах и на очередь стала задача сплошной коллективизации. Но, с другой стороны, именно этот решительный поворот деревни к социализму, именно эти быстрые успехи в области колхозного движения создали почву,—«успехи иногда кружат голову» (Сталин),— на которой могли произрасти «левые» загибы, об'ективно имеющие явно антисередняцкий, троцкистский характер и представляющие собою забегание вперед, перескакивание через непройденные еще ступени, недоучет силы сопротивления классового врага. Так, обсуждение проблемы нового этапа крепкими нитями увязывается с острой практикой и политикой сегодняшнего дня, хотя, конечно, новый этап, не есть кратковременный период от одной до другой посевной кампании, скажем, а есть тот период, который должен завершить возведение фундамента социалистической экономики. Нужна особая осторожность, чтобы не порождать заблуждений, которые в таких условиях легко могут возникнуть даже из неудачного выражения, не говоря уже о неверной установке, и не питать, тем самым, загибов идеологической пищей.

Такую пищу могла дать — и, значит, является вредной ошибкой, об'ективно играющей наруку «лево»-оппортунистической идеологии и прак-

тике,— постановка мною вопроса «кто-кого?» [1]); такое значение приобрел и употребленный мною для изображения картины разрастания социалистических командных высот образ—«сплошное социалистическое плато» [2]).

Не следует забывать и того, что и помимо извращений в области колхозного движения, отнюдь еще не выкорчеваны троцкистские с в е р х и н д у с т р и а л и з а т о р с к и е тенденции, не осознанные подчас, что они периодически дают о себе знать и не всегда получают должный отпор. И в этом отношении обсуждение проблемы нового этапа должно быть подковано как следует быть, чтобы не стать ареной протаскивания таких сверхиндустриализаторских тенденций.

Еще более опасно, конечно, правооппортунистическое истолкование нового этапа, стремящееся в извращенном виде представить политику партии, замазать новое в этой политике, старающееся тянуть назад.

В своем «Ответе товарищам колхозникам» тов. Сталин указал на то, что «ошибки «левых» загибщиков в области колхозного движения являются такими ошибками, которые создают благоприятную обстановку для усиления и укрепления правого уклона в партии», не борясь с ними нельзя победить правой — главной — опасности.

Ошибки «левых» загибщиков в колхозном движении приводят к тому, что поднимает голову правый уклон, правый оппортунизм, который, конечно, попрежнему остается главной опасностью у нас. Это усиление правого оппортунизма мы наблюдаем в практической работе («часть «леваков», вчера еще «проводившая» ура-наступление... сегодня впадает в пассивность, опускает руки и благополучно уступает поле борьбы правым уклонистам»), а также и «в идеологии» (и тут левые заскоки в свою очередь играют роль, оживляя эту правую идеологию и сами перерастая в нее).

На вопрос, в ч е м к о р е н ь ошибок в крестьянском вопросе, т. Сталин отвечает, что он, этот корень, лежит «в неправильном подходе к середняку», «в допущении насилия в области хозяйственных отношений с середняком», «в забвении того, что основой колхозного движения в данный момент является союз рабочего класса и бедноты с середняком против капитализма вообще, против кулачества в особенности». М ы и м е е м д е л о с а н т и с е р е д н я ц к и м и з а г и б а м и. И тот размах, который эти загибы приобрели сейчас, лишний раз доказывает, как права была партия, постоянно подчеркивая необходимость борьбы н а д в а ф р о н т а, никогда не забывая предостерегать против «левой» опасности. Этот размах говорит о том, что сейчас, несмотря на то, что правая опасность остается основной, необходимо решительно усилить борьбу с левыми загибами, забеганием вперед и т. д.

Партия все время хранила завет Ленина о правильных взаимоотношениях с основными массами крестьянства, отвергая троцкистскую антисередняцкую политику так же, как и правооппортунистическую; в результате мы имеем сейчас решительный поворот деревни к социализму. Массовая коллективизация была поставлена, однако, под удар «левыми» загибами, но «наш ЦК потому и называется Центральным Комитетом ленинской партии, что он умеет преодолевать и не такие трудности», а «наша партия потому и назы-

---

[1]) Передовая в газете «За индустриализацию» от 21 января. Суб'ективно эта постановка возникла из первых же известий о биржевом крахе в САСШ, которому в согласии со всей партией я придал исключительное значение (чему свидетельством — соответствующее освещение этого вопроса в газете «За Индустриализацию»), как началу мирового кризиса, который, конечно, сильно обострит соревнование капитализма и социализма, борьбу за решение вопроса «кто-кого?» на м е ж д у н а р о д н о й арене. Об'ективно же эта постановка явилась отражением «головокружительного» представления о темпах коллективизации.

[2]) Статья «О новом этапе» в газ. «За индустриализацию» от 9 и 11 февраля. Необходимо отметить, что никакого отклика во всем остальном тексте статьи, никакой смысловой связи с ним это «социалистическое плато» не имеет.

вается партией Ленина, что она обладает достаточной гибкостью для преодоления таких трудностей и она преодолела в основном эти трудности» (И. Сталин). Партия дала сейчас резкий отпор попыткам нарушить эти правильные взаимоотношения. Под этим ударом неослабно надо держать загибщиков, пока не будут *вполне осознаны и до конца исправлены* искажения и ошибки. Не должно быть ни малейшего примиренчества к антисередняцким загибам, ибо тут лежит опасность дискредитации линии партии и срыва колхозного движения. Но само собой разумеется, должны получить решительный отпор те, кто борьбу против антисередняцких загибов толкует, как отступление партии, как отказ от наступления на капитализм в стране.

Несомненным проявлением этой правой идеологии, одновременно питающей, как увидим, и левые загибы, является опубликованная в № 5 журнала «Большевик» статья тов. Розенталя «На новом этапе».

* * *

Говорить о новом этапе нельзя, разумеется, не имея ясного представления о нэпе, о смысле этой политики пролетариата в переходный от капитализма к социализму период, о ее содержании, о характернейших присущих ей, присущих нэпу чертах. При этом следует, понятно, исходить из действительно ленинского понимания нэпа, из того понимания, относительно которого в партии нет сейчас решительно никаких сомнений, из понимания, которое достаточно уточнено в процессе борьбы партии как с троцкизмом, так и с правым уклоном и достаточно, как будто, популярно. Тов. Розенталь пошел другим путем. Взяв на себя задачу определить содержание нового этапа, он решился создать *собственную концепцию нэпа* и истолковать новый этап, исходя из этой концепции. Этим, кстати сказать, и об'ясняется то, что целых 15 страниц из 25 посвящены у тов. Розенталя анализу нэпа и только на 17-й странице появляется нечто «*новое* в нашей экономической политике», появляется «перелом». Ясно, что это не спроста.

Однако, при ближайшем рассмотрении концепции нэпа, предлагаемой тов. Розенталем, она оказывается в сущности совсем не его собственной: это обыкновенное *правооппортунистическое толкование нэпа*. В этом отношении характерен даже самый способ фабрикации ревизионистской концепции: склеивание ее из ловко нарезанных цитат из революционного учения. У всех в памяти «Политическое завещание Ленина», скроенное таким образом тов. Бухариным, скроенное из ленинских цитат и тем не менее ничуть не похожее на истинное политическое завещание учителя. Как верный ученик тов. Бухарина, К. Розенталь строит свое «теоретическое» здание, свою концепцию нэпа почти исключительно — на девять десятых — из ленинских цитат, которые соединяются подчас всего лишь несколькими авторскими словами. Но, как и в «случае» с политическим завещанием Ленина, здесь путем специального подбора цитат, «обработки», соответствующей «расстановки», а то и прямого *извращения* мыслей Ленина создается совершенно оппортунистическая концепция переходного периода.

Характеризуя эту концепцию, нужно, прежде всего, констатировать, что *нэп в ней представляется исключительно как отступление*, а именно, только как переход «от непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве (эпохи военного коммунизма. *В. Б.*) к ряду опосредствующих звеньев и переходных мер» (стр. 73), которые и заполняют собою весь нэп и задача которых — не социалистическое строительство, а лишь «*создание условий, при которых был бы возможен переход* от опосредствующих звеньев

в деле социалистического строительства к непосредственному социалистическому строительству» (стр. 71. Курсив мой. *В. Б.*). Нэп оказался необходимым в силу характера нашей страны с преобладающим крестьянским населением мелкотоварным крестьянским производством. Нэп есть только метод приспособления к хозяйству крестьянина. Нэп — это свободный рынок, в этом *вся суть* нэпа, по Розенталю. «Опосредствующие звенья» (нэп) и — непосредственное строительство социализма, нэп и — не-нэп. Нэп есть переход к «опосредствованному» строительству, к созданию условий при которых возможным станет социалистическое строительство; там, где начинается непосредственное строительство социализма, там уже — не нэп. Так, чисто метафизически целиком отрывая переходные меры, посредствующие звенья и пр. от «непосредственного строительства социализма», т. Розенталь превращает нэп в сплошное отступление [1]).

Надо ли удивляться после этого тому, что у тов. Розенталя в его «теории нэпа» ничего совершенно не говорится, например, о *командных высотах*, которые пролетариат сохранил в своих руках для того, чтобы обеспечить себе возможность «направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма», и «обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм» [2]).

Не приходится поражаться и тому, что в концепции нэпа, предлагаемой тов. Розенталем, совершенно *выпал кооперативный план Ленина* (!!), вернее уложен в одну единственную фразу, запрятанную в скобки, *и абсолютно исчезли из нэпа производственные формы смычки, производственная смычка между городом и деревней*. Невероятно, но факт: один единственный раз *вскользь* упоминаемые производственные формы смычки (на стр. 83) выведены Розенталем «за ворота» нэпа и никак не участвуют в его характеристике. Производственные формы смычки это то «новое в экономической политике», что, по Розенталю, «*не укладывается в рамки нэпа*». Оно и понятно: нэп, ведь,— только отступление. Нэп у тов. Розенталя есть только свобода торговли, только приспособление к условиям крестьянского хозяйства в форме этой свободы торговли, только свобода развития капитализма— и ничего больше [3]).

> «Когда мы вводили нэп в 1921 г., мы направляли тогда его острие против военного коммунизма, против такого режима и порядков, которые исключают *какую бы то ни было* свободу торговли. Мы считали и считаем, что нэп означает *известную* свободу торговли. Эту сторону дела тов. Бухарин запомнил. И это очень хорошо. Но тов. Бухарин ошибается, полагая, что эта сторона дела исчерпывает нэп. Тов. Бухарин забывает, что нэп имеет еще другую сторону. Дело в том, что нэп вовсе не означает *полной* свободы торговли, *свободной* игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в *известных* пределах, в *известных* рамках *при обеспечении регулирующей роли государства на рынке*. В этом, именно, и состоит вторая сторона нэпа. Причем эта сторона нэпа не менее, если не более важна, чем первая его сторона».

Эти слова тов. Сталина из речи на апрельском (1929 год) пленуме ЦК целиком и полностью должны быть адресованы тов. Розенталю. Это сказано прямо как будто о нем.

---

[1]) Тут следует специально подчеркнуть, что в этом пункте правооппортунистическая концепция смыкается с троцкизмом, с его отрицанием строительства социализма в одной стране и с представлением о нэпе, как о поражении.

[2]) Ленин, соч., т. XVIII, ч. I, стр. 200.

[3]) Мудрено ли, что переходя к вопросу о новом этапе, тов. Розенталь говорит о «новом» в экономической политике, *не укладывающемся в нэп*: в «нэп — отступление» никак, конечно, не уложишь наступления. Непонятно только, как две разных политики уживаются в советском хозяйстве. Но об этом ниже.

Вспомним, что свою статью «Год великого перелома» т. Сталин *начинает* с цитаты из Ленина, в которой говорится, что мы, вводя нэп, отступили «только под одним этим условием», чтобы «разбежаться и сильней прыгнуть вперед», чтобы «после отступления начать упорнейшее наступление». *Вот та концепция нэпа, из которой исходит т. Сталин*, говоря о «годе великого перелома». У Розенталя же, который, вообще говоря по меньшей мере «не скупится» на цитаты, именно *эти* указания Ленина почему-то оказались обойденными. Когда же, наконец, т. Розенталь подводит итоги своим пространным рассуждениям о сущности нэпа и дает (на стр. 73—74) «*формулу нэпа*»— в ней не оказывается ни одного слова о нэпе, как политике наступления. Отнюдь не случайно, конечно, и целиком соответствует представлению тов. Розенталя о нэпе, как только отступлении, то, что новый этап он называет переходом «*от осады к новому штурму*» (впрочем штурма то у Розенталя никакого нет — одна «левая» фраза: правооппортунистическая установка явно довлеет над ним).

Вот та концепция нэпа, из которой исходит тов. Розенталь.

При этом он имеет еще смелость с менторским видом опорочить оптом *все* (!!) «высказывания и рассуждения» о новом этапе (до его статьи имевшие место), заявляя, что они берут новый этап «*в не* исторической перспективы». Розенталь, видно, думает, что для того, чтобы «рассматривать новый этап в исторической перспективе», обязательно надо дать *ревизию* ленинского понимания сущности нэпа, дать «свою» концепцию нэпа. И Розенталь не понимает того, что *именно указание на двойственную природу нэпа сразу же ставит обсуждение нового этапа в историческую перспективу, а отсутствие этого указания решительно отрезает путь к историческому пониманию нового этапа*, хотя бы даже не с военного коммунизма, а с самого Адама начиналось изложение вопроса [1]).

Легко понять, что из розенталевой концепции нэпа никак не вытекает строительство социализма. Розенталь фактически закрывает всякий путь для понимания победоносного социалистического строительства и наступления на базе нэпа. Промышленность, являющаяся при нэпе могучим рычагом социалистического переустройства всего народного хозяйства, оказывается у Розенталя совершенно оторванной от всей системы нэпа и — это чрезвычайно характерно — ее рост рассматривается, как непосредственное социалистическое строительство *в противовес всему остальному хозяйственному строительству в период нэпа.* При этом все народное хозяйство, пребывающее в «старом общественно-экономическом укладе» так и должно в нем прозябать *вплоть до тех пор, пока* не будет, наконец, создана «цветущая крупная промышленность», ибо до этих пор всякое социалистическое строительство (помимо развития промышленности) — просто мираж и вредная затея. (Розенталь, конечно, прекрасно понимает полную относительность такого «абсолютного» понятия, как «цветущая крупная промышленность», но не раз'ясняет, что он под этим именем разумеет и когда это наступит. Не тогда ли, когда мы догоним и перегоним передовые капиталистические страны?).

---

[1]) Тов. Розенталь имеет в виду при этом, очевидно, прежде всего меня. Я, действительно, не стал в своей газетной статье давать концепции нэпа и ограничился указанием на основную *установку* нэпа, как политики социалистического строительства (т.-е. наступления), приведя соответствующую цитату из Ленина и указав на диктатуру пролетариата и на командные экономические высоты, как ив предпосылку решения этой задачи. И не вижу в этом вины.

> «Создать цветущую, могущественную крупную социалистическую промышленность, способную разрешить коренные задачи социалистического строительства (формулирует т. Розенталь свое последнее обобщение о нэпе), *а до этого времени* (!!) (подчеркнуто автором. *(Б. В.)*— не ставя своей целью утопическую и вредную для дела социализма идею непосредственного социалистического строительства,— оживлять старый общественно-экономический уклад, торговлю, мелкое предпринимательство, овладевая им в меру оживления, *используя все и всяческие возможности для скорейшего создания крупной социалистической промышленности — вот тот* величайший «маневр», который мы начали проводить, перейдя к новой экономической политике» (стр. 74).

Ленин говорил:

> «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие». (Соч, т. XVIII, ч. I, стр 293).
>
> «Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная промышленность». (Соч, т. XVIII, ч. I, стр. 240).

Можно ли оспаривать эти положения? Конечно, нет. Но выводы *партии* из этого положения Ленина далеки от *розенталевых*. Ведь, по Розенталю выходит, что нельзя даже приступать к социалистической перестройке сельского хозяйства *до тех пор пока* не будет завершено построение цветущей крупной промышленности (это была бы «вреднейшая утопия и народническое фантазерство»—ср. стр. 67), *до тех пор пока* промышленность «не подведет деревню к *полному* переводу на обобществленное *машинное* производство». Дайте нам построить цветущую промышленность — и тогда сельское хозяйство преобразуется само собой. *Разве не к этому «новому» изданию теории самотека тянут выводы тов. Розенталя?*

Схоластически оторвав строительство промышленности от социалистической переделки сельского хозяйства, Розенталь не видит, что в ленинской концепции нэпа необходимость «считаться с мелким крестьянином, как с мелким крестьянином» отнюдь не исключает социалистического наступления. Поэтому у него совершенно либеральное представление о формах смычки при нэпе. Пункт 4-й его «формулы нэпа» прямо заявляет:

> «Допустить свободную торговлю, поскольку торговля есть единственная возможность экономической связи между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, *если* нет налицо цветущей крупной промышленности и *до тех пор пока* такая промышленность создана не будет».

Как мы видим ни о каком ограничении свободы торговли не говорится, ни о каких новых формах производственной смычки — тоже. Ни о чем таком нельзя и мечтать или заикаться, пока не будет «цветущей промышленности».

Но самый поучительный—пункт 6. По этому пункту видать, куда гнет тов. Розенталь, ради чего он хлопочет:

> «Допустить известный рост кулачества в деревне, как неизбежный продукт мелкого товарного производства и свободы торговли до тех пор *пока крупная социалистическая промышленность* не даст деревне в массовом масштабе трактора, машины и электрическую энергию, не подведет деревню к полному переводу на обобществленное машинное производство и, тем самым, «десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты».

Это положение, конечно, прекрасно гармонирует со всей концепцией тов. Розенталя, и вся его концепция — с этим положением. Не будем останавливаться на всех деталях этого «содержательного» пункта, сделаем только два замечания.

Первое, что бросается тут в глаза, это довольно таки точное на сей раз определение того, что надлежит, по Розенталю, разуметь под «цветущей крупной промышленностью» и, следовательно,— с какого места возможно

приступать к социалистическому строительству. Рост кулачества должен быть, по мнению т. Розенталя, допущен до тех пор, пока наша промышленность не даст деревне в массовом масштабе трактора и электрическую энергию, пока, значит, деревня не будет электрифицирована, пока, очевидно, не будет закончен и не даст массовой продукции, по крайней мере, один тракторный завод. И дальше: пока наша промышленность «не подведет деревню к полному переводу на обобществленное машинное производство».

Нужно ли доказывать, что это по меньшей мере слишком уж суровые, слишком уже жесткие условия социалистической переделки деревни. Совершенно иначе ставит этот вопрос партия. В известном постановлении ЦК партии о темпе коллективизации («Правда», от 6/I—30 г.) пункт 4-й гласит:

«Поскольку решение задачи сплошной замены конного инвентаря инвентарем машинной тяги не может быть выполнено в краткий срок и потребует ряда лет, ЦК ВКП(б) требует, чтобы был дан решительный отпор тенденциям недооценки роли конной тяги на данной стадии колхозного движения».

А в последнем пункте постановления читаем:

«ЦК ВКП(б) подчеркивает необходимость решительной борьбы со всякими попытками сдерживать развитие коллективного движения из-за недостатка тракторов и сложных машин».

Не ясно ли, что т. Розенталь ревизует линию партии?

Не менее явно расходится установка тов. Розенталя и с тем, что говорил т. Сталин на конференции аграрников-марксистов:

«Я говорю не только о колхозах развитых, имеющих машинно-тракторную базу, но и о колхозах первичных, представляющих, так сказать, мануфактурный период колхозного строительства и опирающихся на крестьянский инвентарь. Я имею в виду те первичные колхозы, которые создаются ныне в районах сплошной коллективизации и которые опираются на простое сложение крестьянских орудий производства... С виду эти колхозы как-будто бы не отличаются с точки зрения техники от мелкого крестьянского хозяйства (мало машин, мало тракторов). А между тем простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики».

Партия приняла и принимает героические решения о форсированном строительстве тракторных заводов, заводов комбайнов и пр., создавая этим прочную базу коллективизации. Но одновременно партия считает, что в том развитии социалистической промышленности, которое уже достигнуто, мы имеем базу для социалистической переделки крестьянского хозяйства, что быстрые успехи коллективизации и строительства совхозов создали «материальную базу для замены крупного кулацкого производства крупным производством колхозов, мощного продвижения вперед по созданию социалистического земледелия» (постановление ЦК от 6/I), что, наконец, «это обстоятельство... дало партии полное основание перейти в своей практической работе от политики ограничения эксплоататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества, как класса» (там же). А т. Розенталь обставляет этот переход такими условиями, по которым партия и сейчас должна вести политику допущения роста кулачества! Вот почему, как увидим ниже, у него ликвидация кулачества как класса отнюдь не является тем, что характеризует новый этап.

Так как социалистическая переделка сельского хозяйства превращена Розенталем в пассивный результат развития промышленности, то естественным образом из всего построения СОВЕРШЕННО ВЫПАДАЕТ КЛАССОВАЯ БОРЬБА. Ленинские слова о десятках или сотнях тысяч кулаков, которые будут убиты трактором, Розенталь превращает в либеральную формулу голой технической перестройки земледелия. Во всей концепции Розенталя НЕТ НИ НАМЕКА НА КЛАССОВУЮ БОРЬБУ, без которой в действительности не мыслимо, конечно, и внедрение трактора и электрификации.

Больше того, в розенталевой концепции нэпа (нэпа!) нет вообще расслоения крестьянства и речь все время идет о «мелком товаропроизводителе», о крестьянстве в целом. Ни беднота, ни середняк, ни батрачество вовсе не появляются на сцену как действующие лица в классовой борьбе, которая, как известно, идет, ведь, на всем протяжении нэпа, а сейчас столь резко обострилась. Не появляются по той простой причине, что ни слова о классовой борьбе у него и не говорится.

Нет, понятно, ни слова и о союзе пролетариата и бедноты с середняком. Не зачем, не нужен этот союз по розенталевой концепции нэпа. И не о том он вовсе хлопочет, не об антисередняцких загибах беспокоится.

Всю статью пронизывает совершенно антимарксистская концепция, где место остается только трактору и совершенно нет места классовой борьбе. Трактор убьет кулака, — только он один может это сделать, да ничего другого и не нужно больше, чтобы это сделать; все, что сверх того, то—от лукавого.

Никто, конечно, не станет оспаривать решающей роли индустриализации страны, решающей роли социалистической промышленности в хозяйстве. Всем известно, как ставил этот вопрос Ленин. Но грубейшим извращением учения Ленина является то, что о нэпе пишет Розенталь, все свои упования возложивший только на машину, на трактор, на комбайн и совершенно вычеркнувший классовую борьбу и всех действующих лиц в этой борьбе.

Куда приткнуть в розенталевой «концепции» такие, например, ленинские слова:

«Чтобы решить вторую трудненную часть задачи, пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию своей политики по отношению к крестьянству: пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника, крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта.

В этом разграничении вся суть социализма».

Есть ли у т. Розенталя в его концепции нэпа хоть одна строчка, сколько-нибудь соответствующая этим словам? Ни одной! Ну, хоть отдаленно напоминающая их? Ни одной!

«И неудивительно, продолжает Ленин, что социалисты на словах, мелкобуржуазные демократы на деле (Мартовы, Черновы, Каутский и К°) этой сути социализма не понимают». (Соч. т. XVI, стр. 351—352).

В хорошее же общество попал т. Розенталь!

Величайшим извращением учения Ленина, прямым издевательством над диалектикой является то, как представляет себе и нэп и новый этап Розенталь. Где же тут ленинизм, когда без всякой классовой борьбы, без всяких там бедняков и середняков просто трактор (один только он! именно один он! единственно он!) убьет кулака и превратит деревню в социалистическую.

Чрезвычайно с этой точки зрения характерна для Розенталя та косвенная (или скрытая) полемика, которую он фактически ведет с т. Сталиным по вопросу о причинах, приведших к решающим успехам в области коллективизации (стр. 76 — 79).

В статье «Год великого перелома» т. Сталин называет три основных причины успехов коллективизации. На первом месте он ставит то, что «пар-

тия проводила ленинскую политику воспитания масс, последовательно подводя крестьянские массы к колхозам через насаждение кооперативной общественности». Как вторую причину т. Сталин указывает на производственную помощь промышленности сельскому хозяйству, пролетариата крестьянству (при чем, тут фигурирует и «помощь в виде организации прокатных пунктов, тракторных колонн, машинно-тракторных станций, в виде организации общественной обработки земли, в виде насаждения колхозов, в виде всесторонней помощи крестьянскому хозяйству силами совхозов»). Тов. Розенталь всячески замазывая значение производственной помощи сельскому хозяйству на основе правильной линии партии «правильной политики воспитания масс», и тут выдвигает на первый план исключительно голый рост промышленности, к нему сводит все дело.

Совершенно наглядно выпирает у т. Розенталя антидиалектическая концепция со всеми неизбежными атрибутами правого оппортунизма — замазыванием классовой борьбы, теорией самотека и т. д. Как был, так и остался т. Розенталь прямым бухаринцем.

Он повторяет здесь ту же самую методологию, которая совсем недавно привела его к самой решительной защите бухаринской теории равновесии и «закона трудовых затрат». Стоит, например, вспомнить следующее ароматное место из статьи тов. Розенталя в № 7 (1929 г.) журнала «Пути Индустриализации»:

> «Тов. Роках считает невозможным «применять» (!) закон пропорциональности трудовых затрат в советской системе хозяйства. А ну, попробуйте его не «применять»! он сам себя «применит», тов. Роках, и пребольно ударит и по тем лбам, которые его «отменили» в теории и по тем лбам, которые на практике попытаются эту «отмену» провести». (стр. 22).

Нельзя отказать тов. Розенталю в известной последовательности. Ту же механистическую методологию он применял и в вопросах теории империализма. В статье «Об одной умной теории и неумном критике» он взял под свою защиту бухаринскую теорию организованного капитализма (см. «Большевик» № 17—18 за 1925 г.).

Как видим, потрясающая Розенталева формула нэпа не случайна и непосредственно связана с воспринятой им — и видимо прочно воспринятой бухаринской методологией. С другой стороны, естественно, эта методология и вышеописанная концепция нэпа не могли не сыграть своей роли в оценке нового этапа, делаемой т. Розенталем. Ниже мы проследим основные ошибки тов. Розенталя на этом поприще.

* * *

Новый этап, ознаменованный резким поворотом крестьянских масс к коллективизации, характеризуется решительным наступлением на капитализм по всему фронту, решительным наступлением на капитализм в СССР вообще, на капитализм, как один из хозяйственных укладов (с разной тактикой в разных районах и различных условиях). Предыдущий этап нэпа в основном характеризуется ограничением и вытеснением капитализма, а новый этап есть период, когда главным стал лозунг ликвидации кулачества как класса, период окончательного выкорчевывания корней капитализма в нашей стране [1]).

[1]) В своей статье «О новом этапе» я не посвятил отдельного раздела коллективизации. Это дало повод т. Розенталю намекнуть, что существенным в новом этапе я будто бы считаю НЕ коллективизацию. А ликвидацию кулачества как классв. К теме об отрыве ликвидации кулачества как класса от сплошной коллективизации ниже мы вернемся, здесь же следует лишь отметить, что самое возникновение вопроса о новом этапе до такой степени явно связано было с фактом решительного поворота основной массы крестьянства к колхозному строительству, что я считал излишним распространяться на эту тему. Оба эти понятия воспринимались мною чуть ли не как синонимы, и я считал своей задачей в анализе содержания нового этапа лишь добавить нечто к этому центральному факту, составляющему основное содержание нового этапа. Из всей статьи ясно видно, что это так.

Это наступление пролетариат и крестьянская беднота должны вести в тесном союзе с середняком, «ибо только такое наступление может дать нам победу» (Сталин), и наша задача в самом зародыше пресечь и вести сокрушительную борьбу с недоучетом значения этого союза. Партия это делает. Правые оппортунисты истолковывают эту борьбу отнюдь не как борьбу за ленинскую политику в отношении середняка, а как отказ от наступления на кулачество. Розенталь тут целиком вместе с ними: не против антисередняцкого уклона, а против политики ликвидации кулачества как класса, ополчается он. Середняк его вообще совершенно не интересует и о союзе с ним т. Розенталь ни разу даже не упомянул ни в своем трактате о нэпе, ни в рассуждениях о новом этапе.

О своем отрицании новой политики партии в отношении капитализма тов. Розенталь не заставляет долго догадываться. Он смело вычеркивает признание лозунга ликвидации кулачества как класса, главным лозунгом и вообще об'являет нехарактерным для нового этапа этот лозунг. Он прямо заявляет, что «не ликвидация кулачества как класса характеризует новый этап» (стр. 81) и что «новое в нашей политике по отношению к капитализму мы имеем ЛИШЬ в районах сплошной коллективизации».

А для того, чтобы еще «убедительнее» опровергнуть утверждение о решительном наступлении на капитализм по всему фронту он ищет прибежища для капитализма в городе:

> «Наша политика в отношении частно-капиталистического секторв в промышленности пока осталась прежней: ограничивать и вытеснять. Наша политика в отношении нэпманской, торговой буржуазии также пока осталась прежней. ограничивать и вытеснять».

Новый этап характерен переходом к решительному наступлению на капитализм по всему фронту (это замазывает тов. Розенталь). В одних районах это наступление приняло форму сплошной коллективизации, окончательно подрывающей корни капитализма, и связанной с этим ликвидации кулачества. В районах без сплошной коллективизации мы продолжаем политику ограничения и вытеснения кулачества, но, извините, это уже не «прежняя», тов. Розенталь, политика (так что никак нельзя сказать, что новое в нашей политике в отношении к капитализму, мы имеем лишь в районах сплошной коллективизации), а такая политика, когда лозунг ограничения и вытеснения становится подсобным и вспомогательным.

В статье «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса, направленной против передовой в № 16 «Красной Звезды», тов. Сталин писал между прочим:

> «Автор забывает, что при политике ограничения эксплоататорских тенденций кулачества, можно рассчитывать на вытеснение лишь отдельных отрядов кулачества, что не противоречит, а, наоборот, предполагает сохранение до поры до времени кулачества как класса. Чтобы вытеснить кулачество как класс, для этого недостаточно политики ограничения и вытеснения отдельных его отрядов. Чтобы вытеснить кулачество как класс, надо сломить в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников его существования и развития (свободное пользование землей, орудия производства, аренда, право найма труда и т. д.). Это и есть поворот к политике ликвидации кулачества как класса. Без этого разговоры о вытеснении кулачества как класса есть пустая болтовня, угодная и выгодная лишь правым уклонистам».

Что имеет сказать по этому поводу т. Розенталь? — Только то, что он не понимает, что такое класс и ликвидация класса; только то, что, по его мнению, трактор «сам» убьет кулака.

Но еще более определенный смысл получает «концепция» тов. Розенталя и прямо превращается в отрицание политики ликвидации кулачества как класса, поскольку он решительно вычеркивает положение, что лозунг ограничения и вытеснения кулачества стал подсобным и вспомогательным, что «позиция» этого лозунга коренным образом изменилась, что лозунг ликвидации кулачества как класса является теперь главным основным.

Не верится, но факт, что в статье тов. Розенталя «На новом этапе», в статье, занимающей пятую часть номера «Большевик» в статье, которая должна была говорить о новом в нашей экономической политике — так таки ни одного слова об этом и не сказано! И, наоборот, все время говорится, что «ничего там нового нет» — в районах без сплошной коллективизации.

«Положение лозунга ограничение кулачества, как видите (отвечает т. Сталин свердловцам), коренным образом изменилось в нынешних условиях...» (курсив мой, *В. Б.).*

А Розенталь говорит: «Новое в нашей политике по отношению к капитализму мы имеем лишь в районах сплошной коллективизации».

На вопрос, как быть с кулачеством, тов. Сталин отвечает товарищам колхозникам:

> «Кулак есть враг советской власти. С ним у нас и не может быть мира. Наша политика в отношении кулачества есть политика его ликвидации как класса. Это, конечно, не значит, что мы можем его ликвидировать в один присест. Но это значит, что мы будем вести дело на то, чтобы окружить его и ликвидировать».
>
> «... Мы терпели этих кровопийц, пауков и вампиров, проводя политику ограничения их эксплоататорских тенденций. Терпели, так как нечем было заменить кулацкое хозяйство, кулацкое производство.
>
> Теперь мы имеем возможность заменить с лихвой их хозяйство хозяйством наших колхозов и совхозов. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц не-зачем. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц, поджигающих колхозы, убивающих колхозных деятелей и пытающихся сорвать сев,— значит итти против интересов рабочих и крестьян.
>
> Поэтому политика ликвидации кулачества как класса должна проводиться со всей той настойчивостью и последовательностью, на которую способны большевики». (Курсив мой *В. Б.).*

А Розенталь, продолжая вышеприведенную фразу свою, заявляет:

> «Именно там (т.-е. в районах сплошной коллективизации — *В. Б.*), но и только там кулачество... превратилось в зло, которое дальше мы терпеть не могли...».

Разве не ясно, что у Розенталя и у партии две разных совершенно установки. Мы не можем, конечно, в один присест ликвидировать кулачество как класс (потому-то партия и не давала лозунга ликвидации его в районах без сплошной коллективизации), но мы будем вести дело на то, чтобы «окружить его и ликвидировать»; мы кулаков терпели, потому что нечем было заменить их производство; теперь их терпеть не-зачем: мы имеем возможность заменить с лихвой их хозяйство хозяйством совхозов и колхозов. «Поэтому политика ликвидации кулачества как класса должна проводиться со всей той настойчивостью, на которую только способны большевики».

А на что способен Розенталь?

То, что говорит тов. Розенталь, много определеннее того, что сказано было в известной передовой «Красной Звезды», в передовой, которая тоже «не заметила», что партия от политики ограничения и вытеснения кулачества перешла к политике ликвидации кулачества как класса. Но, ведь, Розенталь говорит это после «Красной Звезды», после того, как т. Сталин вскрыл ее ошибку, после «Ответа свердловцам», где говорилось о «подсобном и вспомогательном лозунге». Чем это об'яснить?

Партия считает, что кулака не-зачем больше терпеть и надо не в один присест, конечно, но со всей настойчивостью проводить политику ликвидации кулачества как класса. А Розенталь намерен еще дожидаться того времени, когда нам нельзя будет больше терпеть кулака. А это «нельзя» у него, как мы сейчас увидим, наступит после (и только как результат) сплошной коллективизации. Кто не поймет, что это чистая теория самотека и примиренчество по отношению к кулаку (а не классовая борьба), т.-е. нечто весьма родственное теории врастания кулака в социализм, своеобразное новое издание этой теории, соответствующее новому этапу? [1]).

Отрыв ликвидации кулачества как класса от коллективизации, голое раскулачивание, кое-где имевшее место, является не чем иным, как уничтожением части производительных сил, дележкой тех средств производства, которые в других условиях могли бы составить один из элементов производственной базы колхозов, и главное в условиях этого отрыва, как показывает практика, под раскулачивание нередко попадает середняк. С этим отрывом надо вести борьбу. Это—извращение политики партии, ибо «основным методом осуществления ликвидации кулачества как класса является метод коллективизации» [2]). Но отрыв может итти и с другого конца, это тот отрыв, который проповедует т. Розенталь, предлагая ликвидацию лишь в качестве завершения сплошной коллективизации, совершенно не понимая того, что эти два процесса протекают одновременно, а не один за другим: в классовой борьбе рождается коллективизация. А Розенталь этого не понимает.

> «Ряд районов коллективизирован полностью. И к весне 1930 г. мы, видимо, будем иметь уже отдельные области сплошной коллективизации. И как неизбежный результат процесса коллективизации, в районах сплошной коллективизации вплотную встал вопрос о ликвидации кулачества как класса, ибо этого требовало закрепление достигнутых нами успехов в деле коллективизации бедняцко-середняцких масс». («На новом этапе, стр. 81, подчеркнуто здесь и ниже мною. *В. Б.).*

---

[1]) В высокой степени фальшиво звучит поэтому у тов. Розенталя его попытка связать постановку вопроса «кто-кого?» с моей ошибкой 1925 года, когда я будто бы «с пеной у рта» защищал свое положение, что «кулака в самом деле в деревне почти не существует уже и сейчас». Тов. Розенталю лучше чем кому-либо известен подлинный смысл той моей статьи, ибо она попала к нему на редакцию и с ним в самом дружественном согласии мы по его настоянию внесли в нее незначительные поправки, сохранившие, однако, как известно, в неприкосновенности ее оппортунистическую сердцевину, равно как и крылатую фразу о том, что «кулак — это жупел». А смысл статьи заключался отнюдь не в том, что я не видел расслоения крестьянства и капиталистического развития в деревне, смысл был хуже: я констатировал его и хотел освятить, хотел узаконить кулака снятием с него позорного звания. Ибо я на одну минуту «введен был в соблазн» (слова из песни не выкинешь!) пропагандистской деятельностью известной школки (хотя не в пример тов. Розенталю и не принадлежал к ней никогда), которая учила, что так ему и надо, кулаку, обогащаться и врастать в социализм. Ну скажите, если так ему и надо,— можно ли его кулаком ругать!? (статья и называлась: «О кулаке и о роли традиции в терминологии»).

[2]) И. Сталин. «Ответ свердловцам».

«Именно там (т.-е. в районах сплошной коллективизации), но и только там кулачество из «вынужденного» зла превратилось в зло, которое дальше мы терпеть не могли». («О новом этапе и очередной разновидности оппортунизма») «... в зло, которое может и должно быть уничтожено, ибо оно существенно вредит делу перехода к более высоким формам колхозного строительства». («На новом этапе», стр. 81—82).

Дело должно быть, по рецепту т. Розенталя, не иначе как так: сначала мы должны достигнуть успехов в деле коллективизации (кулаки тем временем будут семячки лузгать), потом мы эти успехи должны довести до сплошной коллективизации — коллективизировать сплошь район (а кулаки звезды на небе будут считать), и затем уже только для того, чтобы закрепить эту достигнутую сплошную коллективизацию, или для того, чтобы облегчить перерастание с.-х. артелей в коммуны, надо браться за ликвидацию кулачества как класса: нельзя уже там терпеть кулака.

А почему, собственно, нельзя? Да как же его терпеть? Ведь тогда не получится сплошной коллективизации — останется несколько единоличников, всю статистику запутают! (право, кажется, только поэтому, скрепя сердце, соглашается т. Розенталь на ликвидацию кулачества как класса — больше она ему решительно ни для чего не нужна: ведь, дело-то уже сделано, сплошная — в кармане).

Если додумать до конца, то тов. Розенталь вполне может терпеть кулаков и в районах сплошной коллективизации, ибо никакой связи самый процесс коллективизации с классовой борьбой, с ликвидацией кулачества как класса у него не имеет.

Сохраняя в городе политику ограничения и вытеснения капитализма, отнюдь не распространяя лозунга ликвидации кулачества как класса на городскую буржуазию, мы все же и в городе имеем нечто существенно новое, отрицаемое тов. Розенталем. Ибо роль нэпмана в городе в основном есть «функция» наличия мелкого крестьянского (сельскохозяйственного и кустарного) производства и неполноты охвата потребителя и мелкого производителя кооперацией (последнее есть также следствие первого). Решительное наступление на капитализм в деревне (сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса) в конечном счете решит судьбу не только кулачества, но и городской буржуазии, ибо подрезает корни капитализма вообще. Этого не видят те, кто ставят городскую буржуазию в равное положение с кулачеством. Лозунг ограничения и вытеснения по отношению к капитализму в городе является, следовательно, в общем масштабе решительного наступления на капитализм, подсобным и вспомогательным.

Тов. Розенталь совершенно неспособен понять диалектическую взаимозависимость между разными частями капитализма, как одного из хозяйственных укладов; оттого у него и не получается, что, скажем, кооперация теперь, когда партия перешла к политике ликвидации кулачества как класса, должна гораздо решительнее, чем до сих пор, вести политику замещения частной торговли и вытеснения ее на основе этого замещения, что перед кооперацией во весь рост встает задача увязки рабочих потребителей с коллективизирующимся крестьянским хозяйством и т. д.

Тов. Розенталь явно оппортунистически толкует политику партии и слова тов. Сталина в его «Ответе свердловцам» о том, что партия «не давала указания распространить лозунг ликвидации кулачества как класса на новую городскую буржуазию». Он сознательно игнорирует поэтому предыдущую фразу тов. Сталина. А там говорится:

«Переход партии в наступление по всему фронту резко поворачивает дело в сторону подрыва и уничтожения класса деревенских и отчасти городских капиталистов»

Характерно вообще, за что цепляется тов. Розенталь в стремлении отвратить удар, занесенный над капитализмом. Новое, говорит он, в отношении к капитализму есть только в районах сплошной коллективизации: в отношении же частного капитала в промышленности, в отношении к торговой буржуазии — политика прежняя!

Партия об'являет войну административному восторгу, выражающемуся в закрытии рынков и базаров, которое бьет по середняцкому хозяйству (но что Розенталю до середняка!) и по снабжению городов, действуя понижательно на товарность крестьянского хозяйства; партия об'являет войну якобы левым декларациям о ликвидации буржуазных элементов в городе (где, как известно, давно уже в корне подорвана производственная база капиталистических элементов), декларациям, под флагом которых производятся недопустимые репрессии против мелких торговцев, кустарей и т. под. А т. Розенталь беспокоится совсем о другом. Что ему середняк,—он беспокоится, как бы политика ликвидации кулачества как класса не задела ненароком настоящего городского капиталиста.

Заденет, тов. Розенталь, обязательно заденет.

* * *

Та же самая правооппортунистическая защита капитализма кроется и в положительных розенталевых формулировках того, что характеризует новый этап, даваемых им в форме сопоставления «новой экономической политики» (т.-е. нэпа) и «нового в экономической политике». Приведем один лишь пример:

«Новая экономическая политика»: не ломай старого общественно-экономического уклада, а оживляй, овладевая лишь в меру оживления, пока не будут созданы для этого необходимые предпосылки.

Новое в экономической политике: налицо необходимые предпосылки уже есть и мы приступили к коренной ломке старого общественно-экономического уклада, к массовой переделке индивидуальных мелких производителей — в производителей коллективизированных, не снимая, однако, задачи оживления старого общественно-экономического уклада и овладения им по мере его оживления» [1]).

Такова самая общая формулировка тов. Розенталя (она стоит на первом месте и вполне гармонирует со всеми последующими). Если взять эту формулировку, как она есть, то прежде всего бросается в глаза противоречие: коренная ломка старого общественно-экономического уклада и одновременно — оживление этого же самого старого общественно-экономического уклада: никаких ограничительных определений ни для коренной ломки, ни для оживления тов. Розенталь не дает. Одно и то же («старый общественно-экономический уклад») одновременно подвергается и коренной ломке и оживлению. Это умолчание о пределах и границах ломки и оживления, о том, в каком отношении ломка и в каком — оживление, у тов. Розенталя совершенно не случайно. В самом начале статьи, говоря о причинах перехода к нэпу, он следующим образом обрабатывает Ленина. Он приводит цитату:

«Если бы мы имели государство, в котором преобладает крупная промышленность,— говорил Владимир Ильич, в заключительном слове на X с'езде партии,—или, скажем, даже не преобладает, но очень сильно развита и очень развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен» (т. XVIII, ч. I, стр. 151).

---

[1]) «Большевик», № 5, стр. 82 (подчеркнуто автором — и очень кстати. *В. Б.*).

И вот, как «раз'ясняет» ее, об'единяя в одно целое с другой цитатой, где речь идет у Ленина как раз о тех условиях, которые противоположны приведенным в первой цитате:

«Тогда возможен — продолжает за Ленина Розенталь — переход к непосредственному социалистическому строительству, революционной ломке старого общественно-экономического уклада, что отнюдь, конечно, не снимает, а предполагает и оживление этого «старого общественно-экономического уклада» и овладение им, по мере его оживления» [1]).

В статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» Ленин противопоставлял два подхода: «революционный подход к задаче в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом» и, с другой стороны, — «подход реформистский».

«С весны 1921 г. мы, писал он, на место этого (революционного — *В. Б.*) подхода, плана, системы действия ставим... совершенно иной, типа реформистского: не ломать старого общественно экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими, получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления» [2]).

Так рассуждал Ленин. А тов. Розенталь старается представить дело так, будто Ленин говорил, что даже и тогда, когда уже возможен прямой переход к коммунизму — все равно остается задача оживления старого общественно-экономического уклада [3]). Это ему нужно, конечно, для того, чтобы, характеризуя «новый этап», поставить «ломку» и «оживление» старого общественно-экономического уклада в совершенно равноправное положение. Ибо он не хочет признать, что задача оживления старого экономического уклада, всегда (вопреки Розенталю, рассматривающему нэп только как отступление) бывшая подсобной, а не равноправной задачей, теперь в еще большей степени стала подсобной по отношению к основной задаче — решительной социалистической переделки старого общественно-экономического уклада. А эклектизм позволяет ему спокойненько поставить рядом и коренную ломку (не как-нибудь, а «коренную») и оживление.

Неправильно было бы говорить, что у нас вообще и полностью снимается задача оживления старого общественно-экономического уклада и овладения им по мере оживления — это была бы об'ективно антисередняцкая троцкистская установка, это был бы антисередняцкий загиб; мы именно содействуем и поощряем (и должны поощрять) рост производительных сил индивидуальных крестьянских хозяйств, работаем (и должны работать) над усилением товарности крестьянского хозяйства (и не только коллективного, но и индивидуального). Следовательно, мы частично оживляем старый общественно-экономический уклад, каковым является мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство. Ошибкой «левых» загибщиков является именно то, что они как бы снимают середняцкую проблему, забывают о важности сохранения союза с середняком и решили, что в той части, в которой середняк сам добровольно не идет в колхоз — ничего не остается, как гнать его туда насильно. Это чисто троцкистский антисередняцкий загиб — партия справедливо и крепко ударила по нему. Неверно, что снята задача «оживления» (и «овладевания по мере оживления») мелкого индивидуального крестьянского производства в той части, в какой оно еще не коллективизировано. Но должны мы вести борьбу (и, главное, иную, новую по темпам в сравнении с той, какую вели в первые годы нэпа), борьбу за колеблющихся, борьбу за коллективизацию в минимальные исторические сроки? Разумеется, должны: более чем когда-либо все яснее становится любому крестьянину, середняку или бедняку, что вне коллективизации нет пути к победе над вековой нищетой, нет пути к действительно мощному росту производительных сил. Теорию самотека мы решительно отбрасываем. А этого-то и не учитывает формула Розенталя, формула равноправия «ломки» и «оживления». Она не учитывает того, что оживление старого общественно-экономического уклада является подсобной и вспомогательной политикой по отношению к политике социалистической переделки индивидуального крестьянского хозяйства. Это основное.

[1]) «Большевик», № 5, стр. 62. (Подчеркнуто автором и тоже кстати.

[2]) Соч. т. XVIII, ч. I, стр. 410.

[3]) При этом он совершенно не кстати ссылается на программу Коминтерна.

Кроме того, вспомним, что Ленин разумел под старым общественно-экономическим укладом — это сказано в приводимой самим же Розенталем цитате, которую мы выше повторили: Ленин говорил тут о «торговле, мелком хозяйстве, мелком предпринимательстве, капитализме». Если тов. Розенталь ограничивается только тем, что указывает, что задача оживления старого общественно-экономического уклада «отнюдь не снимается» и не указывает, в каком отношении эта задача остается, — он, значит, дает понять, что ничего нового по сравнению с первыми годами нэпа тут нет и, следовательно, не меняется и политика в отношении к капитализму.

Но кто же тогда всерьез возьмет слова о коренной ломке? Какая же это ломка, когда «отнюдь не снимается», то-есть, значит, ни в какой части не снимается задача оживления старого экономического уклада, — капитализма, например?

Наконец, пусть бы хоть географические, что ли рамки поставил т. Розенталь для своего оживления капитализма. Одной из ошибок «левых» загибщиков является ведь именно то, что они «нарушили ленинский принцип учета разнообразия условий в различных районах СССР» (Сталин). У нас есть еще районы, где сильны остатки патриархального даже уклада. Нет, тов. Розенталь воюет не с загибами, не за сохранение союза с середняком воюет он — он не согласен с поворотом в политике партии в отношении к капитализму: «отнюдь не снимается», говорит он, и точка; все остается как в первые годы нэпа.

* * *

Борясь фактически не против антисередняцких загибов, а за кулака, против политики ликвидации кулачества как класса, тов. Розенталь должен был, разумеется, хоть немного замаскировать это полемической трескотней и приписыванием критикуемым им авторам того, чего они и не думали говорить. Иначе он не смог бы развернуть своей «программы».. Так, например, он приписывает мне утверждения (сделанные будто бы мною в статье «О новом этапе» в газ. «За Индустриализацию», № 33 и 34), что «у нас в народном хозяйстве нет уже различных общественных укладов», что «нэп на ряду с прочими памятниками седой старины сдан (мною) в исторический музей за ненадобностью»; он утверждает, что мною «снята проблема рынка» и «косвенное, через рынок воздействие на все отрасли народного хозяйства» уже «оказалось замененным прямым и оперативным воздействием, минуя рынок и помимо рынка», и что это стало возможным потому, что я «упразднил» индивидуальное крестьянство, поскольку у меня уже — «сплошное социалистическое плато» [1]).

[1]) Ср. ст. К. Розенталя «О новом этапе и очередной разновидности оппортунизма», «Правда» № 78.

Разумеется, все это сплошная розенталева фантазия, и на самом деле в статье у меня все сказано совсем наоборот. Так, я прямо говорю, что ни один из пяти перечисленных Лениным укладов (ни даже патриархальное хозяйство) не исчез совершенно и тут же (это — в первой же главе) целый раздел посвящаю данным Госплана об удельном весе социалистического сектора в народном хозяйстве. Затем в конце первой статьи, точно предвидя наездническую критику, которая попытается процесс развития — то, о чем я говорю — представить как завершение процесса я написал:

> «Конечно, говорить уже сейчас о конце нэпа (не о начале конца, а о конце) пока что рано. Рано потому, что процесс коллективизации деревни еще не закреплен, не закреплен — отчасти в силу недостаточного уровня электрификации и индустриализации, отчасти в силу того, что кулак оказывает еще сильнейшее сопротивление, кое-где ломает коллективы, разрушает их, отчасти потому, что еще не двинулась как следует быть «переделка» коллективизированного крестьянина в подлинного колхозника, и количественно процесс коллективизации еще не успел охватить большинства мелких производителей, — тут еще необходимо известное накопление количества, чтобы качество претерпело решительное изменение.
>
> «Вредно было бы недоучитывать все еще играющую существенную роль мелкую кустарную и ремесленную промышленность, слабо охваченную даже и простейшими формами кооперации (сбыто-снабженческой) и даже в своих кооперативных формах подчас скрывающую замаскированных капиталистических предпринимателей. Наконец, если в крупных промышленных центрах потребительская кооперация действительно все шире и шире охватывает снабжение потребителей, то было бы просто ослеплением не видеть того, что происходит не только в каких-нибудь захолустьях и окраинах («где десятки верст проселка — вернее десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог» (Ленин), т.-е. от связи со строящейся социалистической культурой, с большим городом), но даже в относительно культурных районах; тут еще качество далеко от того, чтобы стать новым. Между тем, экономика страны должна быть взята в целом и от целого надо исходить, определяя ее (этой экономики) сущность.
>
> Тут еще должно происходить упорное накопление количества».

Не ясно ли, что Розенталь просто фиглярничает, когда убеждает меня, что «придется еще подождать с нэпом расставаться». Не ясно ли, что несколько раз оговорившись, что нэп еще не может быть снят, я ни в каком противоречии не нахожусь и с мнением тов. Сталина об условиях времени и места, когда нэп может быть послан к черту. Фиглярничает просто Розенталь, приводя это мнение мне в назидание. Лучше бы ему самому вдуматься в это положение.

И, наконец, вот, что я в действительности говорил об оперативном регулировании и чем «снял проблему рынка».

> «Конец нэпа подготовляется сейчас тем (только подготовляется тов. Розенталь!), что постепенно устанавливается (постепенно тов. Розенталь, устанавливается, а не установилось) именно прямое оперативное планирование и регулирование с.-х. производства. Оно становится (а не стало!) возможным «потому, что» мелкобуржуазное индивидуальное распыленное крестьянское хозяйство превращается (не превратилось), в крупное коллективное хозяйство» [1].

Характерно для понимания смысла и направления ударов розенталевой критики то, что даже он не смог усмотреть в моих статьях (да ему этого и не надо было, не о том он, как мы видели, хлопочет) пропаганды или защиты, или хотя бы намека на защиту нарушения принципа добровольности в кол-

[1]) Все эти цитаты показывают вполне убедительно, что «сплошное социалистическое плато» есть просто неудачное выражение (что, конечно, не уменьшает об'ективной вредности и ошибочности его).

хозном строительстве, перепрыгивания через с.-х. артель, отрыва ликвидации кулачества как класса от коллективизации, дополнения лозунга ликвидации кулачества в деревне лозунгом ликвидации городской буржуазии, т.-е. того, против чего и направлены сейчас удары партии. Чем же спрашивается об'ясняется его бесшабашная атака?

* * *

Итак, тов. Розенталь выступает со статьей о новом этапе, давая при этом свою концепцию нэпа. В этой статье нет, как мы видим, ни деревенской бедноты, ни середняка, нет классовой борьбы в деревне, нет ликвидации кулачества как класса в качестве главного лозунга, нет ничего нового в отношении к капитализму как к общественному укладу, нет союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком, нет производственной смычки.

Но что же там есть?

Есть утверждение капитализма, есть ревизия линии партии в отношении кулачества, теория самотека в колхозном строительстве, есть грубый эклектизм, есть, словом, густой правый оппортунизм.

Во-первых, тов. Розенталь ни за что не желает признать политики ликвидации кулачества как класса так, как ее понимает партия, как главный лозунг, и вместо борьбы с антисередняцкими загибами, которую ведет партия, ратует за сохранение и оживление (ср. «рост кулачества») капитализма, т.-е. значит, об'ективно солидаризуется с теми, кто рассматривает борьбу с антисередняцкими загибами, как отступление.

Во-вторых, тов. Розенталь недиалектически отрывает ликвидацию кулачества как класса, от процесса коллективизации и процесс коллективизации — от классовой борьбы (на правооппортунистический манер — в отличие от голого раскулачивания).

В-третьих, он рассматривает нэп только, как отступление и выявляет себя как идеолог теории самотека. Вынужденный признать элементы «непосредственного социалистического строительства» на новом этапе, которые в «нэп, как отступление» не укладываются, тов. Розенталь фактически должен бы притти к выводу, что нэп уже снят, и только бесцеремонный эклектизм и правооппортунистическая в своей основе общая его установка «спасает» его от этого «левого» вывода.

В самом деле — вот итоговые строки статьи «На новом этапе».

> «Можно ли сказать, — патетически вопрошает он, — что то новое в экономической политике, которое уже имеется, укладывается в рамки нэпа? Конечно, нет. Это — разная политика».

Значит нэпа уже нет, раз есть новое и это новое в нэп не укладывается. Выходит, что Розенталь отменил уже нэп.

Да, так выходит... Но у Розенталя своя логика. И вот, он, с позволения сказать, «продолжает»:

> «Можно ли сказать, что эта новая, по сравнению с нэпом, экономическая политика уже полностью и без остатка снимает прежнюю экономическую политику — нэп — и делает ее лишней, ненужной и мешающей? Конечно, нет».

На помощь Розенталю приходит, как видим, его бесцеремонный эклектизм и механическое представление о двух мирно уживающихся рядышком друг с дружкой экономических политиках в Советском Союзе. Есть «новая экономическая политика» (новейшая), она не укладывается в рамки нэпа («это — разная политика»), но и нэп не снимается.

Впрочем, тов. Розенталь достаточно искушенный в литературных делах человек и тут же предлагает еще один вариант — уже с диалектическим «перерастанием», а не с механическим сожительством.

«Мы находимся в таком периоде, когда «новвя экономическая политика» только ивчав, постепенно... будет все больше перервстать в политику непосредственного социалистического строительства» (курсив автора.—*В. Б.*).

Вот вам и «кусочек диалектики».

Мы не в силах ни понять, ни, тем более, «об'яснить» этот напечатанный на 84-й странице слишком уж содержательный абзац, заключающий в себе враз три взаимоисключающих друг друга «философских» толкования нового этапа.

Эта теоретическая каша явно почерпнута из оппортуиистического болота, дыханием которого насквозь проникнуты статьи тов. Розенталя.

Мы видели, что Розенталь недиалектически разрывает на части целостный хозяйственный уклад и не понимает взаимозависимости частей (совершенно не способен поэтому понять того, что тов. Сталин говорил о «подсобном и вспомогательном лозунге» и не принимает поэтому политики ликвидации кулачества как класса или замазывает ее истинное значение и смысл). Тов. Розенталь оказывается бессильным постичь даже едва ли не самое элементарное диалектическое правило о «конкретной истине»: отсюда его спор с Лениным, приводящий к тому, что он сбивается на чисто метафизическое рассуждение: социализм есть благо, капитализм есть зло — вообще, и вопреки ясной мысли Ленина видит только то, что мы совершаем переход от капитализма к социализму (см. его рассуждения на стр. 80—81).

Эклектизм и антидиалектические построения пронизывают всю его концепцию. Забвение диалектики, подмена ее безжизненной схоластикой и эклектизм питают как откровенно-оппортунистический правый уклон, так и рядящийся в революционные одежды «левый» оппортунизм. При несомненном различии этих двух уклонов, их теоретические источники одинаково чужды марксизму-ленинизму. Неудивительно, что правая в основном, философия Розенталя весьма легко может превратиться в питательную почву и для «левых» загибов.

На словах поглумившись над формулировками «конец нэпа», «начало конца нэпа», «отмирание нэпа», он на деле капитулирует перед этими формулировками в самой постыдной форме. Он прямо заявляет, что «новое не укладывается в рамки нэпа». В полном согласии с правыми идеологами, кричащими об «отмене нэпа», тов. Розенталь развивает теорию, которая в то же время питает «левые» загибы, утверждая даже не о начале конца, а прямо таки о конце нэпа.

С другой стороны, проходя совершенно мимо середняка, игнорируя задачу борьбы с антисередняцкими загибами в то время, когда партия считает эту борьбу необходимым условием успешного развития коллективизации, успешного продвижения к социализму, Розенталь находит точку соприкосновения с троцкизмом.

Думается, что после всего сказанного не требуется больше доказательств совершеннейшей теоретической беспомощности тов. Розенталя, полной неспособности его мыслить проблему нового этапа диалектически и, следовательно, критиковать с правильной точки зрения. Обвинив все «рассуждения и высказывания по вопросу о новом этапе» в неисторичности подхода к теме, именно тов. Розенталь оказался неспособным мыслить новый этап, как процесс, и ухватить живую диалектическую связь между различными его сторонами. (Такая неспособность мыслить, вернее, способность мыслить только так расшифровывается несложно с классовой точки зрения).

Нужно ли говорить, что с таким вооружением подходить к анализу переходных моментов — это значит заведомо провалиться.

К. Розенталь.

О барабанном бое и полемическом задоре.

(Ответ т. Богушевскому).

«Как во городе, во Пупе
Жили-были, проживали
Голотяпы — голопупы
Пустобаи — пустобрехи».
Дружинин.

Прежде всего несколько слов по поводу «разгоряченной» атмосферы, в которой началось обсуждение проблем нового этапа. Откуда она? Почему столько болезненной горячности, я бы даже сказал, азартной истеричности проявил тов. Богушевский в своей «атаке» против моих статей о новом этапе? Не может же не знать т. Богушевский, что излишняя горячность — вредит делу. Малейшее дрожание руки и удар, направленный в «сердце» врагу попадает... в пустое пространство.

Холоден и бесстрастен должен быть «боец». Тов. Богушевский этому правилу изменил. Его рука дрожит, непослушное перо ставит «кляксы». Весь стиль и тон его статьи свидетельствуют, что автор разгорячен, что автор взволнован, что автор на что-то гневается и гнева своего сдержать не в силах.

Но что же такое произошло, что вывело из состояния душевного равновесия тов. Богушевского? Что произошло такое, что заставило его так сильно гневаться и в гневе, когда разгоряченный мозг туманится, когда так трудно владеть своими чувствами, все же браться за перо?

Тов. Богушевский нам, к сожалению, об этом ничего не говорит. Но «великие люди» заслуживают того, чтобы о них говорили другие. И эту благородную роль историка «деяний» тов. Богушевского я готов взять на себя.

Тов. Богушевскому принадлежит неоспоримое «первенство» в постановке проблемы «нового этапа». Целую пару больших «подвалов» посвятил он в газете «За Индустриализацию» исследованию и анализу нового этапа, не считая печальной славой знаменитой, его же передовой в этой же газете от 21/I 1930 г. и, — как метко было отмечено «Правдой», — «ученической белиберды» тов. Чернина, нашедшей себе приют и покровительство на страницах «З. И.». Честь и хвала т. Богушевскому хотя бы и за такое «пионерство» в этой области!

Но..., к сожалению, «первый блин оказался комом». Увлеченный успехами социалистического строительства тов. Богушевский выступил с утверждением, что «командные высоты, которые пролетариат оставил в своих руках в начале нэпа разрослись в сплошное (!) социалистическое плато (!), только кое-где (!) прорезанное расщелинами (!) частно-хозяйственного сектора».

Отсюда т. Богушевский сделал вывод о «возможности перехода к прямому (!) оперативному воздействию на все отрасли народного хозяйства»;

отсюда же т. Богушевский сделал вывод (формально хотя и предшествующий этой его статье), что «первый год пятилетки решил ленинский вопрос «кто-кого?», что борьба за социализм внутри страны «вступила в новый период, когда победа предопределена, когда соревнование («кто-кого!») окончен и речь идет лишь о довершении победы и реализации ее плодов».

Тов. Чернин, с своей стороны, в полном согласии со всей установкой т. Богушевского выставил в качестве очередной задачи партии «ликвидацию той социальной дроби, которая составляет также и класс городской буржуазии».

С таким «анализом», с такой характеристикой нового этапа я, конечно, согласиться не мог и в статье «О новом этапе и очередной разновидности оппортунизма», помещенной в № 78 «Правды», писал:

> «Это, конечно, неверно, это вопиюще неверно; именно отсюда, из утверждения об отсутствии у нас в народном хозяйстве различных общественно-экономических укладов, именно из утверждения о том, что наше народное хозяйство представляет собой «сплошное социалистическое плато», растет махровый оппортунизм, рядящийся в «левые» одежды. И именно здесь «теоретические корни вреднейшего «лево»-оппортунистического заскока с его признанием, что вопрос «кто-кого» — снят».

Что же касается самого утверждения, что вопрос: «кто-кого»? — снят, я писал:

> «Если кого и демобилизует подобное утверждение, то силы и внимание борющегося пролетариата, ибо, превращая кулака в жупел, смазывает и затушевывает кулацкую опасность, ослабляет бдительность рабочего класса к его жесточайшему врагу и под прикрытием «доотказу» «левой» фразы делает откровенно-оппортунистическое дело.
>
> Нет сомнения, такой «заскок» однотипен с троцкистской псевдореволюционностью».

Правильно или неправильно был обвинен т. Богушевский в «лево»-оппортунистическом заскоке, «однотипном с троцкистской псевдореволюционностью»? Правильна или неправильна была моя политическая характеристика ошибок т. Богушевского?

Пусть будет свидетелем сам т. Богушевский.

> «Именно этот решительный поворот деревни к социализму, именно эти быстрые успехи в области колхозного движения, создали почву, — «успехи иногда кружат голову» (Сталин)—на которой могли произрасти «левые» загибы, об'ективно имеющие явно анти-середняцкий троцкистский характер и представляющие собою забегание вперед, перескакивание через непройденные еще ступени, недоучет силы сопротивления классового врага».

И дальше т. Богушевский признается:

> «значит, является вредной ошибкой, об'ективно играющей наруку лево-оппортунистической идеологии и практике—постановка мною вопроса: «кто-кого?», такое значение приобрел и употребленный мною для изображения картины разрастания социалистических командных высот образ—«сплошное социалистическое плато».

Тов. Богушевский выражается «нежно» и «деликатно». Его ошибки оказывается не были ошибками «лево»-оппортунистического порядка, однотипными с троцкистской псевдореволюционностью, а только играли «нарукy» троцкистской идеологии! «Об'ективно» же они являлись «отражением головокружительного представления о темпах коллективизации»! Стоит ли, в самом деле, обращать внимание на такие пустяки, как легкое «головокружение». И при чем тут «какая-то» идеология! «Головокружение»—

это действительно было, — признается т. Богушевский, — человек я, знаете ли, «нервный», «впечатлительный». Но чтобы тут была «нехорошая» идеология — упаси боже!

Все эти неуклюжие попытки увильнуть от прямого и безоговорочного признания своих ошибок могут вызвать только улыбку и свидетельствуют о том, что даже «таланта» т. Богушевского недостаточно для того, чтобы без «ущерба» для себя «выпутаться» из неловкого положения, в которое он попал. Но если все же сам т. Богушевский признает, что им была допущена «вредная ошибка, играющая на-руку левооппортунистической идеологии и практике», то почему он ждал со своим ценным признанием 2—3 месяца? И какую роль в этом деле сыграла моя статья?

Но не будем нескромны! Не будем «приставать» к т. Богушевскому со столь «неприятными» для него вопросами! Причины же некоторой излишней «горячности» т. Богушевского, его «нервозности» и прямой истеричности совершенно понятны. Тов. Богушевский, обвиненный мною в лево»-оппортунистическом заскоке, «однотипном троцкистской псевдореволюционности», мое обвинение принял, в моей правоте и своих «лево»-оппортунистических ошибках, хотя и вынужденно, но признался и тут же, не переводя что называется «духу» обвинил меня в... «правом оппортунизме»!

Что и говорить, отступление с «барабанным боем»!

Не слишком ли много берет на себя т. Богушевский? Давно известно: кто хочет доказать слишком много, тот обычно не доказывает ничего.

Но тов. Богушевский горд и неустрашим. Он хочет быть прославлен, он хочет быть знаменит.

Пусть будет так.

Пусть: «... скоро, скоро,

Город Пуп во всей округе
Будет самым знаменитым,
Будет самым главным пупом».

Должен, впрочем, признаться, что этот «изящный» прием с «контратакой» меня не удивил. Уж очень он знаком по борьбе со всеми несогласными с партией! Ведь, именно в «правом оппортунизме» обвиняли троцкисты всех тех, кто стоял на позициях партии и эти позиции защищал. И, рабски подражая троцкистам в этом весьма истасканном приеме, правые оппортунисты обвиняли защищавших линию партии в... троцкизме.

Повторяетесь, т. Богушевский!

Но так или иначе, раз брошено столь серьезное политическое обвинение, в нем следует разобраться.

Итак, как же «доказывает» т. Богушевский наличие в моей статье правооппортунистического существа? Где именно и в чем именно видит он проявление правооппортунистической сущности?

Первым и наиболее серьезным обвинением, которое выставляет против меня т. Богушевский, является утверждение, что будто бы в моей концепции нэп «представляется исключительно как отступление».

> «Характеризуя эту концепцию, нужно, прежде всего, констатировать, что нэп в ней представляется исключительно как отступление, а именно, только как переход «от непосредственного социалистического строительства, во всем народном хозяйстве (эпохи военного коммунизма. *В. Б.*) к ряду опосредствующих звеньев и переходных мер», которые и заполняют собою весь нэп и задача которых не социалистическое строительство, а лишь «создание условий, при которых был бы возможен переход от опосредствующих звеньев в деле социалистического строительства к непосредственному социалистическому строительству» (стр. 71 Курсив мой. *В. Б.*). Нэп оказался необходимым в силу характера нашей страны с преобладающим крестьянским хозяйством мелко-товарным крестьянским производством. Нэп есть только метод приспособиться к хо-

зяйству крестьянина. Нэп — это свободный рынок, это вся суть нэпа, по Розенталю. «Опосредствующие звенья» (нэп) и — непосредственное строительство социализма — нэп и — не-нэп. Нэп есть переход к «опосредствованному» строительству, там, где начинается непосредственное строительство социализма, там уже — не нэп».

Так «излагает» т. Богушевский мою концепцию нэпа.

Что здесь правильного и что здесь неправильного? Что в этом «вольном» изложении якобы моей концепции нэпа действительно соответствует тому, что я писал и что является прямым вымыслом?

Надо прямо сказать, что ничего похожего на то, что я действительно писал в этом изложении — нет.

Дав характеристику перехода от военного коммунизма к нэпу, указав, в чем именно заключалось проделанное нами отступление, я дальше писал:

«На этих позициях *отступление было приостановлено*, на этих позициях была *произведена необходимая перегруппировка сил и с этих позиций началось постепенное наступление на капитализм*» (стр. 71).

Несколько выше (стр. 67) я писал:

«А это, в свою очередь, требовало отступления в целом ряде областей экономики с тем, чтобы *отступив и перестроив* свои ряды, сообразно новым задачам, начать *наступление*, но уже на *основах «новой экономической политики»*, постепенно, осторожно, рядом обходных движений».

Где же здесь, т. Богушевский, нэп «представляется исключительно как отступление»? *Отступив, перегруппировав силы*, пишу я, *мы начали «постепенное наступление на капитализм»* и притом «*на основах «новой экономической политики»*».

Значит, т. Богушевский, вы сказали *первую неправду*. Но, быть может, это «случайная» фраза? Быть может, это всего лишь «обмолвка» с моей стороны?

Дальше я пишу, в чем же заключалось это *наступление*:

«восстановление и создание крупной социалистической промышленности, овладение торгово-посредническим оборотом, замещение социалистическим сектором вытесняемого капиталистического сектора как из промышленности, так и из сферы товарооборота, усиление строительства кооперации» (стр. 71).

Что же, т. Богушевский, восстановление и создание крупной социалистической промышленности это — «отступление»?

Что же, т. Богушевский, «замещение социалистическим сектором вытесняемого капиталистического сектора», это — отступление?

Что же, т. Богушевский, строительство кооперации, это — отступление?

Если же строительство социалистической промышленности, кооперативное строительство и вытеснение социалистическим сектором капиталистического сектора не «сводится целиком к политике отступления», то тов. *Богушевский сказал еще раз неправду*.

Если т. Богушевскому этого покажется недостаточно, я могу привести и еще выдержку. Давая характеристику нэпа, я писал:

«От штурма к осаде, от революционных методов действия к «реформистским», от *непосредственного* социалистического строительства *во всем народном хозяйстве к ряду опосредствующих* звеньев и переходных мер, ставящих себе задачей: *создание крупной социалистической промышленности (где уже осуществлялось непосредственное социалистическое строительство), кооперирование населения (рост кооперации, как указывал Ленин, тождественен росту социализма)*, ограничение и вытеснение капиталистических элементов народного хозяйства» (стр. 73).

Что же, т. Богушевский, «создание крупной социалистической промышленности» (непосредственное социалистическое строительство), «кооперирование населения», «ограничение и вытеснение капиталистических элементов народного хозяйства» это — политика наступления или отступления? Если это — политика наступления, то *вы еще раз сказали неправду*, заявив, что у меня нэп сводится целиком к политике отступления».

Еще двумя страницами дальше (стр. 75) я писал:

«*Медленно, осторожно и постепенно, рядом обходных движений отвоевывал социализм одну за другой позиции у капитализма*, подготовляя почву для нового штурма, для последнего и решительного боя с отечественным капитализмом, для коренной и решительной ломки старого общественно-экономического уклада деревни, для ликвидации кулачества как класса» (стр. 75).

Что же, т. Богушевский, если я пишу, что «социализм одну за другой отвоевывал позиции у капитализма», то это значит, по-вашему, что нэп сводится мною «целиком к политике отступления»?

Количество подобных выдержек из своей статьи я мог бы увеличить вдвое и втрое. Но что это значит? Это значит, что сказав неправду *раз*, сказав неправду *два*, сказав неправду *три*, т.-е. упорствуя в повторении этой неправды, т. *Богушевский*, преследуя какие-то *иные* цели, *сознательно говорит неправду*.

Надо при этом подчеркнуть, что я не только, так сказать, «формально» характеризовал нэп, как «отступление, перегруппировку сил и наступление», но и *на протяжении полных двух страниц* (стр. 74, 75 и 76) *конкретно на цифровом материале показал, как осуществлялось это наступление*. И, подводя итоги этому наступлению, я писал:

«Таким образом, как в промышленности, так и в торгово-посредническом обороте не только относительное, но и абсолютное сокращение частно-капиталистического сектора началось, примерно, с 1926—27 г. Частно-хозяйственный капитализм как «пособник социализма» начал себя исчерпывать и все больше оттесняться и замещаться обобществленным, социалистическим сектором — социалистической промышленностью и кооперацией» (стр. 76).

И дальше, указав на решения XV с'езда партии об усилении наступления на «кулака и частника», я писал:

«процесс абсолютного сокращения частно-капиталистического сектора еще больше усилился, захватив и капиталистические кулацкие элементы деревни. И в 1928—29 году мы имели такое положение, когда кулацкие хозяйства начали резко сокращать свои посевные площади, резко сокращать как валовую, так и товарную продукцию своих хозяйств» (стр. 76).

Не правда ли, как это все гармонирует с утверждением т. Богушевского, что у меня нэп представляется «*исключительно как отступление*», как «свобода развития капитализма»?

Надо, впрочем, сказать, что «своеобразность» и «прихотливость» мышления некоторых товарищей и из этих моих совершенно ясных утверждений может сделать вывод о моей... правооппортунистической сущности. Ведь умудрился же т. Борилин в своей статье «О нэпе, индустриализации и новых формах смычки» написать, что

«Механистическая концепция здесь смыкается с *вреднейшим политическим выводом, отрицающим некоторый абсолютный рост капиталистических элементов в нашем хозяйстве*» [1].

Иначе говоря, констатация того известного каждому грамотному человеку факта, что у нас, примерно с 1926—27 г., происходит абсолютное

[1]) «Под Знаменем Марксизма», № 9 за 1929 г., стр. 71.

сокращение капиталистического сектора в народном хозяйстве об'является... правым оппортунизмом. Ведь это же неслыханно и чудовищно!

Надо, правда, сказать, что т. Борилин делал это из «хороших» побуждений. Как истый «диалектик», на деле «доказавший» это свое качество, т. Борилин иначе, как «абсолютным ростом капиталистического сектора», не мог об'яснить... обострения классовой борьбы! Невероятно, но факт!

> «Почему,— риторически вопрошал в этой же статье т. Борилин,— наступление реконструктивного периода закономерно связано в нашей стране с обострением классовой борьбы с капиталистическими элементами городв и деревни?».

> «Потому,— отвечал себе т. Борилин,— что период реконструкции знаменует переход в решительное наступление социалистических элементов, социалистических форм нашего хозяйства» и т. д.

> «В том же направлении обострения классовой борьбы влиял и другой фактор, также закономерно вытекающий из условий развития хозяйства в истекший период нэпа,— это н е к о т о р ы й а б с о л ю т н ы й р о с т к а п и т а л и с т и ч е с к и х э л е м е н т о в д е р е в н и и г о р о д а. С т р а н н о е з а б в е н и е и л и и г н о р и р о в а н и е п о с л е д н е г о ф а к т а п р о и с х о д и т у о п п о р т у н и с т и ч е с к и н а с т р о е н н ы х т о в а р и щ е й....» и т. д.

Итак, если вы, читатель, в полном согласии со всеми имеющимися официальными данными будете утверждать, что у нас с е й ч а с происходит абсолютное сокращение капиталистических элементов деревни и города, то тов. Борилин будет вас считать... «оппортунистически настроенным товарищем».

Если же вы, не желая быть обвиненным т. Борилиным в правом оппортунизме, в полном согласии с т. Борилиным признаете, как этого он требует, и вслед за ним станете утверждать, что у нас д о с и х п о р происходит «некоторый абсолютный рост капитализма», то вы, конечно, будете свободны от тяжкого обвинения в оппортунизме, но вступите в прямое противоречие с действительными фактами.

Но почему же, все-таки, т. Борилин свидетельством «правооппортунистических настроений» считает признание факта абсолютного сокращения частно-капиталистического сектора? Или этот «диалектик» всерьез считает, что при абсолютном сокращении частно-капиталистического сектора не может происходить обострение классовой борьбы? Надо прямо сказать, п р е д с т а в л е н и е тов. Б о р и л и н а, ч т о о б о с т р е н и е к л а с с о в о й б о р ь б ы в р е к о н с т р у к т и в н ы й п е р и о д в о з м о ж н о т о л ь к о п р и у с л о в и и а б с о л ю т н о г о р о с т а к а п и т а л и с т и ч е с к и х э л е м е н т о в н а с к в о з ь м е х а н и с т и ч н о. Весьма и весьма недиалектически т. Борилин обстановку прошлых лет, когда действительно происходил некоторый абсолютный рост капиталистического сектора, переносит на 1928—29 годы.

Итак, на основании ряда приводимых мною выдержек из моей статьи, я категорически отвергаю, как совершенно вздорное и ни на чем не обоснованное обвинение меня в понимании нэпа «исключительно как отступление».

П у н к т в т о р о й о б в и н е н и я сводится к тому, что будто бы, согласно моей концепции, «там, где начинается непосредственное строительство социализма, там уже — не нэп».

Действительно ли дело обстоит так, как это утверждает т. Богушевский? Действительно ли я утверждаю, что в р а м к а х н э п а не происходило непосредственное социалистическое строительство?

Вот что я писал:

> «создание крупной социалистической промышленности, являясь делом непосредственного социалистического строительства,— поскольку наши государственные промышленные предприятия суть предприятия последовательно-социалистического типа,—в свою очередь являлось лишь посредствующим звеном (основой, условием, предпосылкой) к непосредственному социалистическому строительству во всем народном хозяйстве» (стр. 68).

Значит, т. Богушевский, я не только не отрицал непосредственного социалистического строительства в рамках нэпа, но и п о д ч е р к и в а л, ч т о у ж е в р а м к а х н э п а, с о з д а в а я к р у п н у ю с о ц и а л и с т и ч е с к у ю п р о м ы ш л е н н о с т ь, м ы о с у щ е с т в л я е м н е п о с р е д с т в е н н о е с о ц и а л и с т и ч е с к о е с т р о и т е л ь с т в о.

А это значит, что вы опять говорите — н е п р а в д у.

Выше я приводил выдержки, в которых говорится о строительстве в рамках нэпа — кооперации, рост которой, как это, вероятно, известно и т. Богушевскому, тождественен росту социализма.

Значит, т. Богушевский опять и опять сказал н е п р а в д у, когда обвиняет меня в том, что якобы мною вообще отрицается непосредственное социалистическое строительство в рамках нэпа.

П у н к т т р е т и й о б в и н е н и я, хотя т. Богушевским и не развернут полностью, сводится к тому, что, исходя будто бы из моей концепции нэпа, нэп представляется чисто-русским явлением, или, как пишет т. Богушевский, являлся «необходимым в силу характера н а ш е й страны».

Здесь надо прежде всего раз навсегда условиться, о чем идет речь, когда мы говорим о «нэпе»: об определенной ли экономической п о л и т и к е пролетарского государства или о чем-либо ином? Такой вопрос быть может кое-кому покажется очень наивным. Но напрасно было бы думать, что такой вопрос лишний. Ведь мог же, например, т. Борилин совершенно серьезно считать, что «н э п п р е д с т а в л я е т с о б о й с и с т е м у х о з я й с т в а». И с этих позиций даже «критиковал» правых оппортунистов, которые-де брали нэп как застывшую систему общественных отношений, в то время, как, по его, Борилина, мнению, нужно брать «нэп не как некую застывшую систему общественных отношений» («Под Знаменем Марксизма», № 9 за 1929 г., стр. 61).

Таким образом, если и т. Богушевский представляет нэп как «систему хозяйства», то мы, очевидно, говорим о разных вещах, ибо я до сих пор, говоря о нэпе, говорил не о «системе хозяйства», а об определенной э к о н о м и ч е с к о й п о л и т и к е.

Повторяю, я не знаю, что подразумевает в д а н н о м случае т. Богушевский, когда говорит о нэпе. Что же касается меня, то я, рассматривая нэп, как определенную экономическую политику и, с этой точки зрения подходя к формам перехода от капитализма к социализму в странах передового капитализма, писал:

> «Совершенно несомненно, конечно, что поскольку даже в странах развитого капитализма, хотя и в меньших размерах, чем это имеет место в странах промышленно слабо развитых, сохраняется мелкое хозяйство, необходимы будут и «посредствующие звенья» и «переходные меры», и, в частности, необходимо будет «сохранение — на начальных ступенях развития,— рыночных форм хозяйственной связи, денежной системы и т. д.». (Программа Коммунистического Интернационала) (стр. 62).

Что же, по-вашему, т. Богушевский, рыночные формы хозяйственной связи не являются одним из элементов новой экономической политики?

Что же, по-вашему, т. Богушевский, денежная система это — не один из элементов нэпа?

Нет сомнения, что и рыночные формы связей и денежная система все это — элементы нэпа. Но в таком случае вы о п я т ь с к а з а л и н е п р а в д у, когда приписали мне утверждение, что я изображаю нэп, как особенность «нашей страны».

Не скрою, однако, что я глубочайшим образом убежден, что, несмотря на сохранение рыночных форм связи, несмотря на сохранение денежной системы и т. д., экономическая политика, которую начнет проводить пролетариат стран передового капитализма, захвативший в свои руки власть, будет

все же «кое в чем» и весьма существенно отличаться от нашей «новой экономической политики», а отнюдь не рабски ее копировать.

В чем же будут заключаться особенности экономической политики пролетариата стран передового капитализма от той экономической политики, которую начали вести мы, когда переходили от военного коммунизма к нэпу?

На это мною дан в статье исчерпывающий ответ. Если мы в стране промышленно сравнительно отсталой да к тому же еще разоренной империалистической и гражданской войной, в стране, где преобладающую массу населения составляет крестьянство, вынуждены были начать с формулы: «не ломать, а оживлять старый общественно-экономический уклад, овладевая в меру оживления», тем самым подготовляя почву, условия и предпосылки для «л о м к и» этого старого общественно-экономического уклада, для п е р е д е л к и мелких товаропроизводителей в производителей-социалистических, для непосредственного социалистического строительства в деревне, то в странах передового капитализма «возможен переход к непосредственному социалистическому строительству, революционной л о м к е старого общественно-экономического уклада деревни, что отнюдь, конечно, н е с н и м а е т, а п р е д п о л а г а е т и о ж и в л е н и е этого «старого общественно-экономического уклада» и о в л а д е в а н и е и м, п о м е р е е г о о ж и в л е н и я» [1]).

Так обстоит дело с первыми тремя пунктами обвинения, касающихся моей «концепции» нэпа. Как мог убедиться читатель, обвинения т. Богушевского плод н е м н о ж к о расстроенного воображения, н е м н о ж к о излишней горячности по поводу своих собственных «лево»-оппортунистических ошибок, н з р я д н о г о количества сознательного вымысла н о г р о м н о г о количества прямой н е п р а в д ы.

Но такова природная особенность т. Богушевского, что и уличенный во лжи он не печалится и не унывает. Здесь сорвалось, авось в другом месте выйдет. Он ведь такой, этот т. Богушевский!

И опять же он уподобляется героям из города Пупа:

«Но никак не унывали
Голотяпы-голопупы —
Занимались пустобаем,
Пустобаем-пустобрехом.

Итак, последуем за нашим «пустобрехом» дальше в кустарники мелких передержек и лес явных подтасовок и лжи.

П у н к т о б в и н е н и я з а н о м е р о м ч е т ы р е гласит:

> Из всего построения Розенталя «совершенно выпадает классовая борьба», «во всей концепции Розенталя нет ни намека на классовую борьбу».

В первоначальном же варианте своей статьи Богушевский писал еще определеннее:

> «Тут мы подошли к самому изумительному свойству розенталевой «концепции нэпа»: в н е й с о в е р ш е н н о н е т н и к а к о г о н а м е к а н а к л а с с о в у ю б о р ь б у. Мы не можем, правда, привести ни одной цитаты, в которой бы тов. Розенталь утверждал, что классовой борьбы в эпоху нэпа нет или не должно быть, но м ы м о ж е м п о р у ч и т ь с я, что ни тов. Розенталь, ни кто-либо другой не приведут из его статьи н и о д н о й ц и т а т ы, в которой бы хоть как-нибудь фигурировала классовая борьба».

Вы можете поручиться, т. Богушевский? Но чем? Вашим добрым именем, «честью» или «благородным» словом?

Хорошо. Я принимаю ваш вызов!

---

[1]) Кстати сказать т. Богушевский решительно не может понять, как это так: «и ломать и оживлять». И л и то, и л и другое, что свыше то от лукавого — такова блистательная «диалектика» т. Богушевского.

Итак, скорее за дело. Возьмите, т. Богушевский, пятый номер «Большевика» и потрудитесь следовать за мною.

Вот рекомендую вашему вниманию стр. 71, на которой говорится, что с переходом к новой экономической политике

> «Борьба с капитализмом, борьба с мелкобуржуазной стихией, не теряя своей ожесточенности, приняла новые формы, потребовала иных приемов и иных методов».

Это как, т. Богушевский, разговор о классовой борьбе, или о чем-либо ином?

На следующей странице (72) позволю себе обратить внимание т. Богушевского на мое утверждение, что

> «нашей важнейшей задачей должно было (быть) сохранить хозяйственную связь с крестьянством в с в о и х р у к а х, о т в о е в ы в а я ее, но уже мерами экономическими, у капитализма».

Это как, т. Богушевский, разговор о классовой борьбе или о чем-либо ином?

Страницей дальше (стр. 73) я пишу, что нашей задачей с переходом к новой экономической политике являлось:

> «ограничение и вытеснение капиталистических элементов народного хозяйства».

Это как, т. Богушевский, разговор о классовой борьбе или о здоровье папы римского?

Еще через страницу (75) я пишу:

> «Гнилые пророчества и зловещие предсказывания об «эволюции» в сторону капитализма были безнадежно биты. Медленно, осторожно и постепенно, рядом обходных движений отвоевывал социализм одну за другой позиции у капитализма, подготовляя почву для нового штурма, для последнего и решительного боя с отечественным капитализмом, для коренной и решительной ломки старого общественно-экономического уклада деревни, для ликвидации кулачества как класса, в аитем и,— по мере того как допущение свободной торговли «будет давать лишь минусные результаты» (Сталин),— ликвидации остатков нэпманства, остатков торговой буржуазии, уже лишенных производственной базы, но еще имеющих корни в необобществленном секторе сельского хозяйства.

На следующей (76) странице я пишу:

> «После XV с'езда партии, бросившего лозунг «перейти к дальнейшему более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника», потребовавшего «дальнейшего хозяйственного наступления на капиталистические элементы» и «еще более, решительного хозяйственного вытеснения» частно-капиталистических хозяйств, процесс абсолютного сокращения частно-капиталистического (сектора) еще больше усилился, захватив и капиталистические, кулацкие элементы деревни».

Я позволю себе на этом остановиться и не утруждать внимание читателя дальнейшими «цитатами», тем более, что требование т. Богушевского (привести хоть одну цитату и хотя бы только «намекнуть») не только выполнено, но и перевыполнено.

Но позвольте, может обеспокоиться читатель за тов. Богушевского, ведь он ручался своим добрым именем, «честью» и словом!

Что я могу ответить на этот справедливый вопрос читателя? Если эти качества у т. Богушевского и были, то теперь их, очевидно, н е т.

Как ни скучен и ни бесцелен «разговор» с т. Богушевским я позволю все же остановиться еще на одном пункте обвинительного акта пред'явленного мне т. Богушевским.

«Тов. Розенталь, — так начинается п у н к т п я т ы й м о е г о о б в и н и т е л ь н о г о а к т а, — ни за что не желает признать политики ликвидации кулачества как класса, т а к к а к ее понимает партия, как г л а в н ы й лозунг», «недиалектически отрывает ликвидацию кулачества как класса от

процесса коллективизации и, больше того, «фактич :ки требует допустить рост кулачества».

Что это—бред сумасшедшего или разновидность литературного озорства?

Итак, вы утверждаете, т. Богушевский, что я не желаю признать лозунг ликвидации кулачества главным лозунгом, а лозунг ограничения (и вытеснения) подсобным и вспомогательным?

Я напомню в таком случае, что я писал в той самой статье, где доказывал и доказал, что т. Богушевский «болеет» троцкистской псевдореволюционностью:

> «... в отиошеиии капиталистнческого, кулацкого сектора деревии в районах сплошиой коллективизации, мы поставили своей задвчей ликвидацню кулачества как класса, превратив тем самым лозунг ограиичения кулачества в райоиах без сплошиой коллективизации «в лозуиг подсобный, в лозунг вспомогательиый, в отиошеиии главиого лозуига» (Сталин) — лозуига ликвидации кулачества как класса».

Что же, тов. Богушевский, говорить неправду вы превращаете в «профессию?» [1]).

Итак, вы утверждаете, тов. Богушевский, что я «недналектически отрываю ликвидацию кулачества как класса от процесса коллективизации?»

Я напомню, что я писал по этому поводу:

> «Ликвидация кулачества как класса является лишь одной из «сторон» того процесса колхозиого строительства, которым завершилось создание райоиов сплошиой коллективизации.
>
> И имеиио потому-то вопрос о ликвидации кулачества мы ставим в прямой связи с создаиием райоиов сплошной коллективизации и только с иим. Там, где колхозиое движеиие ие доросло до создвиия райоиов сплошиой коллективизации, там лозуиг ликвидации кулачества преждевремеиен и потому политически ошибочеи и вредеи» (стр. 81).

Где же здесь «отрыв», в котором обвиняет меня т. Богушевский? Тов. Богушевский, действительно, беспределен в своей лжи!

Я требую, утверждает т. Богушевский, «допустить рост кулачества». Чем и как он это «доказывает»? Ссылкой на то, что я ставлю в связь ликвидацию кулачества как класса с ростом крупной . социалистической промышленности. И тов. Богушевский вроде даже, как «яззит», смотрите, по Розенталю, де, выходит, что «кулака убьет электричество, трактор, с.-х. машина».

Тов. Богушевский явно «скромничает». Он обвиняет в оппортунизме не меня а... Ленина.

> «Если ты можешь дать государству машины, этим ты поднимешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки или сотни тысяч кулаков будут убиты» (т. XVIII, ч. I, стр. 145).

Вы кажется «выстрелили» дальше того, чем сами, вероятно, хотели тов. Богушевский.

Но это не моя вина Я честно предупреждал тов. Богушевского, кто хочет доказать слишком много, тот неизбежно бывает наказан сам.

Но все же нельзя не признать «пикантной» картину, когда Богушевский обвиняет Ленина... в оппортунизме! [2]).

---

[1]) Кстати сказать эту же ложь повторяет и т. Большаков и все в той же «За Индустриализацию» и под «ясоким» покровительством все того же Богушевского.

[2]) Здесь, кстати, я позволю себе остаиовиться иемиожко иа «истории», поскольку иа этом иастаивает тов. Богушевский.

Тов. Богушевский утверждает, что его статья, где ои доказывал, что «кулак—это жупел», попала ко мие «иа редакцию» и что имеиио со миой «в самом дружествеиином согласии» были виесеиы «з иее иезиачительиые поправки, сохраиившие, одиако, как известно, в неприкосиовеииости ее оппортуиистическую сердцевину».

Пользуюсь этим случаем для того, чтобы об явить т. Богушевского бесчестиым лгуиом и клеветииком.

Наконец, пункт шестой обвинительного акта гласит; что «по мнению Розенталя» социалистическая переделка деревни и ликвидация кулачества не могут быть допущены «до тех пор, пока наша промышленность не даст деревне в массовом масштабе трактора и электрическую энергию, пока, значит, деревня не будет электрифицирована, пока, очевидно, не будет закончен, по крайней мере, один тракторный завод».

И приведя соответствующие выдержки из постановлений ЦК партии, тов. Богушевский «обрушивается» на меня со всей силой, на какую он только способен.

«Не ясно ли, что т. Розенталь ревизует линию партии?

Не менее явно расходится установка т. Розенталя и с тем, что говорил т. Сталин на конференции аграрников-маркс.:стов».

Обвинение «тяжко». Напомню, однако, т. Богушевскому, что я писал:

> «Начавшийся великий процесс социалистической перестройки сельского хозяйства, коиечио, своими кориями уходит в гигвитский рост социалистической промышлеииости и рост ее влияиия иа всю экоиомику страиы и в том числе иа сельское хозяйство; ио бурио протекающие процессы коллективизации двлеко обгоияют возможиости крупиой социалистической промышлеииости по раднкальиой материально-техиической реконструкции сельского хозяйства, матерпальио-производствеиному обслуживанию коллективизирующейся деревии.
>
> Зиачит ли это, что мы должиы бить отбой и делать попытки сдержать, приостаиовить этот начввшийся н бурио протекающий процесс социвлистической перестройки сельского хозяйства? Отиюдь нет. Ибо, как это совершеиио правильио отмечвл т. Сталии в своем выступлеиии иа коифереиции аграрнпков-марксистов, преимущества крупиого хозяйства в земледелни очевидно ие только в колхозах развитых, имеющих машинно-тракториую базу, ио и в «колхозах первичиых, представляющик, так сказвть, мануфактуриый период колхозиого строительства и опирвющикся иа крестьяиский иивеитарь». «С виду эти колхозы как будто ие отличвются с точки зреиия техиики от мелкого крестьяиского хозяйства (мало машии, мало тракторов). А между тем, простое сложеиие крестьяиских орудий в иедрах колхоза дало такой эффект, о котором и ие мечтвли наши практики». Ииаче говоря, свм процесс коллективизации явился иовым, добавочиым, дополнительиым фактором в деле развития производительиых сил в сельском хозяйстве и притом иа социалистической осиове». (Стр. 78)

С какой же установкой т. Сталина я «расхожусь» и в чем «ревизую линию партии», т. Богушевский?

Нет и еще раз нет, имя т. Богушевского во-истину достойно занять место рядом с известным бароном Мюнхгаузеном! Его ложь также вдохновлена и также легендарно беспредельна.

Я остановился только на основных «обвинениях», пред'явленных мне Богушевским, ибо отвечать на всю ту чепуху, которую он преподносит под видом якобы моих высказываний, опровергать всю ложь, которую он громоздит одну на другую, реагировать на всю клевету, которую он столь обильно расточает, нет ни желания, ни охоты. Не должен же я, в самом деле, «дока-

---

Совершеиио верио, что пресловутая статья попала ко мие, как и весь материал, поступавший в редакцию «Большевика», поскольку я тогда был секретарем редвкции Но Богушевский лжет и лжет созиательио, когда утверждает, что я был с нею согласеи. Я настаивал иа помещеиии ее в дискуссноином, а ие редакциоииом порпдке И Богушевский это зиает.

И в подтверждеиие этого я позволю себе привести офицнальиую справку теперешиего секретаря редакции тов. Шагурина. Вот оиа:

Справка.

(На осиоваиии архивных материалов по «Большевику» № 9—10 за 1925 г.).

На первой страиице статьи т. Богушевского «О деревеиском кулаке илн о роли традиции в термиологии» имеется пометка тов. Розеиталя: «Дискуссиоиый отдел» № 9 «Большевика». В набор. Корп. № 6.

Секретарь редакции Шапурин.

3/IV—30 г.

зывать», что я нигде и никогда не утверждал «невозможности социалистического строительства», что я никогда не высказывался против «союза пролетариата и бедноты с середняком», что я нигде не проповедывал дать свободу кулаку и терпеть кулаков в районах сплошной коллективизации», что я не призывал к «свержению советской власти» и т. д. и т. п. Да и читателю, вероятно, уже хорошо известны полемические приемы Богушевского, если их можно назвать «приемами».

Лжет, лжет беспросветно, беспробудно, как осенний дождь монотонно, громоздит одну ложь на другую, совершенно не беспокоясь, что его уличат, поймают, разоблачат. Лгун-рецидивист, вот моральная характеристика моего достопочтенного «критика».

А политическая? Политическая — известна. Ведь в правом оппортунизме меня обвиняет тот самый Богушевский, который борьбу партии с перегибами понял как «оперативную паузу», как приостановку наступления на капитализм, как приостановку в дальнейшем развертывании колхозного строительства!

Это ли не типичное махровое правооппортунистическое изображение борьбы партии с перегибами? [1]).

Каковы же в общем итоги нашего малоприятного и малоинтересного «разговора» с Богушевским?

Он обвинил меня в характеристике нэпа только как отступления и на этом основании «зачислил» меня в число правых оппортунистов. Что оказалось на поверку? Ложь.

Он обвинил меня в отрицании непосредственного социалистического строительства в рамках нэпа и на этом основании причислил к правым оппортунистам. Что оказалось на поверку? Ложь.

Он обвинил меня в игнорировании классовой борьбы и опять же «зачислил» по ведомству правых уклонистов. Что оказалось на поверку? Ложь.

Он обвинил меня в отрицании лозунга ликвидации кулачества как главного лозунга. Что оказалось на поверку? Ложь.

Он обвинил меня в требовании допустить свободный рост кулачества, и, конечно, не преминул зачислить в число правых оппортунистов. Что оказалось на поверку? Ложь.

Но что же тогда осталось от хвастливого обещания Богушевского «город Пуп» сделать «самым главным пупом»?

«Город Пуп пропал из виду.
«Город Пуп совсем не город.

[1]) Тов. Богушевский пишет: «Как был так и остался т. Розенталь прямым бухаринцем». Из уст т. Богушевского такое обвинение звучит сильно комически, чтобы не сказать больше.

Тов. Бухарин писал: кулак нам не страшен, кулак врастет в социализм. Тов. Богушевский эхом отвечает: «кулак — это жупел». Кто же прямой бухаринец, тов. Богушевский?

Тов. Бухарин писал: характерное в новом этапе — антикулацкая революция». Тов. Богушевский эхом отвечает: «капитализм быстро становится злом» — «вот что нового прежде всего в нынешнем этапе». Кто же прямой бухаринец тов. Богушевский?

Правые оппортунисты утверждают, что борьба с перегибами, это — приостановка наступления на капитализм. А тов. Богушевский эхом отвечает: борьба с перегибами, это — «оперативная пауза», т.-е. все та же приостановка наступления! Кто же прямой бухаринец, т. Богушевский?

Больше того, когда я критиковал положение т. Бухарина, что новый этап характеризуется прежде всего—бурными процессами коллективизации, а что ликвидация кулачества лишь одна из сторон этого процесса, тов. Богушевский взял под защиту именно... т. Бухарина! А когда я критиковал т. Бухарина за его формулу: «сперва ломать, а потом подводить техническую базу», то и тут т. Богушевский не удержался и опять взял под защиту т. Бухарина, обвинив меня в проповеди... теории самотека!

Кто же «прямой бухаринец», тов. Богушевский?

Город Пуп не пуп, а яма.
Город Пуп не существует.
Город Пуп исчез с планеты.
Вместе с бывшей генеральшей.
С генеральскими штанами,
С каланчею и сортиром».

А за сим до свиданья мой достопочтенный «критик»!

* * *

Покончив с весьма скучным занятием — «полемикой» с Богушевским, я позволю себе прежде всего, так сказать «реставрировать» центральную идею моей статьи «На новом этапе»—идею перерастания «новой экономической политики» в политику непосредственного социалистического строительства от многочисленных Богушевско-Большаковских «наслоений».

Совершенно справедливо, конечно, что новый этап, не может быть понят вне ясного понимания всего предшествующего периода — нашего хозяйственного развития, и, прежде всего, вне ясного понимания сущности, содержания и задач новой экономической политики. Именно потому-то свою статью «На новом этапе» я и начал с характеристики нэпа.

Что я считал и считаю конечной задачей нэпа?

Установление фундамента социалистической экономики, установление социалистических форм производственных отношений во всем народном хозяйстве. Когда эта задача будет разрешена мы «отбросим нэп к чорту» [1]).

«Известную фразу в моей речи на с'езде аграрников-марксистов надо понимать так,— отвечает тов. Сталин на вопросы свердловцев,— что мы «отбросим нэп к чорту», когда уже не будем нуждаться в допущении известной свободы торговли, когда такое допущение будет давать лишь минусные результаты, когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен без торговли с ее частным оборотом, с ее допущением известного оживления капитализма».

При каких же условиях мы перестанем нуждаться в известной свободе торговли и известном оживлении капитализма? Здесь мы вплотную подходим к идее «посредственного» и «непосредственного» социалистического строительства.

«Социализм, говорил Ленин,— есть уничтожение классов». Но для того, чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и в силу необходимости длительная» (т. XVI, стр. 351).

При чем, что необходимо особо подчеркнуть, это задача общая всем странам, поскольку «почти во всех капиталистических странах может быть, за исключением Англии, существует класс мелких товарных производителей и мелких земледельцев». Вот почему, поскольку разрешена первая задача свержения капиталистов и помещиков,

«главный вопрос революции заключается теперь в борьбе против этих двух классов. Чтобы освободиться от них, необходимо применять другие методы, чем в борьбе против крупных зем-

[1]) Уже из этого видно, сколь «справедливо» утверждение т. Большакова, что нэп рассматривается мною как поражение. «Есть ли построение социализма по тов. Богушевскому—«отступление», а по т. Большакову—«поражение», то я тогда действительно за такое поражение и за такое «отступление».

землевладельцев и капиталистов. Эти оба класса мы могли просто экспроприировать и прогнать,— так мы и сделали. Но с последними капиталистическими классами, с мелкими производителями, с мелкими буржуа, которые имеются во всех странах, мы не можем поступить подобным образом». «Их нельзя экспроприировать или прогнать, здесь борьба должна вестись иначе». (Т. XVIII, ч. 1, стр. 325).

Здесь борьба ведется не за уничтожение, не за ликвидацию, не за свержение класса мелких производителей и мелких земледельцев, а за коренную перестройку их хозяйства, за переделку простых товаропроизводителей в производителей социалистических, за перевод мелкого, индивидуального обособленного товарного хозяйства в крупное, обобществленное хозяйство последовательно-социалистического типа.

Но как разрешить эту главную задачу революции после решения задачи свержения помещиков и капиталистов? Как разрешить в сельском хозяйстве, где господствует мелкое хозяйство, мелкий товаропроизводитель, ту задачу непосредственного социалистического строительства, т.-е. установления и расширения воспроизводства социалистических форм производственных отношений, которая в городе началась с переходом промышленности в руки пролетарского государства, переходом, превратившим наши государственные предприятия в предприятия последовательно-социалистического типа.

Ответ на этот вопрос зависит прежде всего от уровня промышленного развития страны, в которой совершается социалистическая революция.

> «Если крупная промышленность,— говорил Ленин,— находится в цветущем состоянии, если она может сразу снабдить крестьян достаточным количеством продуктов или большим количеством продуктов, чем прежде, и установить, таким образом, правильные отношения, между поступающими от крестьян запасами сельскохозяйственных продуктов и промышленными изделиями,— тогда крестьянство будет вполне удовлетворено, тогда крестьянство, в своей массе беспартийное крестьянство, признает силой вещей, что этот новый порядок лучше порядка капиталистического. Если говорить о цветущей крупной промышленности, способной сразу всеми потребными продуктами удовлетворить крестьянство, то это условие налицо; если взять вопрос в мировом масштабе, такая цветущая, крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми продуктами, имеется на земле, но только ее не умеют пускать в ход иначе, как для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом примененные в 1914—1918 гг.» (т. XVIII, ч. 1, стр. 433—434) [1]).

И двумя страницами далее Ленин пишет:

> «Поскольку крупная промышленность в мировом масштабе есть, постольку, бесспорно, возможен непосредственный переход к социализму, и никто не опровергает этого факта, как не опровергнет того, что эта крупная промышленность либо задыхается и создает безработицу в самых цветущих и богатых странах-победительницах, либо только и делает, что фабрикует снаряды для истребления людей. А если у нас при тех условиях отсталости, при которых мы вошли в революцию, сейчас нужного нам промышленного развития нет, то что же мы — откажемся, упадем духом? Нет. Мы перейдем

[1]) Кстати сказать, т. Богушевский весьма «язвит» по поводу употребляемого мною выражения: цветущая крупная промышленность». Что это за «цветущая», какая это такая «цветущая», «когда это наступит» — «цветущая» — ломается Богушевский. И невдомек ему, что выражение-то это не мое, а... Ленина.

«Не тогда ли, когда мы догоним и перегоним передовые капиталистические страны»? — ехидничает Богушевский. Но если это так, тогда «по Розенталю выходит, что нельзя даже приступить к социалистической перестройке сельского хозяйства». А это значит, что Розенталь против коллективизации и, следовательно, правый оппортунист.

Богушевский не изменяет себе и по-прежнему «врет за двух». В о - п е р в ы х, я не говорил, что «цветущая крупная промышленность» будет тогда, когда мы «догоним и перегоним». Свои собственные мысли Богушевский весьма бесцеремонно выдает за мои. В о - в т о р ы х, на этот счет у меня имеются совершенно точные указания в статье. «Цветущей» я называю ту промышленность, которая

к тяжелой работе, потому что верен путь, на котором мы стоим. Несомненно, путь союза народных масс есть единственный путь, на котором труд крестьянина и труд рабочего будет трудом на себя, а не трудом на эксплоататора. И для того, чтобы осуществить это в нашей обстановке, необходима та экономическая связь, которая является единственно возможной — связь через хозяйство. Вот причина нашего отступления, вот почему мы должны были притти к государственному капитализму, к концессиям, к торговле» (т. XVIII, ч. I, стр. 436).

Не имея необходимых экономических условий и предпосылок, не имея той крупной промышленности, которая была бы способна разрешить задачу социалистического переустройства сельского хозяйства, мы, осуществляя непосредственное социалистическое строительство в государственном секторе народного хозяйства, т.-е., расширенно воспроизводя последовательно-социалистический тип производственных отношений, должны были «считаться с мелким крестьянином как мелким крестьянином», не ломая общественно-экономического его уклада, а оживляя, овладевая им по мере его оживления и используя это оживление для создания крупной социалистической промышленности, которая, как это подчеркивал Ленин, «одна и только одна» является «действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для социалистического общества» (т. XVIII, ч. I, стр. 260).

Вот почему Ленин не уставал указывать, что «наша основная задача— восстановление крупной промышленности» (т. XVIII, ч. I, стр. 261), и что, не разрешив этой задачи, мы не сможем перейти к разрешению задачи непосредственно социалистического строительства, т.-е. установлению в массовом масштабе социалистических производственных отношений, в деревне.

Таким образом, отказавшись на первом этапе нэпа от задачи непосредственно социалистического переустройства сельского хозяйства, мы должны были найти те посредствующие звенья и переходные меры, которые позволили бы нам в конечном счете перейти к разрешению и этой задачи—главной и труднейшей задачи нашей революции. Именно в этом и заключался тот величайший стратегический маневр, который мы называем «новой экономической политикой».

Что же это были за посредствующие звенья и переходные меры, которые должны были нас подвести к разрешению задачи непосредственно социалистического строительства, т.-е. установлению в массовом масштабе социалистических форм производственных отношений в сельском хозяйстве?

Таким «посредствующим звеном» была, прежде всего, крупная социалистическая промышленность. Являясь делом непосредственного социалистического строительства, поскольку наши предприятия есть предприятия последовательно-социалистического типа, создание крупной социалистической промышленности в свою очередь являлось лишь посредствующим звеном (основой, условием, предпосылкой) к непосредственному социалистическому строительству в сельском хозяйстве, во всем народном хозяйстве [1]).

способна приступить к социалистическому переустройству сельского хозяйства. А в - т р е т ь и х, я прямо писал «налицо у ж е имеется такая промышленность, которая способна и в силах приступить к разрешению и у ж е начала разрешать задачу социалистического преобразования деревни» (стр. 82).

Какие цели преследует Богушевский, громоздя весь этот Монблан лжи?

[1]) Сильно комичное впечатление производит утверждение тов. Богушевского, что у меня ничего не говорится о «командных высотах». В самом деле, «соображает» т. Богушевский, говорит человек о промышленности, говорит о том, что развитие промышленности — «основная задача», а о «командных высотах» — что называется,—ни гу-гу! Очевидно, т. Богушевский не знает, что наша промышленность и есть основная важнейшая и решающая «командная высота». По человечеству, мы, конечно, можем т. Богушевскому посочувствовать в его девственности и невинности по части понимания весьма элементарных вещей, но от редактора (редактора!!!) органа промышленности можно было бы потребовать не так уже афишировать своим невежеством.

Ах уже это «соображение» тов. Богушевского! Вечно оно его подводит!

Таким «посредствующим звеном» являлась далее кооперация, рост которой, как это указывал Ленин,—тождественен с ростом социализма. Кооперируя мелкое простое товарное производство в сфере обращения, мы тем самым, внедряя идею кооперации в толщу бедняцко-середняцких масс, подготовляем почву для перехода к высшим формам кооперации — производственному кооперированию — колхозам [1].

Таким «посредствующим звеном» является, наконец, рост пролетариата, рост его культурного развития и политического уровня, рост его влияния среди трудящихся и, в первую очередь, среди бедняцко-середняцких масс крестьянства.

Но все это те «посредствующие звенья», которые по сути своей являлись выражением непосредственно социалистического строительства.

До тех же пор, пока эти «посредствующие звенья» не получили такого значения, которое позволило бы нам перейти к непосредственному социалистическому строительству в сельском хозяйстве, мы вынуждены были «считаться с мелким крестьянином, как мелким крестьянином». А это означало что мы должны были пойти на такие «посредствующие звенья, как допущение известной свободы торговли, как допущение известного оживления капитализма, как допущение концессий и т. д. [2]). Иначе говоря, до тех пор, пока у нас не было необходимых условий и предпосылок мы должны были базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах: крупной социалистической промышленности и мелко-товарном крестьянском хозяйстве. Но

> «можно ли в продолжении более или менее долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и об'единенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства?» — спрашивал т. Сталин. И отвечал: «Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства».

И все эти «посредствующие звенья» и переходные меры должны были служить одной генеральной задаче: непосредственному социалистическому

[1]) Кстати сказать, тов. Богушевский «уличает» меня в том, что у меня-де «совершенно выпал кооперативный план Ленина (!!), вернее уложен в одну единственную фразу, запрятанную в скобки». Тов. Богушевский даже двух восклицательных знаков не пожалел, уличив меня в столь позорном «проступке».

Но страшен сон, да милостив бог. О кооперации я говорю в ряде мест, а переходя к установлению причин, вызывавших движение бедняцко-середняцких масс к колхозным формам хозяйства, и указав, что «основные причины этого великого движения крестьянства к социализму могут быть сведены к четырем решающим и важнейшим» (стр. 76) в числе этих четырех причин выдвигаю кооперацию специальным пунктом, идущим под номером «2», в чем может убедиться всякий желающий, заглянувший на стр. 79, № 5 «Большевика».

А что значит тогда утверждение тов. Богушевского? Что он мелкий и жалкий лгунишка!

[2]) Что отнюдь не исключало, а предполагало политику ограничения и вытеснения капиталистических элементов города и деревни. Вот почему я и писал: «с этих позиций началось постепенное наступление на капитализм: восстановление и создание крупной социалистической промышленности, овладение торгово-посредническим оборотом, замещение социалистическим сектором вытесняемого капиталистического сектора...» (стр. 71).

Вот почему я писал, что задачей нэпа являлось «ограничение и вытеснение капиталистических элементов народного хозяйства» (стр. 73) и см. стр. 74, 75, 76 и дальше.

Но что тогда означает утверждение т. Большакова, что по Розенталю-де выходит, что нэп характеризуется «не проведением политики вытеснения и ограничения капиталистических элементов в городе и деревне, а только допущением их роста»? То, что т. Большаков неизменно следует по проторенной дорожке т. Богушевского и говорит неправду.

строительству в деревне, установлению в массовом масштабе социалистических форм производственных отношений в сельском хозяйстве, а следовательно, и непосредственному социалистическому строительству во всем народном хозяйстве, ибо только на основе социалистического переустройства сельского хозяйства можно перейти к последовательно-социалистическим формам связи сельского хозяйства и промышленности.

Но если признать, что известная свобода торговли не является непосредственным социалистическим строительством, а лишь посредствующим звеном в деле социалистического переустройства сельского хозяйства, а не признать этого — нельзя;

если признать, что известное оживление капитализма не является непосредственным социалистическим строительством, а лишь посредствующим звеном в деле социалистического строительства, а не признать этого—нельзя;

если признать, что известная свобода кулачеству не является непосредственным социалистическим строительством, а лишь посредствующим звеном в деле социалистического строительства, а не признать этого — нельзя;

если признать, наконец, что и концессии являются лишь посредствующим звеном в деле социалистического строительства, но отнюдь не выражением непосредственно социалистического строительства, а не признать этого—нельзя,—

то мы в праве сказать, что новая экономическая политика была совокупностью таких мероприятий пролетарского государства в деле социалистического строительства, которые через ряд посредствующих звеньев и переходных мер (из которых одни, как социалистическая промышленность, кооперация и т. д., являлись в то же время выражением уже осуществляемого непосредственного социалистического строительства) должны были подвести к разрешению задач непосредственно социалистического строительства в об'еме всего народного хозяйства, коренной ломке старого общественно-экономического уклада деревни на базе мощной социалистической крупной промышленности — основы основ социализма и кооперации.

И тогда, наконец, мы в праве сказать, что когда будут созданы необходимые условия и предпосылки для того, чтобы

> «перейти к разрешению задач непосредственного социалистического строительства, когда минует необходимость переходных мер и посредствующих звеньев, эта экономическая политика будет не нужна, будет излишней, и мы должны будем перейти к иной политике — политике непосредственного социалистического строительства. От ряда долгих, постепенных, осторожных, «реформистских», «осадных» действий мы должны будем перейти к новому штурму, но уже в иных условиях, в иной обстановке, с иной организованностью, с иным соотношением сил борющихся классов». (Стр. 74) [1]).

[1]) Кстати сказать, употребленное мною выражение, что с переходом к нэпу мы перешли от штурма «к осаде, от революционных к «реформистским» методам действия» — вызвало взрыв возмущения и негодования со стороны тов. Большакова. Как так к «реформистским!», да ведь это — «подмена революционного действия эволюционным пониманием экономического развития!» Да ведь такая оценка нэпа «давалась всеми нашими врагами!».

Успокойтесь тов. Большаков! И послушайте лучше, что писал Ленин: «с весны 1921 года мы на место этого подхода, плана, метода, системы действий (речь идет о военном коммунизме. (*Р. К.* ставим... совершенно иной—типа реформистского».

«Совершенно иной подход к задаче».

«По сравнению с прежним, революционным, это — подход реформистский (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше» (т. XVIII, ч. I, стр. 410).

Странно, странно у вас получается т. Большаков. Сперва построение социализма признали «поражением», а затем в число «наших врагов» зачислили... Ленина!

С вашей рреволюционностью, т. Большаков, да еще в соединении с «жупелом», тов. Богушевского только и пугать замоскворецких купчих...

Мы «отбросим нэп к чорту»,—говорил тов. Сталин,—«когда не будем нуждаться в известной свободе торговли», «когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен, без торговли с ее частным оборотом, с ее допущением известного оживления капитализма», т.-е. тогда, когда в деле социалистического строительства мы сумеем обойтись без «посредствующих звеньев» и особых «переходных мер».

Именно в этом и заключается двойственная природа и диалектика нэпа. Допустив рыночные формы хозяйственной связи, считаясь с мелким крестьянином как мелким крестьянином, допустив известную свободу капитализма как в городе, так и в деревне, социализм вступил в бой с капитализмом, пользуясь его собственным оружием, и в этом бою, оттесняя и завоевывая у капитализма одну позицию за другой, одерживая над ним одну победу за другой, подводя к разрешению основной и труднейшей задачи революции — социалистическому переустройству сельского хозяйства, уничтожению классов и созданию фундамента социалистической экономики, и тем самым превращая в излишние, ненужные и вредные такие «посредствующие звенья» и «переходные меры», как: известная свобода торговли, известная свобода капитализма и т. д.

Начав с торговых форм смычки, мы все больше переходим к производственным формам смычки.

Начав в значительной степени со стихийно рыночных форм хозяйственной связи города и деревни, мы постепенно начали переходить к иным формам: системе договоров и контрактации.

Начав с известного оживления капитализма, мы все больше и все стремительнее его ограничивали и вытесняли.

Начав с оживления старого общественно-экономического уклада в деревне, мы все в большей степени им овладевали и подчиняли своему влиянию.

И в этом отношении известным рубежом в развитии нэпа явился XV с'езд партии. Достаточно напомнить резолюции XV с'езда по отчету ЦК и «О работе в деревне».

В резолюции по отчету ЦК говорится:

> «Необходимо поставить в качестве первоочередной задачи на основе дальнейшего кооперирования, постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли, на основе интенсификации и машинизации земледелия), всемерно поддерживая и поощряя ростки обобществленного сельскохозяйственного труда».
>
> «В настоящий период,—говорится о резолюции «О работе в деревне»,— задача об'единения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные хозяйства, должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне».

И дальше:

> «В соответствии с задачей всемерного поощрения об'единения мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, система сельхозкредита должна направить свое главное внимание на поддержку и развитие производственного кооперирования широких бедняцко-середняцких масс».

Таким образом, если до XV с'езда партии непосредственное социалистическое строительство, т.-е. расширенное воспроизводство последовательно-социалистического типа производственных отношений в основном шло мимо деревни, не затрагивая основ производственных отношений в деревне, то уже XV с'езд эту задачу социалистического переустройства деревни выдвигает в качестве «основной задачи» «в настоящий период», требуя, чтобы на ее разрешение было направлено «главное внимание».

В этом же направлении идет и решение партии о системе договоров и контрактаций с.-х. продукции.

> «Эта форма,—говорится в резолюции «О работе в деревне»,—может и должна служить в дальнейшем одним из важнейших средств кооперирования самого крестьянского производства в подлинном смысле этого слова, т.-е. добровольного об'единения мелких производителей, связанных через кооперацию с социалистической промышленностью».

И дальше резолюция прямо требует:

> «Оказывать всемерную поддержку развитию практики договорных отношений (контрактация и т. п.) между кооперированным крестьянством и госорганами, устанавливающих непосредственную смычку между крестьянским хозяйством и соответствующими отраслями социализированной промышленности (сахарная промышленность, текстильная и др.) и облегчающих государственно-плановое регулирование сельского хозяйства соответствующих районов и отраслей».

Таким образом, XV с'езд партии прямо указывает те пути, по которым пойдет преодоление рыночных форм хозяйственной связи, переход от стихийно-рыночных методов регулирования сельского хозяйства к государственно-плановому его регулированию. Вся последующая практика показала величайшую жизненность этих решений XV с'езда и система договоров и контрактации уже превратилась в важнейшую форму хозяйственных связей города и деревни.

Наконец, именно в этом же направлении действовали и решения XV с'езда партии о необходимости перейти к политике «еще более решительного хозяйственного вытеснения» частно-капиталистического хозяйства, перейти «к дальнейшему, более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника». Ибо этим решением, помимо прямого вытеснения кулака, значительно подрезался стимул у середняка «перерасти» в кулака.

Таким образом, если говорить о «датах» в периодизации «нэпа», то можно сказать, что решениями XV с'езда партии было положено начало преодолению мелкого товарного бедняцко-середняцкого хозяйства, начало преодоления торговли.

Чем же в таком случае, характеризуется тот новый этап в развитии нашей революции, в который мы вступили с лета 1929 года?

Бурными процессами коллективизации, все бо́льшим переходом бедняцко-середняцких масс деревни к коллективным формам хозяйства. Что это значит? Это значит, что если раньше непосредственное социалистическое строительство, т.-е. расширенное воспроизводство последовательно-социалистического типа производственных отношений в значительной степени шло мимо деревни, не затрагивало (в массовом масштабе) производственных отношений простого товарного хозяйства, то теперь мы вступили в такой период, когда в этот процесс непосредственно социалистического строительства оказалось вовлеченным и притом, что особенно важно, именно в массовом масштабе бедняцко-середняцкое крестьянское хозяйство. Рушатся «привычные» устои крестьянского хозяйства, рушатся традиции веков, и крестьянство широкой лавиной двинулось к коллективным формам труда. Один за другим создаются районы сплошной коллективизации, перерастающие в области сплошной коллективизации[1]).

---

[1]) Как истый «диалектик» т. Большаков решительно не понимает, что «осада» не только не исключает, а предполагает наступление. Однако формы наступления могут быть разные: рассчитанные на ряд осторожных движений и маневров, рассчитанные на постепенное, медленное продвижение вперед и рассчитанные на стремительное продвижение вперед на «штурм». Нет сомнения, что именно первый вид «наступления» на простое товарное хозяйство имел место до лета 1929 года и в основном и второй — после лета 1929 г., когда необходимые условия и предпосылки были налицо и когда мы имели бурный рост колхозного строительства.

Вся прошлая политика партии дала теперь свои «итоги»: период посредствующих звеньев и переходных мер начал перерастать в период непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве.

И этот процесс не может и не мог не найти своего отражения в экономической политике партии.

Торговля — этот один из «конститутивных» признаков нэпа

> «начинает,— писал я,— но только начинает, перерастать в социалистический продуктообмен. При чем агентом со стороны сельского хозяйства выступает не индивидуальное крестьянское хозяйство, а колхоз. Торговля начинает, но только начинает, переставать быть основным связующим звеном города и деревни, промышленности и сельского хозяйства, преодолевая через контрактацию договор, через производственные формы смычки в социалистический продуктообмен» (стр. 83).

Роль местного рынка и местного товарооборота в районах сплошной коллективизации уже начинает сужаться и будет сужаться все больше, по мере перехода к высшим формам колхозного строительства и замещаться социалистическим продуктообменом. Когда этот процесс будет завершен, тогда мы «отбросим нэп к чорту».

Что мы имеем сейчас? Какие формы хозяйственной связи города и деревни мы имеем сейчас? Мы имеем и торговые формы хозяйственной связи и находящиеся, правда, еще только в начальной стадии развития формы социалистического продуктообмена между городом и деревней. Является ли развернутый социалистический продуктообмен между социалистической промышленностью и коллективизированным (а не индивидуальным) крестьянским хозяйством «конститутивным» признаком нэпа? Конечно, нет. Такой переход к социалистическому продуктообмену означает, что нэп окончательно завершен и может быть отброшен за прямой ненадобностью. Значит, политика социалистического продуктообмена является отличной от «новой экономической политики», является новой по отношению к этой последней. В каком направлении идет развитие хозяйственных связей между городом и деревней? От торговли, через контрактацию, через производственные формы смычки к социалистическому продуктообмену [1]). Иначе говоря, «новая экономическая политика» в своем основном и решающем, что является «конститутивным» признаком нэпа—форма хозяйственных связей—начинает перерастать в другую политику—политику непосредственного социалистического строительства. Но, повторяю, только когда этот процесс будет завершен, мы «отбросим нэп к чорту».

Результатом чего является этот процесс перерастания торговли в социалистический продуктообмен? Результатом бурных процессов коллективизации, результатом социалистического переустройства сельского хозяйства, результатом установления и расширенного воспроизводства социалистических форм производственных отношений в сельском хозяйстве. Результатом того, что с переходом к непосредственному социалистическому строительству в деревне мы вступили в такой период, когда «посредствующие звенья» и «переходные места» к этому непосредственному социалистическому

[1]) Кстати сказать, и здесь т. Богушевский не удержался, чтобы не сказать очередную неправду. Я писал: «Торговля начинает, но только начинает, переставать быть основным связующим звеном города и деревни, промышленности и сельского хозяйства, преодолевается через контрактацию, договор, производственные формы смычки в социалистический продуктообмен» (стр. 83).

А т. Богушевский обвиняет меня: 1) что я ничего не говорю о производственных формах смычки, 2) что я выношу производственные формы смычки за пределы нэпа! Если т. Богушевский считает что преодоление торговли уже выходит за пределы нэпа, то это его личное дело. Но не надо уподобляться той блудливой кукушке, которая свои яйца раскладывает по чужим гнездам!

строительству начинают, но только начинают, становиться излишними, ненужными.

Такое же положение мы имеем и в нашей политике по отношению к кулаку. Известное допущение существования кулака было «посредствующим звеном», было «переходной мерой», когда нашей задачей было во что бы то ни стало, какой угодно ценой поднять из бездны разрухи сельское хозяйство, когда нашей основной задачей в деревне было поднятие индивидуального бедняцко-середняцкого крестьянского хозяйства. В этих условиях допущение существования кулака было результатом того, что запретительными мерами против кулака мы неизбежно задели бы и хозяйственные интересы середняка. И политика партии сводилась не к «запрещению» кулака, а к его ограничению и вытеснению.

XV с'езд партии, поставив в качестве первоочередной и основной задачи постепенный переход к коллективным формам хозяйства, одновременно (ибо это сторона того же процесса) дал лозунг перейти «к дальнейшему более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника». В принципе, однако, политика партии в отношении кулака оставалась неизмененной: ограничивать и вытеснять. Таким образом, в качестве «посредствующего звена» и «переходной меры» сохранялось, до поры до времени, известное допущение существования кулака.

Положение в корне изменилось, когда в районах сплошной коллективизации мы выдвинули лозунг: «ликвидации кулачества как класса», тем самым превратив лозунг «ограничения и вытеснения» в районах не сплошной коллективизации в лозунг вспомогательный, подсобный к главному лозунгу. Изменилось ли что-либо в нашей политике в отношении кулака, или этот лозунг ликвидации кулачества как класса является продолжением нашей прежней политики ограничения и вытеснения?

Тов. Сталин на этот вопрос дал исчерпывающий ответ в своей статье «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса».

> «Понятно,— пишет т. Сталин,— что политика ликвидации кулачества как класса не могла упасть с неба. Она была подготовлена всем предыдущим периодом ограничения, а значит и вытеснения капиталистических элементов деревни. Но это еще не значит, что она не отличается коренным образом от политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни, что она является будто-бы продолжением политики ограничения. Говорить так, как говорит наш автор — значит отрицать наличие перелома в развитии деревни с лета 1929 г. Говорить так — значит отрицать тот факт, что мы проделали за этот период поворот в политике нашей партии в деревне. Говорить так,— значит создавать некоторое идеологическое укрытие для правых элементов нашей партии, цепляющихся теперь за решения XV с'езда против новой политики партии, так же как цеплялся в свое время т. Фрумкин за решения XIV с'езда против политики насаждения колхозов и совхозов.
>
> Из чего исходил XV с'езд, провозглашая усиление политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Из того, что, несмотря на это ограничение кулачества, кулачество как класс все же должно оставаться до поры до времени. На этом основании XV с'езд оставил в силе закон об аренде земли, прекрасно зная, что арендатором в своей массе являются кулаки. На этом основании XV с'езд оставил в силе закон о найме труда в деревне, потребовав его точного проведения в жизнь. На этом основании была еще раз провозглашена недопустимость раскулачивания. Противоречат ли эти законы и эти постановления политике ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Безусловно нет. Противоречат ли эти законы и эти постановления политике ликвидации кулачества как класса? Безусловно, да! Стало быть, эти законы и эти постановления придется теперь отложить в сторону в районах сплошной коллективизации, сфера распространения которой растет не по дням, а по часам. Впрочем, они уже отложены в сторону самим ходом колхозного движения в районах сплошной коллективизации.

Можно ли после этого утверждать, что политика ликвидации кулачества как класса есть продолжение политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Ясно, что нельзя».

«Стало быть, нынешняя политика партии в деревне есть не продолжение старой политики, а поворот от старой политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике ликвидации кулачества как класса».

Что все это значит? Это значит, что предоставление возможности кулаку существовать «до поры, до времени» было на определенном этапе развития нашей революции необходимым «посредствующим звеном», необходимой «переходной мерой». Но по мере того, как мы перешли к непосредственному социалистическому строительству в деревне, по мере того, как начали создаваться районы сплошной коллективизации, необходимость в этом «посредствующем звене» начала исчезать, превращалась во вредную помеху в районах сплошной коллективизации. Выражением чего является в таком случае этот «поворот от старой политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике ликвидации кулачества как класса»? Выражением начавшегося процесса перерастания «новой экономической политики» в политику непосредственного социалистического строительства.

Движение широчайших бедняцко-середняцких масс к колхозным формам хозяйства, создание районов сплошной коллективизации и ликвидация кулачества как класса, начавшийся процесс перерастания торговли в социалистический продуктообмен и т. д.,— все это непреложное свидетельство того, что мы вступили в процесс перерастания новой экономической политики в политику непосредственного социалистического строительства. И именно потому, что мы находимся только на начальном этапе этого процесса, величайшей политической ошибкой было бы перескакивание через этот «процесс». Явным «лево»-оппортунистическим, об'ективно троцкистским антисередняцким заскоком являются попытки «отменить нэп», «ликвидировать» нэп и т. д.

И когда завершится этот процесс перерастания «новой экономической политики» в политику непосредственного социалистического строительства, тогда мы «отбросим нэп к чорту» и будем, так сказать, в «чистом» виде осуществлять политику непосредственного строительства, т. е. политику расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений во всем народном хозяйстве.

Что же у нас сейчас две политики, или одна? Глупый вопрос, выдающий с головой механистическое мышление вопрошающего [1] Но новая эконо-

---

[1]) Кстати о механистах. И т. Богушевский и тов. Большаков обвиняют меня в механистических взглядах на том основании, что я не был и, к сведению этих товарищей остаюсь несогласным с т. Роках, отрицавшим необходимость соблюдения известной пропорциональности трудовых затрат в советском хозяйстве.

Я напомню, в таком случае, тт. Богушевскому и Большакову, что писал Ленин. В замечаниях на книгу т. Бухарина,— «Экономика переходного периода», против того места, где т. Бухарин говорит о точке зрения «равновесия», Ленин на полях пишет: «не точнее ли говорить о «необходимости известной пропорциональности», чем о точке зрения равновесия? Точнее, вернее, ибо об'ективно первое. в второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму».

Итак, в то время, как Ленин считает правильным говорить о «необходимости известной пропорциональности», ибо это «точнее, вернее» и «об'ективно», тт. Богушевский и Большаков считают это выражением «механистических богдановских взглядов».

Не везет вам т. Богушевский и т. Большаков. И ничего-то ровным счетом не поняли вы в той дискуссии, которая велась вокруг «закона трудовых затрат», ошибочно исходившего из неизменности пропорций в распределении общественного труда (см. Богданова, Бухарина, Леонтьева).

мическая политика будет отброшена к чорту с завершением в основном переходного периода. Это формула — формула процесса и ее не поймет тот, кто привык мыслить: да—да, нет—нет, а что свыше, то—то лукавого.

Мы находимся в таком периоде, когда «новая экономическая политика» только начав постепенно, по мере роста и усиления крупной социалистической промышленности, по мере все большего развития колхозного строительства и увеличения районов сплошной коллективизации, по мере перехода от торговли к социалистическому продуктообмену будет все больше перерастать в политику непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве.

И именно потому-то неверным, ошибочным и политически вредным являются разговоры об «отмене» и «ликвидации» нэпа, о «смерти» нэпа и т. п. Мы только находимся у самого начала этого движения, этого процесса перерастания новой экономической политики, политики «посредствующих звеньев» и «переходных мер» в политику непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве; и мы должны это отчетливо понимать для того, чтобы избежать как «лево»-оппортунистических заскоков (рассматривающих существующую систему хозяйства, как «сплошное социалистическое плато» и потому считающих возможным уже снять вопрос: «кто-кого?»), так и правооппортунистических попыток задержать, приостановить начавшийся процесс непосредственного социалистического переустройства всего народного хозяйства».

Мы «отбросим нэп к чорту», «когда он перестанет служить делу социализма». С этими словами тов. Сталина как будто все согласны. Но надо обладать исключительной наивностью, надо быть «пустобаем-пустобрехом», надо быть, короче говоря, Богушевским, для того, чтобы думать, что это «отбрасывание» нэпа к чорту произойдет одним махом в таком-то часу, такого-то дня и числа, такого-то месяца и такого-то года.

Казбек Бутаев.

О новом этапе нэпа.

I. Диалектика нэпа.

Точный учет соотношения классовых сил и конкретного состояния общественно-экономического уклада в стране к моменту окончания гражданской войны, как известно, определил крутой *поворот* в методах строительства социализма: от военно-коммунистических к нэповским. Нэп в этом отношении был *отрицанием военного коммунизма, его «снятием»*. Но он унаследовал от периода военного коммунизма такой общественно-экономический уклад в стране, на базе которого *прямой, непосредственный переход к социализму* от мелкого производства, преобладающего в стране, оказался невозможным. Нэп поэтому должен был построить свое содержание на этом общественно-экономическом базисе. Этот базис — *пять различных хозяйственных укладов страны*, образующих противоречивое единство советского народного хозяйства, в котором, с одной стороны, преобладало *мелкое производство*, а с другой — находилось в состоянии отсталости, значительного упадка и разрушения крупное социалистическое промышленное производство. Благодаря этому *своеобразию* хозяйственного состояния страны, соотношению классов и разрыву хозяйственной связи между экономикой мелкого крестьянства и экономикой, которую строил рабочий класс, экономическая политика военного коммунизма к концу гражданской войны перестала быть «*отвечающей хозяйственным интересам пролетариата и крестьянства*»..., в то время как «... при условии *громадного преобладания крестьянского населения*, нашей главной задачей и политики вообще и политики экономической в частности является *установление определенных отношений между рабочим классом и крестьянством*» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 147).

> «Мы сделали ту ошибку,—говорил Ленин,—что решили *произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению*».. *Наша новая экономическая политика, по сути ее, в том и состоит, что мы в этом приеме потерпели сильное поражение и стали производить стратегическое отступление* (т. XVIII, ч. I, стр. 372)[1].

Ошибка эта заключалась не в том, что мы совершали прямой непосредственный переход к социализму вопреки теоретической и практической невозможности вообще этого перехода или совершали его от крупного производства, а в том, что мы совершали этот переход в условиях отсталости и разорения крупной промышленности от мелкого и мельчайшего производства, преобладающего в стране. Эта ошибка заключалась и не в том, что мы не учли какую-то об'ективно-непреодолимую невозможность непосредственного перехода к социализму от этого мелкого производства, от патри-

[1]) Разрядка везде моя, где не оговорено обратное. *К. Б.*

архальщины. Прямой непосредственный переход от мелкого производства к социализму возможен при победе пролетарской революции и укреплении пролетарской диктатуры. Но для этого необходимо наличие крупной развитой социалистической промышленности в стране, способной стать основой для социалистической реконструкции мелкого и мельчайшего земледелия в крупное обобществленное, социалистическое.

> «Если бы мы имели государство,—говорит Ленин,—в котором *преобладает крупная промышленность, или же, скажем, не преобладает, но очень сильно развита и очень развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен*» (т. XVIII, ч. I, стр. 151).

Так как в стране в период военного коммунизма не было ни цветущей крупной промышленности, ни крупного производства в земледелии, которые могли бы явиться базой и средством к непосредственному переходу к социализму от мелкого производства путем производственного кооперирования мелких индивидуальных хозяйств и переделки их в крупные социалистические экономии, то такой «непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению» методами военного коммунизма превышал «наши наличные силы» (Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 90). И мы должны были произвести *отступление*, отступление от методов непосредственного «коммунизирования» *всего* производства в стране, к методам *нэповским*, которые в иной форме, иными, обходными, посредствующими «переходными мерами» *во-первых*, продолжали в иной хозяйственной обстановке и иными методами прямое непосредственное социалистическое строительство в области промышленности и товарооборота и подготовили предпосылки к социалистическому наступлению во всем народном хозяйстве, во-вторых, обеспечили это наступление так, что стал возможным непосредственный переход от мелкого производства к социализму. Поэтому нэп как отступление с самого своего начала заключал в себе момент подготовки *к новому наступлению и само это наступление новыми нэповскими методами*.

> «Мы сейчас отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, *а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием* мы отступили назад в *проведении нашей новой экономической политики*». (Ленин, том XVIII, ч. 2, стр. 103).

В чем заключалось и заключается это нэповское *отступление, подготовка к наступлению и наступление социализма*?

> «Правильной политикой пролетариата,—говорит Ленин,—осуществляющего свою диктатуру в мелко-крестьянской стране, является *обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину*. Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна *укрепить основы социализма* и привести к его полной победе. *Продналог есть переход к ней*» (том XVIII, ч. I, стр. 214).

Правильная и единственно правильная политика пролетариата, таким образом, заключается в *социалистическом продуктообмене* между промышленностью и сельским хозяйством, между экономикой пролетариата и экономикой трудящегося крестьянства.

> «Социализированная фабрика дает крестьянину свои продукты, а крестьянин за это дает хлеб. *Это единственная возможная форма существования социалистического общества, единственная форма социалистического строительства в стране*, где мелкий крестьянин составляет большинство или по крайней мере очень значительное меньшинство» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 331).

Политика «разверстки» не только не была осуществлением этой правильной политики и этой «единственной формой социалистического строи-

тельства» в стране, где наряду с гегемоном-пролетариатом, существует «большинство мелких крестьян», но прямо противоречило ей. Поэтому замена разверстки продналогом была одной из переходных мер, которые приближали нас к этой правильной политике, к правильному социалистическому продуктообмену между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством, между пролетариатом и мелким крестьянством».

> «Замена разверстки продналогом—вот в чем суть нашей экономической политики, это суть самая простая» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 434). А «продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену» (т. XVIII, ч. I, стр. 214).

Политика продналога, таким образом, еще не обеспечивала полностью «правильного социалистического продуктообмена», «правильной политики пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелко-крестьянской стране», а была одной из переходных мер к достижению ее, приближению к ней. Поэтому нэп с этой точки зрения нельзя считать отступлением в том смысле, что мы принятием нэпа отступили дальше от правильного социалистического продуктообмена. Наоборот, мы принятием нэпа с его продналогом приблизились к правильной политике, ибо «продналог есть переход к ней» к правильному социалистическому продуктообмену. Продналог открыл возможность его осуществления, предполагал его. Однако, благодаря преобладанию мелко-собственнического товарного производства в стране, с одной стороны, и невозможности снабдить крестьянство продуктами социалистической промышленности в массовом масштабе, вследствие упадка, разорения и отсталости последней, с другой, — предполагаемый продуктообмен превратился в товарообмен; «одну часть крестьянин «давал» в виде налога, а другую часть — в обмен на продукты социалистической фабрики или через товарообмен» (Ленин т. XVIII, ч. I, стр. 331), так что строить приходилось «двояко: посредством налога, во-первых, и товарообмена, во-вторых» (там же стр. 289). Но и это «отступление оказалось недостаточным» (стр. 398). Развился местный товарооборот, который превратился в обыкновенную торговлю. Натуральный налог (продналог) превратился в денежный. Частный рынок оказался сильнее, чем предполагалось.

> «Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность как единственную основу социалистической организации. Что же оказалось? Оказалось, что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу... С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 398).

Это случилось в силу тех же причин: разорения и отсталости социалистической промышленности и преобладания мелких индивидуальных производителей в стране, в особенности в земледелии, и в силу того, что

> «торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов, индустрии, способной и по своей технической мощи и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большом количестве быстрее и дешевле, чем прежде» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 413).

Поэтому мы не только отступили к продналогу и продуктообмену, но отступили сперва к натуральному налогу и товарообмену, а потом к тор-

говле, денежному налогу, к купле и продаже, к товарно-денежным и рыночным отношениям. Это отступление поставило перед нами необходимую и неотложную задачу «государственного регулирования торговли и денежного обращения» (т. XVIII, ч. I, стр. 399). Наше государство должно было стать «оптовым торговцем», «вести оптовую торговлю, решать торговую коммерческую задачу, ибо в этот момент торговля была тем звеном цепи событий и отношений, ухватившись за которое всеми силами можно было подготовить прочно переход к следующему звену. «Торговля — вот то «звено» в исторической цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства» *1921—1922* годов, за которое надо было «всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических экономических отношений не создать» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 412).

Отступление к товарно-денежным отношениям, к торговле с ее государственным регулированием было конечным пунктом отступления. Овладение торговлей, подчинение ее «своему собственному контролю», охват оптовой торговли государством и розничной кооперативной торговлей, регулируемой со стороны государства, обобществление всего товарооборота, — все это было подготовкой к новому решающему наступлению, все это было завоеванием плацдарма к этому наступлению, к непосредственному переходу к социализму от мелкого производства в стране, все это — «переходные меры нашего социалистического строительства» и в то же время непосредственное строительство социализма в области обращения в старых товарно-денежных формах; все это — подготовка перехода к «правильной политике пролетариата» к социалистическому продуктообмену между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством на новой основе: крупного сельскохозяйственного кооперативного производства. Обобществление товарооборота в формах государственной и кооперативной торговли не есть еще продуктообмен. Но это обобществление есть подготовка перехода к продуктообмену и обеспечение этого перехода. Переход же к продуктообмену, к правильному, социалистическому продуктообмену есть последний этап той новой экономической политики, которая началась с провозглашения продналога как одной из форм перехода к социалистическому продуктообмену, но которая на этом лозунге не удержалась и отступила к торговле, к простой купле-продаже. Обратный переход от торговли, через регулируемый товарооборот, через обобществленный товарообмен к правильному продуктообмену есть наступление этой политики, а следовательно ее завершение и ее «снятие» как особой политики. Нэп по этой линии, по линии форм обмена и хозяйственных связей между укладами, включает в себя отступление, подготовку к наступлению и само это наступление. Завершением наступления завершается диалектический цикл нэпа. Путь нэпа начался от продуктообмена и, пройдя товарообмен, торговлю, обобществленный товарооборот, завершается социалистическим продуктообменом, базирующимся уже не на социалистическую промышленность и мелкое производство в земледелии, а на крупное социалистическое производство и там и здесь [1]).

[1]) Было бы поэтому совершенно неверным представлять нэп такой политикой, которая допускает известную свободу товарооборота и только и на этом основании утверждать, что переход к продуктообмену уже есть «ликвидация нэпа» «закат нэпа», «сокращение об'ема нэпа» и т. д. Равным образом неудачным и не-

Было бы, однако, совершенно недостаточным и *неправильным* судить о нэпе *только* по диалектике нэповской формы обмена. Диалектика нэповского товарообмена есть форма проявления диалектики развития системы производственных отношений в советском хозяйстве, диалектики борьбы социалистических отношений с капиталистическими и победы первых над вторыми. Она же есть форма движения тех глубоких процессов, которые происходили и происходят в соотношениях экономических укладов и классов в стране. Это не значит, что сама форма обмена, а следовательно, и нэповский товарообмен не имеет своих внутренних противоречий и своей внутренней логики движения и не оказывает обратного действия на те отношения и их движения, формой проявления которых она является [1]).

Нэп был принят партией и рабочим классом потому, что он должен был служить делу социализма. И он должен был служить социализму, допуская известную свободу товарообмена, не только и не столько обобществлением *только* товарооборота и переходом к продуктообмену, но и развитием и обобществлением *производства*, развитием той базы и тех рычагов, которые обеспечивают *непосредственный переход к социализму от мелкого производства*, а тем самым—и подведением твердой базы под социалистический продуктообмен. Если бы мы ограничились только областью обращения, *формой нэпа*, мы не поняли бы достаточно ясно и глубоко и самую диалектику изменения и развития этой формы и попали бы в лоно Карлов Реннеров, об'являющих «процесс обращения высшим законодателем и судьей» и тех, кто говорил еще совсем недавно о «процессе обращения» как об единственном пути социалистического преобразования мелкого производства в стране (т. Бухарин).

> *Если нет цветущей крупной промышленности*,—говорит Ленин, — *способной организоваться так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство*, никакого иного выхода для постепенного развития могучего *союза рабочих и крестьян*, *кроме как путь торговли* и постепенного *поднятия земледелия и промышленности* над их теперешним состоянием под руководством и контролем рабочего государства—*никакого иного пути нет. Абсолютная необходимость нас к этому привела. И только в этом состоит основа и сущность нашей новой экономической политики* (т. XVIII, ч. I, стр. 434—35).

Нэп был, следовательно, отступлением к тем «переходным мерам» и «посредствующим звеньям», которые должны были обеспечить и обеспечили, *во-первых*, под'ем и развитие социалистической промышленности как базы и основного рычага социалистической реконструкции всего народного хозяйства, следовательно, непосредственное строительство социализма в обла-

верным является тезис, выставленный т. *Розенталем*, что «*в истории переходного периода новая экономическая политика является «пред'историей» к непосредственному социалистическому строительству во всем* (курсив автора—*К. Б.*) *народном хозяйстве...*» («Большевик», № 5—стр. 69—1930 г.), и что начало перерастания торговли в социалистический продуктообмен не укладывается в рамки «новой экономической политики» (стр. 83, 82). Такое представление о нэпе не является диалектическим, ленинским.

[1]) «Производство является в последнем счете решающим. Но как только *торговля* продуктами обособляется от производства в собственном смысле, она следует *своему собственному движению*, над которым в общем и целом *господствует* производство, но в отдельных частностях и внутри этой общей зависимости, она, торговля, все же следует своим *собственным законам*, которые присущи природе этого нового фактора. У этого движения (торговли) есть свои собственные фазы, и, в свою очередь, оно оказывает «*обратное действие* на движение производства» (*Маркс и Энгельс* «Письма», стр. 307). «*Товарообмен сам по себе* не предполагает никаких иных отношений зависимости, кроме тех, которые вытекают *из его собственной природы*» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 137).

сти крупного производства в стране, *во-вторых*, под'ем и развитие производительных сил в тех хозяйственных формах, от которых прямой непосредственный переход к социализму оказался невозможным к концу периода военного коммунизма и, *в-третьих*, могучий союз двух основных классов нашей страны, под руководством рабочего класса, соотношение между которыми определяло общественно-политическое состояние и хозяйственное развитие страны.

В такой народно-хозяйственной и общественно-классовой обстановке, которую мы имели к 1921 году в нашей стране, нужно было думать не о немедленной массовой и тем более о сплошной социалистической реконструкции сельского хозяйства, а о создании *условий и предпосылок* к этой реконструкции. Единственной же основой для этого являлась и является *крупная* широко развитая социалистическая промышленность, способная реорганизовать и земледелие.

При наличии же еще невосстановленной крупной промышленности, ее слабого развития, а следовательно, невозможности дать сельскому хозяйству тракторы в массовом масштабе, электрификацию в массовом масштабе, мы должны были ухватиться за то *звено цепи*, ухватившись за которое мы удержали в своих руках всю цепь, ведущую все хозяйство к социализму на этом этапе и дающую возможность прочно подготовиться к переходу к следующему этапу. Этим основным звеном наравне с торговлей было *индивидуальное мелкое сельское хозяйство*. Оно с помощью товарооборота обеспечивало тогда развитие главной и решающей предпосылки социалистической реконструкции — *крупной промышленности*.

Это отступление к «посредствующим звеньям» было условием прочной *подготовки* к новому наступлению. Из содержания нэпа как отступления, с одной стороны, подготовки к наступлению и самого этого наступления — с другой — вытекала его «двойственная природа», рост его противоречий и в то же время рост условий и предпосылок для преодоления этих противоречий. Период подготовки не был *только* подготовкой. Само понятие подготовки к решительному социалистическому наступлению предполагает непосредственное строительство социализма, расширенное воспроизводство социалистических отношений в решающей и ведущей отрасли народного хозяйства — промышленности. Поэтому период подготовки к непосредственному переходу от мелкого производства к решительному наступлению на капиталистические элементы в хозяйстве был в то же время периодом социалистического наступления в промышленности, обусловившего собою и обобществление товарооборота в стране. В этот период «переходных мер» происходил *бурный* процесс восстановления и дальнейшего развития социалистической промышленности как базы социализма и социалистического наступления на капиталистические формы хозяйства. В силу социалистических производственных отношений в ней, активно воздействующих на развитие производительных сил, больших производственных возможностей, более высокой производительности труда темпы расширенного воспроизводства социалистической промышленности *обгоняли* темпы развития всех других отраслей народного хозяйства, в том числе, в особенности, темпы развития индивидуального сельского хозяйства. Это обстоятельство определило, с одной стороны — диспропорцию темпов развития сельского хозяйства и промышленности, вследствие чего сельское хозяйство — к моменту исчерпания возможностей более или менее быстрого развития производительных сил мелких индивидуальных хозяйств — оказалось «узким местом» для всего народного хозяйства.

С другой стороны, нэп обеспечил под'ем и развитие распыленного индивидуального сельского хозяйства в пределах тех производственных возмож-

ностей, которыми вообще располагает мелкое индивидуальное хозяйство. Это было результатом первого этапа нэпа как политики «не ломать общественно-хозяйственного уклада страны», пока не было крупной социалистической промышленности, способной реорганизовать земледелие. Этот результат сопровождался абсолютным ростом кулацко-капиталистических хозяйств и капиталистических отношений в деревне, который был, в свою очередь, результатом политики «ограничения и вытеснения» и который находил свою прочную базу в мелко-товарном и крестьянском производстве.

Рост и расширенное воспроизводство социалистической промышленности — с одной стороны — и неспособность к расширенному воспроизводству мелко-товарного индивидуального крестьянского хозяйства—с другой—обусловили сохранение социально-экономических противоречий между обоими укладами, а на основе указанной выше диспропорции темпов их развития — даже известное обострение этого противоречия. Рост же капитализма, с одной стороны, и более ускоренный рост социалистического сектора и его экономического наступления на капиталистические элементы на базе политики «ограничения и вытеснения»—с другой,—обусловили рост и обострение противоречий между социалистическим сектором и капиталистическим, а следовательно, и обострение классовой борьбы в стране. Наряду со всем этим развитие социалистической промышленности подготовило базу для глубокой социалистической реконструкции самой промышленности и социалистической реконструкции сельского хозяйства путем сплошной коллективизации мелких индивидуальных крестьянских хозяйств и одновременной ликвидации кулацко-капиталистического сектора в земледелии.

Таким образом, период подготовки к генеральному наступлению социализма был периодом сохранения мелкого производства и существующего и растущего на его базе капитализма, с одной стороны, и, с другой—периодом непосредственного социалистического строительства в области промышленности и обращения, и, следовательно, экономического наступления социализма в стране на основе помощи мелкому производству и ограничения капитализма с тем, чтобы на новом этапе перейти к сплошному наступлению социализма в нашей стране путем непосредственного перехода от мелкого производства к социализму и ликвидации капитализма в сельском хозяйстве.

Следовательно, нэп как метод и форма социалистического наступления включал в себя момент собственного *своего отрицания*. Но наряду с этим нэп как отступление включал в себя и моменты противоположной — социалистическому наступлению — тенденции. Эти последние вытекали из второй стороны нэпа как метода частно-хозяйственной формы под'ема развития производительных сил, как условия, обеспечивающего под'ем мелко-товарного, мелко-собственнического сельскохозяйственного производства, а следовательно, условия сохранения и известного роста капитализма в стране.

«Замена разверстки налогом, — говорил Ленин, — означает, что *кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор*» (т. XVIII, ч. I, стр. 145).

При отсутствии *цветущей* крупной социалистической промышленности, при отсутствии крупного производства в сельском хозяйстве страны, обеспечивающего при достаточном развитии промышленности *прямой переход к социализму* во всей стране, нэп обеспечивал под'ем производительных сил в тех социально-экономических формах, сочетание которых составляло своеобразие экономики страны. Но нэп не был бы особой экономической политикой пролетарского государства, если бы он не был рассчитан на *победу* социалистической формы развития производительных сил и социалистических элементов хозяйства над капиталистическими и на *преобразование* мелкого и мельчайшего производства в крупное социалистическое. Если бы это задание нэпу не было его *основным*, все остальное себе подчиняющим содержанием, то он не был бы методом социалистического строительства, а следовательно, не мог бы служить делу социализма.

«Нэп, — говорит т. Сталин, — *есть особая политика пролетарского государства*, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот пролетарского государства, рассчитанная *на борьбу элементов капиталистических и социалистических*, рассчитанная *на возрастание роли социалистических элементов* в ущерб элементам капиталистическим, *рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики*».

Кто не понимает этой *переходной, двойственной природы нэпа*, тот отходит от ленинизма (Стеногр. отчет XIV парт'езда, стр. 493).

Именно потому, что нэп включал в себя эти тенденции развития хозяйства, именно поэтому он, как особая политика пролетарского государства, содержал в себе с самого начала своего существования момент своего собственного диалектического отрицания, как метода и формы социалистического строительства, когда «Россия *нэповская*» станет «Россией социалистической» (Ленин). Тогда, следовательно, будет завершен цикл *наступления* нэпа, он отпадет как ненужная форма социалистического строительства, как особая политика пролетарского государства.

Нэп был рассчитан на борьбу социалистических отношений с капиталистическими и на *победу* первых над вторыми. Этот расчет базировался на об'ективно данной *возможности* победы социалистических отношений над капиталистическими в нашей стране — возможности, условием действительной реализации которой была *правильная*—с точки зрения интересов социалистического строительства — политика пролетарского государства.

«*Основная экономическая сила*,—говорил Ленин в 1922 г.,—все *решающие* крупные предприятия, железные дороги и т. д.—*они все в наших руках*... *Экономическая сила в руках пролетарского государства России совершенно достаточна для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму*». (Ленин, том XVIII, ч. 2, стр. 39).

«*Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего*, или какой-нибудь *отвлеченной* картины, или какой-нибудь иконы... *Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться*. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней задачей и как много трудностей она нам ни причиняет,—*все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая*. (т. XVIII, ч. 2, стр. 100—101).

«С точки зрения основной экономической проблемы диктатуры пролетариата у нас *обеспечена победа, победа коммунизма над капитализмом*» (т. XVI, стр. 350).

Вопрос «кто-кого» при этой экономической силе в руках пролетариата, обеспечивающей победу социализма в нашей стране, сводился к *борьбе* за скорейшую действительную реализацию этой возможности, к борьбе против капиталистических тенденций, чтобы эти последние не могли захлестнуть эту возможность, а вместе с ней и условия ее реализации.

Это *не значит*, однако, что для капитализма в нашей стране, *осталось меньше базы*, меньше возможностей развития. «Пока мы живем в мелко-крестьянской стране, — говорил Ленин, — *для капитализ-*

ма в России есть более прочная экономическая база, чем
для коммунизма» (т. XVII, стр. 427).
Эту «более прочную экономическую базу» капитализма составляло
в нашей стране «мелкокрестьянское хозяйство, не способное на расширен-
ное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую
силу в нашем народном хозяйстве»[1]). Ибо сила капитализма
у нас держится на силе мелкого производства, этой основы, фундамента
и корней внутреннего врага — капитализма. И именно потому, что это мел-
кокрестьянское хозяйство составляло преобладающую силу и было неспо-
собно в своей массе к расширенному воспроизводству, ибо «прогрессивное
ухудшение условий производства и вздорожание средств производства—
необходимый закон мелкой собственности» (Маркс, «Капитал», I), именно
поэтому это хозяйство составляло более прочную базу для капитализма
в нашей стране, чем для социализма. Ибо тенденции к расширенному воспро-
изводству мелкотоварного хозяйства (взятого само по себе) являются по
существу тенденциями к расширенному воспроизводству капиталистических
отношений. Однако, решающая экономическая сила, сосредоточенная в ру-
ках пролетариата при правильной политике пролетарского государства по
усиленной работе по электрификации страны, по социали-
стической индустриализации, по подведению технической базы
современной крупной промышленности под все народное хозяйство обес-
печивала реализацию возможности победы социализ-
ма, «ибо мы можем уничтожить возможность (разрядка автора.
К. Б.) восстановления капитализма, можем выкорчевать корни капита-
лизма и добиться окончательной победы над капитализ-
мом»[2]). Вот поэтому-то эта борьба являлась и является не просто «сорев-
нованием с точки зрения развития форм хозяйства и форм общественного
уклада», а «отчаянной, бешеной, если не последней, то
близкой к тому, борьбой не на живот, а на смерть между
капитализмом и коммунизмом». (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 39).

Нэп, следовательно, — такая политика пролетарского государства, со-
держанием которой является борьба за решение «кто-кого», и само
решение этой проблемы в пользу социализма. Нэп должен был обеспе-
чить это решение в пользу социализма, следовательно, должен бы служить
социализму, а не капитализму. Эта историческая миссия нэпа неизбежно
должна привести к «изживанию» его самого, как метода и формы социали-
стического строительства, — следовательно — к его «снятию» и диалекти-
ческому отрицанию. В этом заключается диалектический цикл развития
нэпа.

Новый этап, в который мы вступили с 1928/29 года в свете этой диалек-
тики развития содержания нэпа — есть его последний этап, этап его
завершения, когда преобладает социалистическое наступление не только в
области крупного производства — промышленности, но и в области мелкого
производства — в земледелии, когда осуществляются уже не только «посред-
ствующие меры» для подготовки условий и предпосылок к непосредственному
переходу к социализму от мелкого производства, но и самый переход
от мелкого производства в земледелии к социализму
путем сплошной коллективизации и одновременной
ликвидации кулачества как класса.

Огромные успехи по социалистической индустриализации, по под'ему
и развитию крупной промышленности, по непосредственному строительству
социализма в ней, которые мы одержали до теперешнего нового этапа, опре-
делили собою содержание этого последнего как этапа глубокой

1) И. Сталин. «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 7.

2) И. Сталин. «Речь на пленуме МК и МКК», стр. 9.

социалистической реконструкции экономики страны, этапа прямого непосредственного перехода к социализму от мелкого производства в земледелии.

Что дает основание говорить о новом этапе нэпа, как об этапе прямого перехода к социализму мелкого производства в земледелии?

Во-первых, «мы становимся страной металлической, страной автомобильной, страной тракторизации» (Сталин), страной индустриальной. Мы имеем уже такую промышленность, которая на наших глазах стала и еще более становится способной реорганизовать сельское хозяйство и которая уже может в настоящий и ближайший год дать стране сотни тысяч тракторов. А что означает дать стране сотни тысяч тракторов? Это означает, во-первых, что средний крестьянин сказал и продолжает говорить действительным, а не административным и не искусственным размахом колхозного движения, что он уже за «коммунню». Это означает, во-вторых, что «если ты можешь дать государству машины, этим ты поднимаешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки и сотни тысяч мелких кулаков будут убиты». (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 145).

Во-вторых, мы имеем уже налицо огромный и быстрый рост крупного социалистического производства в сельском хозяйстве (совхозы и колхозы). Этот рост позволяет уже теперь заменить крупное кулацкое производство в сельском хозяйстве крупным социалистическим.

> «Теперь у нас имеется достаточная материальная база для того, чтобы ударить по кулачеству, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов. Известно, что производство хлеба в совхозах и колхозах в 1929 г. составляло не менее 400 м. пудов (на 200 м. пудов меньше, чем валовая продукция кулацкого хозяйства в 1927 г.). Известно далее, что в 1929 г. колхозы и совхозы дали товарного хлеба более 130 млн. (т.-е. больше, чем кулак в 1927 г.). В 1930 г. валовая хлебная продукция колхозов и совхозов будет составлять не менее 900 млн. пуд. (т.-е. более, чем валовая продукция кулаков в 1927 г.), а товарного хлеба дадут они не менее 400 млн. пуд. (т.-е. несравненно больше, чем кулак в 1927 г.)». (И. Сталин. «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 28—29).

На базе этих двух решающих достижений по пути социалистического строительства в нашей стране мы вошли в новый этап социалистического строительства как этап прямого перехода к социализму от мелкого производства, в новый последний этап нэпа.

Этот этап поэтому характеризуется: 1) *процессом последнего и решительного боя за окончательное решение «кто-кого» внутри страны в условиях обостреннейшей классовой борьбы, 2) процессом массовой и глубокой социалистической реконструкции сельского хозяйства путем сплошной коллективизации, имеющей своим содержанием социалистическую переделку, а следовательно, уничтожение мелко-товарной и натурально-патриархальной формы производства, с одной стороны, и одновременной ликвидацией на этой базе капиталистического сектора в сельском хозяйстве, с другой; 3) процессом уничтожения противоречий между сельским хозяйством и промышленностью, а следовательно, и противоположности между городом и деревней; 4) процессом обеспечения расширенного воспроизводства мелкому крестьянскому хозяйству по линии социалистического укрупнения, а следовательно, процессом социалистического расширения воспроизводства в деревне; 5) процессом уничтожения классов, с одной стороны, по линии переделки мелкого индивидуального производителя, с другой — по линии ликвидации кулачества как класса; 6) процессом превращения товарооборота в стране в социалистический продуктообмен и вместе с тем процессом ликвидации стоимостных отношений; 7) процессом ликвидации стихийно-*

рыночных отношений в стране, и большего охвата всего народного хозяйства прямым непосредственным планированием; 8) процессом реорганизации всей системы хозяйствования и приближения ее к системе хозяйствования социалистического общества; 9) процессом изменения существа денежно-кредитной системы и 10) значительной переделкой природы социалистических производителей, значительной ломкой старых бытовых отношений, значительным охватом строительства социалистических поселений, ростом культуры и т. д.

Все эти моменты составляют основное содержание нового этапа нэпа, как этапа прямого перехода к социализму от мелко-крестьянского производства в стране на базе развивающейся максимально высокими темпами социалистической промышленности и крупного социалистического производства в сельском хозяйстве.

Является ли вся эта политика принципиально новой, по сравнению с предыдущим этапом нэпа? Да, является. Ибо мы перешли к политике прямого непосредственного перехода к социализму от мелкого производства от патриархальщины в земледелии путем сплошной коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств, ибо мы перешли от политики ограничения и вытеснения к политике ликвидации кулацко-капиталистических элементов в деревне на базе сплошной коллективизации, ибо мы перешли к расширенному социалистическому воспроизводству в деревне, а тем самым и к уничтожению противоположности между социалистическим городом и индивидуальной мелко-крестьянской деревней; ибо мы перешли к уничтожению классов путем ликвидации кулачества как класса и переделки мелких производителей в земледелии.

Но умещается ли эта новая политика в рамках нэпа? Да, умещается. Ибо нэп рассчитан на победу социалистических элементов над капиталистическими, на переделку мелко-крестьянского сельского хозяйства в крупное социалистическое, на уничтожение капитализма и на «постройку фундамента социалистической экономики» и на уничтожение классов. Ибо «Россия нэповская» должна стать непосредственно «Россией социалистической» и нэповский товарооборот должен окончиться социалистическим продуктообменом. Диалектическим завершением и «снятием» нэпа, таким образом, кончается переходный период от капитализма к социализму [1]).

Продналог, с которого начал нэп — есть переход к правильному социалистическому продуктообмену. «А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 214). Нэп, таким образом, завершает переход к социализму в условиях нашей страны с ее особенностями, вызванными «преобладанием мелкого крестьянства в населении».

(Окончание статьи в след. номере).

---

[1]) Тов. Розенталь утверждает: «Можно ли сказать, что то новое (разрядка автора—*К. Б.)* в экономической политике, которое уже имеется, уклады-вается в рамки нэпа? Конечно нет. Это—разная политика» (стр. 84). Значит мы имеем теперь две политики: нэп и другую отличную от него и «сверх» него новую политику. Значит мы имеем начало нового посленэповского этапа в переходном периоде. Мы думаем, что такая установка неправильна. Ибо «Россия нэповская» непосредственно без промежуточных ступеней ст-новится «Россией социалистической» и новый этап и новая теперешняя политика включаются в содержание нэпа, в его период сплошного наступления.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Об одном „опыте автобиографии“.

> «Не может быть большего идейного падения для революционного политика, как обманывать массы!»
> (Л. Троцкий, «Моя жизнь»).

Человека, который вздумал бы изучать историю нашей революции «по Троцкому», ждет жестокое разочарование. Ибо никакой истории, даже очень суб'ективно окрашенной, в его книжке «Моя жизнь» нет. Но «человеческий документ» получился ярчайший.

> «... Эта книга не бесстрастная фотография моей жизни, а ее составная часть. На этих страницах я продолжаю ту борьбу, которой посвящена вся моя жизнь. Излагая, я характеризую и оцениваю, рассказывая, я защищаюсь и еще чаще нападаю. Мне думается, что это единственный способ сделать биографию об'ективной в некотором более высоком смысле, т.-е. сделать ее наиболее адэкватным выражением лица, условий и эпохи» [1]).

Это, конечно, не наилучший способ дать «адэкватное выражение» «условий и эпохи», и в том смысле «Моя жизнь» Троцкого ничего не дает, как увидит читатель на ряде примеров. «Адэкватное выражение лица» она дает даже в большей степени, чем самому «лицу» это нужно. Едва ли Троцкий, занимаясь «опытом» своей автобиографии, думал подвести себе окончательный итог как историческому деятелю. Едва ли этой книжкой он собирался зачислить себя окончательно «по истории». А между тем после «Моей жизни» говорить о Троцком, как руководителе чего бы и кого бы то ни было, так же мало возможно как о Керенском.

Сравнение этих двух фигур неотразимо навязывается, когда читаешь «Мою жизнь».

> «Керенского Ленин называл хвастунишкой. К этому немного можно прибавить и сейчас. Керенский был и остался случайной фигурой, временщиком исторической минуты. Каждая новая могучая волна революции, вовлекающая девственные, еще неразборчивые массы, неизбежно поднимала наверх таких героев на час, которые сейчас же слепнут от собственного блеска» [2]).

Это — автохарактеристика под видом характеристики другого. Подбирая материал для этой статьи, я отвел сначала для рубрики «хвастовство» (не завести такой рубрики нельзя было — слишком уж било в глаза) одну строчку. Оказалось, мало. Я прибавил вторую. И этого было мало. Я должен был прибавить третью. Не хватило и ее, и пришлось вписывать ссылки на страницы под строками, между строками, сбоку, сверху, снизу. Нет никакой возможности привести здесь хотя бы большую часть отмеченного — получилась бы хрестоматия в пару десятков печатных листов. Я ограничиваюсь самыми яркими примерами, дающими, кстати, понятие о тоне всей книжки.

---

[1]) «Моя жизнь», т. I, стр. 7.
[2]) «М. ж.», II, стр. 8.

Я пропускаю примеры хвастовства, относящиеся ко временам детства,— хвастовства своими пятерками, тем, что ранец был всегда в порядке, ученическая книжка всегда на месте и тому подобным. Это — мелко, но нужно сказать, что это мелко не только для критика, а и для автора. Ведь этот автор притязал не более, не менее, как на то, чтобы быть наследником Ленина — заявлял претензию на позицию мирового значения, на роль всемирно-исторического деятеля. Как к этому идет любование своими гимназическими успехами!

Но вот перед нами Троцкий — уже крупная политическая фигура. Пришел 1905 год. «13-го ноября мы поставили в блоке с меньшевиками большой политический орган «Начало». Тираж газеты рос не по дням, а по часам. Большевистская «Новая Жизнь» без Ленина была сероватой. «Начало», наоборот, пользовалось гигантским успехом. Думаю, что оно ближе, чем какое бы то ни было другое издание за полвека, подходило к своему классическому прототипу, «Новой Рейнской Газете» Маркса в 1848 году» [1] (!!).

После этого совершенно понятно, что «переписка Маркса и Энгельса была для меня (Троцкого. *М. П.) не* теоретическим, но психологическим откровением... я убеждался на каждой странице, что с этими двумя меня связывает непосредственное психологическое сродство. Их отношение к людям было мне близко. Я догадывался о том, чего они не досказывали, разделял их симпатии, негодовал и ненавидел вместе с ними. Маркс и Энгельс были революционеры насквозь...» [2]).

Приходит вторая революция, первое поражение — июльские дни. «Ленин и Зиновьев скрылись». «Ленина не было». «Ленин, об'явленный немецким шпионом, скрывался в шалаше» [3]). Это повторяется и припоминается при каждом удобном и неудобном случае, вскрывая истинные чувства пишущего к тому, перед кем он, простите за выражение, с самым подлым лицемерием якобы преклоняется на всем протяжении своей книжки.

«Большевистская фракция ЦИК чувствовала себя сиротливо в здании Таврического дворца. Она послала за мною делегацию с просьбой сделать доклад о создавшемся положении, несмотря на то, что я все еще не был членом партии: формальный акт об'единения был отложен до предстоящего вскоре партийного с'езда. Я, разумеется, охотно согласился (!!). Моя беседа с большевистской фракцией установила такие нравственные связи, которые создаются только под тяжкими ударами врага. Я говорил, что за этим кризисом нас ожидает быстрый под'ем, что масса вдвое привяжется к нам, когда проверит нашу верность на деле; что надо в эти дни зорко глядеть за всяким революционером, ибо в подобные моменты люди взвешиваются на безошибочных весах. И сейчас я с радостью вспоминаю, как тепло и благодарно меня провожала фракция» [4]).

У Достоевского в «Селе Степанчикове» выведен один отставной литератор, превратившийся в помещичьего приживала, Фома Опискин, — воображающий себя центральной фигурой всего литературного мира, выше Пушкина, выше Лермонтова. Ему кажется, что все, что было значительного в его время, не только в литературе, его имеет своим первоисточником. Сгорела Казань — он пожертвовал свой (воображаемый — его никто не печатал) гонорар на ее отстройку. «Так это ты, батюшка — Казань-то отстроил?» спрашивают его ошеломленные его величием мужички, крепостные его хозяина,— единственная публика, перед которой мог хвастаться заштатный литератор. «Да, и моего тут капля меду есть!» — снисходительно соглашается Опискин. Когда читаешь Троцкого, так и хочется спросить все время: «Так, это ты, батюшка, революцию-то сделал?». Но Опискин был скромнее автора «Моей жизни». Он все-таки соглашался, что Казань не совсем он один отстроил, а только содействовал. У Троцкого мы читаем:

[1]) «М. ж.», I, 204.
[2]) 240.
[3]) II, 34, 36, 233.
[4]) «М. ж.», II, 35.

«...В период подготовки октябрьского переворота Ленин скрывался в Финляндии, Каменев, Зиновьев, Рыков, Калинин были противниками восстания, о Сталине же никто ничего не знал (!). В результате этого партия связывала октябрьский переворот преимущественно с моим именем» [1]).

Он, он, всю Казань он один построил. И кто же мог стать в отстроенном им граде градоправителем? Все он же, конечно. Глава «У власти» начинается с таких замечательных строк:

«Те дни были необыкновенными днями и в жизни страны, и в личной жизни. Напряжение социальных страстей, как и личных сил, достигало высшей точки. Массы создавали эпоху, руководители чувствовали, что их шаги сливаются с шагами истории» [2]).

Благодаря легкой неграмотности последней фразы, можно подумать, что «их» шаги — это шаги масс. Но это же совершенно нелепая картина: «шаги масс» это и есть история. Получаются шаги шагов истории — масляное масло. «Их» шаги — это шаги р у к о в о д и т е л е й. Каждый шаг Троцкого был шагом истории. Правда, был еще Ленин,—но, мы видели уже, в критическую минуту он «бежал», и, не будь Троцкого, бедной большевистской фракции ЦИК так и не узнать бы перспектив революции. А когда тот же Троцкий «сделал» и самое революцию, Ленин превратился в некоторое подобие сатрапа из известной басни: «Все подписывал, что тот (не секретарь, как в басне, а Троцкий) ни подавал».

«Современная литература о разногласиях Троцкого и Ленина перегружена апокрифами. Бывали, конечно, разногласия. Но неизмеримо чаще бывало так, что мы приходили к одному и тому же выводу, обменявшись двумя словами по телефону или независимо друг от друга. Когда выяснилось, что мы смотрим на вопрос одинаково, то уже ни он, ни я не сомневались, что проведем нужное решение. В тех случаях, когда Ленин опасался чьей-либо серьезной оппозиции своим проектам, он напоминал мне по телефону: «Непременно приходите на заседание, я вам дам слово первому». Я брал слово на несколько минут, Ленин раза два во время моей речи говорил «правильно», это предрешало вопрос... При моем расхождении с Лениным могли вспыхнуть и вспыхивали иногда большие прения. В случае же нашего согласия, обсуждение всегда бывало очень коротким» [3]). «В подавляющем большинстве случаев решения, к которым мы приходили порознь с Лениным, во всем основном совпадали. Взаимное понимание достигалось с полуслова. Когда мне казалось, что решение Политбюро или Совнаркома может сложиться неправильно, я посылал Ленину записочку на клочке бумаги. Он отвечал: «Совершенно верно. Внесите предложение». Иногда он мне посылал запрос: «Согласен ли я с его предложением и требовал моего выступления на поддержку ему» [4]).

Я не исчерпал и десятой доли подобных мест — они кишат, как комары над болотом. Но и приведенного, я думаю, достаточно, чтобы доказать, что в 1917 году мы имели не одного, а двух хвастунишек... Второй, открывшийся в этом качестве лишь ныне, был, конечно, умнее первого. Он умел связаться с тою силой, шаги которой были, действительно, «шагами истории» — уцепившись за эту силу, он тащился за революцией гораздо дольше, чем его предшественник. Но в основе и там и тут лежал один и тот же факт, факт «девственности» «еще не разборчивых масс». Когда эти массы прозрели и стали разбираться, роль Троцкого как «вождя» должна была кончиться. Но он успел уже «ослепнуть от собственного блеска»—и не увидал этого.

[1]) «М. ж.», II, 233.
[2]) II, 55.
[3]) II, 79—80.
[4]) Там же, 195—196.

Не увидали этого и некоторые другие, ослепленные заимствованным блеском своего героя. В этом была трагедия троцкизма. Не придавая выбору «вождей» такого значения, какое придавал ему сам Троцкий в своих «Уроках Октября», приходится все же признать, что кое-какое, и не второстепенное, значение этот выбор имеет: это и Маркс признавал. Неудачный выбор в вожди «улучшенного и дополненного издания» «...... Александра Федоровича» был не из последних условий, определивших быстрый и бесславный конец троцкистской оппозиции.

«Каждый настоящий оратор знает минуты, когда его устами говорит что-то более сильное, чем он сам в свои обыденные часы. Эта сила—«вдохновение». Оно возникает из высшего творческого напряжения всех сил. Бессознательное поднимается из глубокого логова и подчиняет себе сознательную работу мысли, сливает ее с собою в каком-то высшем единстве» [1]).

В этой самохарактеристике, нечаянно, дано об'яснение того, как и откуда возникают Керенские и Троцкие. Для настоящего политического вождя ораторский талант служит орудием его влияния: Керенские и Троцкие служат орудием своего ораторского таланта. Он высоко поднимает их над массой, которую они привыкают видеть только с трибуны. Митинги в цирке Модерн — одна из самых ярких страниц «Моей жизни».

«Моментами казалось, что ощущаешь губами требовательную пытливость этой слившейся воедино толпы. Тогда намеченные заранее доводы и слова позабывались, отступали под повелительным нажимом сочувствия, а из-под спуда выходили во всеоружии другие слова, другие доводы, неожиданные для оратора, но нужные массе. И тогда чудилось, будто сам слушаешь оратора чуть-чуть со стороны, не поспеваешь за ним мыслью и тревожишься только, чтобы он, как сомнамбул, не сорвался с карниза от голоса твоего резонерства. Таков был цирк Модерн» [2]).

Понять, что на высокий карниз поднимает оратора только обаяние его таланта, что вне этого таланта оратор, может быть, ниже многих из его слушателей,— отчетливо понять это мог бы только очень умный человек: но такой человек уже не был бы «сомнамбулом», это был бы уже законный кандидат в вожди, и судьба Керенского его бы не постигла. И такой книжки, как «Моя жизнь», он бы не написал — ибо он понял бы, что такая книжка компрометирует его больше, чем целая библиотека, написанная его противниками. «Бессознательное» сыграло плохую шутку над Троцким.

Но мы дали бы очень слабое представление о «Моей жизни», если бы читатель подумал, что она есть только наивное проявление «бессознательного» в ее авторе — не больше. Такое представление было бы ниже «философии истории» самого Троцкого. Эту «философию истории» стоит привести хотя бы по одному уже тому, что ее автор парадировал десятилетия в качестве марксиста. Так вот его «марксизм».

«Широко говоря, весь исторический процесс есть преломление закономерного через случайное. Если пользоваться языком биологии, то можно сказать, что историческая закономерность осуществляется через естественный отбор случайностей. На этой основе развертывается сознательная человеческая деятельность, которая подвергает случайности искусственному отбору...» [3]).

В книжке Троцкого не одно бессознательное. Здесь есть и «сознательная человеческая деятельность», которая подвергала «случайности», то бишь исторические факты, «искусственному отбору». Чрезвычайно искусственному, сейчас увидит читатель,— хотя и не весьма искусному.

И тут, в противоположность «бессознательному», приходится говорить и о детстве. Ибо хотя рассказывается о ребенке, но писал не ребенок — писал более чем взрослый человек, с огромным политическим грузом за плечами. Писал кандидат на место Ленина в нашей революции.

[1]) II, 56.
[2]) Там же, стр. 16.
[3]) II, 234.

Откуда он вышел и как он оценивает ту среду, с которой он связан своим рождением?

«Отец мой был земледельцем, сперва мелким, потом более крупным» [1]).

Пробежав еще одну страницу, начинаешь думать, что в подчеркнутом (мною. *М. П.*) слове есть опечатка,— пропущен один слог. Но нет. Вот, дальше характеристика матери Троцкого:

«Переброшенная из губернского города в степную деревню молодая женщина не сразу вошла в суровые условия сельского хозяйства, но зато вошла полностью и с той поры не выходила из трудовой упряжки в течение почти 45 лет... Земля, скот, птица, мельница требовали всего внимания без остатка. Времена года сменяли друг друга и волны земледельческого труда перекатывались через семейные привязанности...» [2]).

Нет, «земледелец» в первой цитате не опечатка. Посмотрим, что же это было за «трудовое земледельческое хозяйство». «Отец купил у Яновского свыше 100 десятин, да десятин 200 держал в аренде». Что же он собственным трудом все это обрабатывал? Конечно, нет.

«Постоянных рабочих, не покидавших экономии круглый год, было немного. Главную массу, исчисляющуюся сотнями в годы больших посевов, составляли сроковые рабочие—киевцы, черниговцы, полтавцы, которых нанимали до Покрова, то-есть до первого октября».

За проданное зерно старик Бронштейн получал тысячами рублей за одну партию. Из одного примера мы узнаем, что он отправлял на рынок сразу по 20 тысяч пудов пшеницы (поднятие цены на пятачек с пуда дало ему 1000 рублей) [3]).

Я впервые прочел «Мою жизнь» по-немецки — и был убежден, что такие вещи можно писать со всею откровенностью и без комментариев только для заграничного, притом буржуазного читателя. Тот, конечно, все это проглотит и не поперхнется. «Кулак» для германского буржуа есть самый заправский «труженик» — чего вы еще хотите? Буржуа, сам иногда сидящий в своей конторе по 12 часов кряду, и себя, конечно, считает «тружеником». Но для кого предназначен русский текст, где все это воспроизведено буква в букву? Неужели для тех рабочих, негодование которых против ЦК Троцкий пытался разжечь уверениями, что партия держит «курс на кулака», и которых он приглашал «повернуть огонь направо — против кулака, нэпмана и бюрократа»?

Отец Троцкого был типичный крупный кулак уже в период детства будущего автора «Моей жизни». Это был вовсе не труженик - земледелец, а деревенский эксплоататор, о приемах которого даже его сын не находит сказать ничего лучше того, что он был эксплоататором не хуже других той же породы. Вот как описывает Троцкий житье рабочих своего отца:

«Жильем служило чистое поле, я дождливую погоду—стога. На обед—постный борщ и каша, на ужин—пшенная похлебка. Мяса не давали вовсе, жиры отпускались только растительные и в скудном количестве. На этой почве начиналось иногда брожение. Рабочие покидали жнивье, собирались во дворе, ложились в тень амбаров животами вниз, загибали вверх босые, потрескавшиеся, исколотые соломой ноги и ждали. Им давали кислого молока или арбузов, или полмешка тарани (сушеной воблы), и они снова уходили на работу, нередко с песней. Так происходило во всех экономиях... В одно лето пришлые рабочие повально заболели куриной слепотой. В сумерки они медленно передвигались, вытянув вперед руки. Гостивший в деревне

[1]) I, 22.
[2]) Там же, 34—35. Разрядка опять моя. *М.П.*
[3]) Там же, стр. 23, 30, 42.

племянник матери (М., о котором мы позже узнаем, что это был умеренный либерал с легким налетом народнического социализма,—отнюдь не революционер какой-нибудь. *М. П.)* написал об этом корреспонденцию, которую заметили в земстве и прислали инспектора. На «корреспондента», которого очень любили, отец и мать были в обиде. Да он и сам был не рад (!). Никаких неприятных последствий, однако, не было (!!): инспекция установила, что болезнь происходит от недостатка жиров, что распространена она по всей губернии, так как везде кормят одинаково, а кое-где и хуже» [1]).

Еще и еще раз: для чего и для к о г о все это пишется? Хотел человек замазать, что его отец был эксплоататор, нужно было просто замолчать все эти факты (мы дальше увидим, что Троцкий умеет замалчивать и более важное). Хотел откровенно рассказать, откуда вышел — похвальная откровенность, но тогда нужно было дать фактам оценку, какую им дал бы в с я к и й большевик, хотя бы архиправый, а не то что «левый». Дать же со всею невинностью в с е ф а к т ы, а потом замазывать их с л о в а м и «земледельческий труд» и тому подобное, вплоть до того, что от земской инспекции эксплоататору «никаких неприятных последствий не было» (ведь это же божественно!),— воля ваша, это человек от пера зависит, а не перо от человека. Это опять «бессознательное», опять «вдохновение». Не удержался человек от того, чтобы написать яркую картину, а что он когда-то с трибуны возглашал: «Против кулака! Огонь «направо!», то — забыл. Это, ведь, из другого ящика «бессознательного». Чтобы связать эти факты, нужна была именно сознательность — элементарная сознательность, правда, но даже ее не оказалось...

Но если от бессознательного была откровенность, то замазывающие сладкие словечки о «трудовой жизни» это уже не вдохновение. Это уже — неудачные, правда, — попытки «подвергнуть случайности искусственному отбору». Чем дальше, тем этих попыток больше. Под конец «отбор» становится настолько «искусственным», что от «случайностей» — от исторической действительности — уже ничего не остается. Но прежде чем перейти к этого рода образчикам приложения исторического метода, надо остановиться еще на одном эпизоде детства автора,— благо и сам автор придает этому эпизоду своего рода историческое значение.

Дело уже не в деревне, в Яновке, а в городе, в Одессе. Троцкий уже ученик реального училища. Пай-мальчик — всегда пятерки, за русские сочинения даже пятерки с плюсом.

«В школу я являлся аккуратно, ранец мой был в порядке, и ученический билет уверенно покоился в левом кармане куртки». «Был бесспорным первым учеником, на большом расстоянии от второго».

У начальства, конечно, на лучшем счету. И вдруг такой казус. Был у них весьма непопулярный учитель французского языка, с хроническим катарром желудка и соответствующим, мало приятным характером. Реалисты его ненавидели и устраивали ему всякие «штучки». Однажды, когда он раздразнил класс несправедливо поставленной кому-то единицей, «устроили ему концерт», зашептались школьники, перемигиваясь и подталкивая друг друга локтями,—я — говорит Троцкий,— был в их числе не на последнем месте, может быть, даже на первом». Попросту говоря, был организатором всего дела.

«Концерт» был дан, десять—пятнадцать учеников остались «без обеда», а Троцкий на другой день уже успел «наполовину позабыть о вчерашней истории». Начальство было, конечно, в тысяче верстах от каких-либо подозрений насчет первого ученика. Как вдруг организованные Троцким товарищи сообразили: «Мы сидим без обеда, а он? Он ведь всему делу заводчик!». И один за другим стали давать начальству «откровенные показания». Начальство сначала не хотело верить, но когда «десять—двенадцать» мальчиков подтвердили показания первого, доверие обманутого начальника сменилось яростью. «А, он нас за нос все время водил!». И Троцкого, не совсем в пропорции с содеянным,— но в надлежащей пропорции с яростью оказавшегося в дурацком колпаке начальства — исключили из училища (на год— потом он окончил курс без дальнейших приключений)

¹) I, 42–43. О «корреспонденте» см.: 59—60 и 112. Он сам... стал крупным предпринимзтелем-издателем.

«Таково было первое, в своем роде политическое, испытание. Группировки, которые сложились вокруг этого эпизода: ябедники и завистники на одном полюсе, открытые, отважные мальчики — на другом, и нейтральная, зыбкая, неустойчивая масса — посредине, эти три группировки далеко не полностью рассосались и в течение последующих лет. В дальнейшей своей жизни я встречал их не раз в самых различных условиях» [1]).

Действительно, когда нам придется знакомиться «по Троцкому» с дискуссией 1923 года, мы увидим ту же картину: главный организатор совсем в сторонке—он не при чем, его дело вовсе даже и не касается! — «открытых, отважных мальчиков», которые за этого сидящего в кустах вождя ратоборствуют, сочиняют резолюции, собирают подписи, выступают на собраниях; наконец, «зыбкую» сначала, пока не разобрались, неустойчивую массу», колеблющуюся, потом дружно поворачивающую к «клеветникам и завистникам», на стороне которых неожиданно оказывается вся партия за исключением «отважных мальчиков», понемногу теряющих в такой обстановке свою отвагу и, с некоторым опозданием, двигающихся вслед за массой. Очень похожая картина — и недаром Троцкий не раз ее вспоминает, только не всегда по надлежащему поводу [2]). По поводу дискуссии 1923 года она, почему-то, ему не вспомнилась.

Но дискуссия 1923 года, как она изображена в «Моей жизни», это перл всей книги. Раньше этого заключительного аккорда мы имеем целый ряд образчиков «искусственного отбора». Их нужно будет какому-нибудь из наших учреждений (Институту Ленина, например, или историко-партийному отделению ИКП) разобрать главу за главой, с источниками под руками. Если не для нашей партийной, то для заграничной публики это будет очень нужная работа — «Mein Leben» по-немецки на моих глазах шла нарасхват. Здесь для такого кропотливого анализа нет ни места, ни, строго говоря, необходимости. Я, поэтому, на одном примере попытаюсь разобрать только м е т о д нашего автобиографа. По этому образчику можно судить о методе, по которому написана вся книга.

Эпизод, который я выбираю,— знаменитый «августовский блок» 1912 года. По изложению «Моей жизни», то была совершенно невинная и вполне большевистская вещь. «Я сделал попытку созвать об'единительную конференцию из представителей всех социал-демократических фракций». Попытке этой сочувствовала Роза Люксембург. «Однако, Ленин воспротивился об'единению со всей силой». Так как лейтмотивом всей книги является, что Ленин был друг и учитель автора («он был моим учителем. Это не значит, что я повторял с запозданием его слова и жесты. Но я учился у него самостоятельно приходить к тем решениям, к каким приходил он» II, стр. 123); так как это, очевидно, был лучший из учеников, то, разумеется, Ленин именно его прочил в свои преемники: «бесспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу» (там же, стр. 217), и это положение обязывает, то сейчас же прибавляется: «Весь дальнейший ход событий показал, что Ленин был прав». Но никакой особенной вины и за Троц-

¹) I, 94; весь эпизод см. там же, стр. 87 и сл.
²) См., напр., II, 142.

ким не было: «История борьбы большевиков с меньшевиками есть в то же время история непрерывных об'единительных попыток» [1]).

Имея в виду, очевидно, «новичков и невежд» — в каковом образе представляется Троцкому современный партийный читатель, — «автобиограф» скромно умалчивает, с кем пытался неоднократно об'единиться Ленин — и с к е м действительно об'единился в 1912 году Троцкий. Но у нас есть на этот предмет совершенно определенные высказывания того, кого и Троцкий — лицемерно, как уже упоминалось — признает величайшим авторитетом. Ленин очень часто и очень детально касался вопроса об августовском блоке и о роли Троцкого в этом деле. Прислушаемся к тому, что говорил «учитель» об «ученике».

Еще в апреле 1912 года, за полгода до конференции, о которой говорил Троцкий, Ленин — не сам от себя, а на основании слов Плеханова — пришел к выводу, что «конференция созывается «ликвидаторами». «Ликвидаторский характер созываемой ОК конференции установлен Плехановым с неопровержимой ясностью». «Кто же остался?» спрашивает Ленин, указав, что в связи с открытием Плеханова большевики-примиренцы выступили против конференции· «явные ликвидаторы и Троцкий... Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести «попрежнему» свою линию в «Нашем Деле» и «Нашей Заре», а Троцкий — из-за границы — прикрывает их революционной фразой, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает» [2]).

В самом деле, только «новички и невежды» могут теперь не знать, что августовская конференция 1912 года была созвана в противовес январской того же года конференции большевиков. «Январская конференция и выбранные ею органы — единственное, что сейчас на деле об'единяет всех работников РСДРП в России. Вне ее — лишь посул бундовцев с Троцким созвать ликвидаторскую конференцию ОК... [3]).

Итак, конференция имела задачей об'единить колеблющиеся элементы партии около л и к в и д а т о р о в, т.-е. около тех элементов РСДРП, которые в е л и б о р ь б у с большевиками. Уже это начисто упраздняет все ссылки Троцкого на об'единительные попытки Ленина: когда же и где Ленин пытался об'единиться с л и к в и д а т о р а м и — да и как было бы это возможно по самому существу дела? Троцкий очень спекулирует на том, что ликвидаторы остались его работой недовольны — и еще до конференции подозревали его искренность. Но увы, это—оценка моральной физиономии Троцкого, а вовсе не его политической позиции. Троцкий 1912 года не внушал доверия своим «друзьям», как не внушал он уважения своим противникам. Он чрезвычайно горячился по поводу того, что в 1924 году было опубликовано его антиленинское письмо к Чхеидзе, от апреля 1913 года.

> «Употребление, которое сделано было эпигонами из моего письма к Чхеидзе, представляет собою один из величайших обманов в мировой истории. Фальшивые документы французских реакционеров во время дела Дрейфуса—ничто перед этим политическим подлогом Сталина и его соучастников» [4]).

Конечно, ф а л ь ш и в ы е документы — ничто перед документом п о д л и н н ы м, каким является это письмо Троцкого к Чхеидзе. Почему напечатание подлинного документа является «обманом» — это трудно понять. Но несомненным обманом является попытка «автобиографа» скрыть от «новичков и невежд» (только от них это и можно скрыть), что для той же эпохи мы имеем не только отзывы Троцкого о Ленине — опубликование которых привело в такое негодование первого, — но и отзывы Ленина о Троцком. В «Просвещении» за май 1914 года — то-есть в издании, обращавшемся к широчайшим кругам читателей в России, не в заграничной партийной печати — можно было прочесть:

> «Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это—типичная фигура для тех пяти заграничных группок, которые фактически также колеблются между ликвидаторами и партией.
>
> Во времена старой «Искры» (1901—1903) для этих колеблющихся и перебегающих от «экономистов» к «искровцам» и обратно была кличка: «тушинский перелет» (так звали в смутное время на Руси воинов, перебегавших от одного лагеря к другому).
>
> Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выраставшее, связанное корнями с «меньшевизмом» и «экономизмом» в 20-летней истории марксизма, связанное с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.
>
> «Тушинские перелеты» об'являют себя выше фракции на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым «искровцем» в 1901—1903 годах, и Рязанов назвал его роль на с'езде 1903 г.—ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 года Троцкий — ярый меньшевик, т.-е. от «искровцев» перебежавший к «экономистам»; он провозглашает, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». В 1904-1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию». В 1906—07 году он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.
>
> В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, п о с у т и д е л а их же идейки.
>
> Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало, и любой группке «просторно» было изображать из себя течение, группу, фракцию, — одним словом, «державу», толкующую об об'единении с другими» [1]).

Скажут: Ленин написал это «в пылу полемики». Но почему же мы не найдем у Ленина таких убийственных характеристик ни для Богданова, ни для Мартова? «В пылу полемики» можно было бросить однажды резкую фразу: но ведь эта характеристика повторяется, в основном, на протяжении двух лет [2]). Она резюмирует целую полосу отношений между Лениным и Троцким, подводит итог всему, что передумал Ленин о своем будущем «ученике» с 1901 года. Ленин многое умел забывать и прощать, но это не значило, что он отказывался от своих старых характеристик. И вовсе не нужно было «подлогов, затмевавших дело Дрейфуса для того, чтобы партия знала, какого был мнения ее вождь о своем, якобы, «наследнике» после двенадцатилетнего знакомства с этим последним. Троцкому соглашались не напоминать о его прошлом в надежде, что он стал другим. Малейшая попытка возврата к старой фракционности не только давала право, обязывала напомнить массам то, что говорилось о Троцком-фракционере в прежние года.

Когда Троцкий вновь принялся за образование своей фракции? Едва ли это имело место тотчас после Октябрьской революции: в эти недели он настолько чувствовал себя снова «первым учеником», хотя и не на таком большом расстоянии от второго, как в реальном училище св. Павла, что «собственная фракция едва ли практически представлялась ему нужной. Он уже мыслил себя во главе мировой революции, а сама эта революция мысли-

[1]) См. все это я т. I, стр 256—258.
[2]) Сочинения, т. XII, ч. 1-я, стр. 94.
[3]) Там же, 95. О. К.—«Организационная Комиссия». *М. П.*
[4]) II, 259.

[1]) Сочинения, т. XII, ч. 2-я, стр. 462—463
[2]) См. там же, ч. 1-я, 177, 181, 313; ч. 2-я, стр. 412, 448, 450, 461, 537.

лась им, как сейчас увидим, делом завтрашнего дня. К чему тут фракция? Фракции создает тот, кто чувствует себя слабым — Троцкий в эти минуты чувствовал себя сильнее всех.

А затем последовал оглушительный удар брестской катастрофы — для Троцкого это была именно катастрофа. Катастрофа, он не мог этого не сознавать, — не будучи гением, Троцкий все же и не тупица, — вызванная на три четверти его легкомыслием. Легкомысленнее подойти к такой ответственнейшей функции, как руководство внешней политикой первого социалистического государства в мире, было нельзя. Один образчик этого легкомыслия сохранил сам Троцкий. Цитируя чьи-то воспоминания, он передает — не оспаривая ее — такую свою фразу: «Какая-такая у нас будет дипломатическая работа? Вот издам несколько революционных прокламаций к народам и закрою лавочку» [1].

Моя память подсказывает мне другой образчик — еще более жуткий, поскольку тут дело страшно близко было к непосредственным практическим выводам. Догоняя нашу мирную делегацию (представляя собою продолжение перемирий, она вся была уже в Бресте), я явился в Смольный за инструкциями. Никаких инструкций я не получил, но вместо них услыхал следующий анекдот, рассказанный мне с полной верой в правдоподобность происшествия. На германском восточном фронте восстание; тридцать тысяч восставших солдат укрепились где-то между Ковно и Гродно, несколько дивизий снято с фронта для их усмирения.

Анекдот оказался буквально «выхваченным из воздуха», как говорят немцы; абсолютно ничего подобного на германском фронте тогда не происходило. Но для умонастроения моего собеседника он необычайно характерен. Троцкий верил не только в близость европейской революции, — он верил, что она произойдет буквально на другой день. При таких условиях какая же дипломатия, в самом деле? Компрометировать себя перед глазами германского пролетариата всамделишными переговорами с правительством, которого послезавтра уже не будет! Ясно, что нужно было как-нибудь протянуть несколько дней — и затем уже разговаривать с председателем германского Совнаркома Карлом Либкнехтом.

Что это, почти уже низвергнутое, правительство просуществует достаточно долго, чтобы нанести нам жестокий удар, что оттягивать нужно этот удар, а не начало серьезных переговоров с немцами, что для этого именно нужно было повести серьезную дипломатическую борьбу, пользуясь раздорами в стане противника, повести так же тщательно, как ведут военные операции,—все это Троцкому не приходило в голову. Он наивно воображал, что стоит только перенести цирк Модерн в Брест — и дело будет в шляпе. Что из его брестских речей до германского рабочего дойдет только то, что разрешит напечатать военная цензура Вильгельма II, это ускользнуло от его соображения.

И рядом с этой до крайности преувеличенной верой в могущество своего слова — до трусости доходящая слабость перед своим реальным противником, с которым мы стояли нос к носу. После разрыва переговоров в декабре решено было, что мы ни в каком случае не вернемся в Брест — дальнейшие переговоры будут вестись лишь на нейтральной территории (намечался Стокгольм) или «на проволоке», в бараке между двумя фронтами. Надо прочесть воспоминания Чернина, чтобы понять до чего в германском лагере боялись, что мы не пойдем опять в брестскую ловушку. В сущности речь шла о демонстрации того, кому мир нужнее в данную минуту. Согласившись на Брест, мы тем самым окончательно укоренили в создании дипломатов центральных держав убеждение, что советская власть хочет мира во что бы то ни стало, — эти дипломаты получили над нами такой психологический перевес, которого не могли уравновесить никакие ораторские успехи Троцкого. Мы ехали — вторично в Брест уже капитулировавшие, но не формально, — что лишало нас всяких выгод капитуляции, ибо позволяло противнику продолжать рассматривать нас как воюющую сторону.

[1]) II, 61.

Об'яснения этой капитуляции до сражения я не получил тогда — и не получил теперь, прочитав соответствующую главу «Опыта автобиографии». «Нам пришлось склониться перед ультиматумом и остаться в Брест-Литовске» — вот все, что можно прочесть об этом в мемуарах главы советской делегации. Почему? Если надо было склоняться перед всяким ультиматумом немцев, отчего был отвергнут ультиматум 10 февраля? Риска в первом случае было меньше, потому что в руках у Кюльмана и Гофмана не было еще договора с Украинской радой, хотя и весьма несовершенного, но все же средства дурачить германские народные массы и тащить за собою на поводу Австрию. Логики тут никакой найти нельзя, если даже стоять на точке зрения немедленного получения какого бы то ни было мира, все же не было ни малейшего резона кричать об этом с крыш и выдавать себя головою противнику. Но на этой точке зрения никто не стоял,—Ленин был за переговоры «на проволоке». На мире он настаивал только в случае пред'явления немцами ультиматума именно о мире, а не о месте переговоров.

Логику тут найти трудно. Но зато психологическое об'яснение найти легче легкого. На следующей же странице мы читаем о жизни делегации в Бресте во время переговоров:

> «Вокруг зданий штаба шла в разных направлениях высокая изгородь из колючей проволоки. Во время утренней прогулки я натыкался на надписи: «Застигнутый здесь русский будет застрелен». Это относилось к пленным. Я спрашивал себя, относится ли надпись также и ко мне—мы были наполовину в плену — и поворачивал назад» [1]).

Вот то-то, что Троцкий, увидав первое реальное или показавшееся ему реальным препятствие, сейчас же «поворачивает назад». Пишущий эти строки в эти самые дни исходил вокруг Брестской цитадели десятки километров, ни разу не подвергнувшись бо́льшей неприятности, чем необходимости показывать пропуск германским часовым. Я разговаривал с русскими пленными, — при чем сторожившие их немцы относились к этому с удивительнейшим благодушием, заботливо предупреждая меня и моих собеседников, когда на горизонте показывался офицер, — я по получасу наблюдал, как германские новобранцы упражняются с ручными гранатами, и т. д., и т. д. Не так уж страшен чорт, как его малюет испуганное воображение. А воображение будущего главы всемирной революции было сильно напугано — это ярко отразилось в одном инциденте, о котором «Опыт автобиографии», к сожалению, не упоминает. Все делегации из Бреста уезжали в полном составе—кроме нашей: наша уезжала без своего главы и еще двух—трех членов. И глава, и эти члены отбыли немедленно же, как только был вручен наш не очень вежливый ответ на ультиматум (ответ был сначала проектирован вежливее, но сейчас не стоит говорить, кто его заострил. Не Троцкий), в ту же ночь. Оставаться хотя бы лишний час в Бресте им казалось страшно опасным. Чтобы не было недоразумения: я, конечно, отнюдь не думаю подозревать Троцкого в физической трусости — он физически храбрый человек. Разумеется, он спасал «вождя», без которого революция могла погибнуть. Но дело в том, что никакой особой опасности «вождю» не угрожало.

Реальная опасность была одна—очутиться в крайне глупом положении, если тонкое кружево тактики, основанной исключительно на психологии,

[1]) II, 94.

будет прорвано грубым кулаком немецких империалистов. Когда это случилось, Троцкий просто растерялся и его поведение после того, как немцы начали свое наступление, было жалко до невероятия. Он голосовал то за принятие германского ультиматума, то против, то опять за — и, наконец, при самом решительном голосовании воздержался... «чтобы обеспечить Ленину большинство одного голоса» (!)[1]). В заключение он выразил свою обиду на непослушавшуюся его историю тем, что не только подал в отставку от поста Наркоминдела, но фактически ушел с этого поста, т.-е. предоставил другим расхлебывать ту кашу, которую он заварил [2]).

В таком душевном состоянии опять-таки было не до фракций. Надо было как-то загладить и перед самим собой и перед другими впечатление жестокого провала. Отсюда полное отсутствие всяких фантазий — и ультраделовой, чтобы не сказать делячеcкий, подход к новой работе, которую дал ему Ленин, формированию Красной армии. В Бресте, казалось, не нужны какие бы то ни было специалисты — теперь в одних специалистах было все спасение. «Отсрочки тут, по общему правилу, не давалось. Ошибки влекли за собою немедленную кару» [3]). Так рисует Троцкий обстановку своего нового дела: но разве только что не было дано убедительнейшего доказательства, что к дипломатам это применимо точь-в-точь столько же, сколько и к войне?

И только когда война начала поправлять репутацию, в корень испорченную дипломатией, Троцкий начинает припоминать старое. Но теперь уже «вождь» не мог положиться на одного себя. Нужно было сколачивать «группку». Первый намек на возникновение троцкистской фракции относится, повидимому, к концу 1919 года — хронология «Автобиографии» тут весьма не отчетлива. Что намек этот облечен в форму, якобы, «извета» тов. Сталина,— которого будто бы «выдал» т. Менжинский,— не должно нас смущать [4]). Слишком уж благородно негодование, с каким Троцкий встретил (какое невинное дитя, подумаешь!) известие, что против него ведется «интрига» и слишком забеспокоился для такой невинности. И чересчур торопился проверить непосредственно у Ленина, — что именно тот знает? Но «прощупать» Ленина, видимо, не удалось — и Троцкий лишь «понял», что «Менжинский говорит не зря», т.-е. что о завязывающейся фракции кое-что проникло дальше, чем следовало.

На полном ходу была фракционная работа к зиме 1920—21 г. — ко времени знаменитого спора о профсоюзах. Спор этот всячески изображается, как лишенный «всякого значения». О не менее, чем спор, о знаменитом маневре Троцкого — из сторонников «огосударствления» профсоюзов почти мгновенно превратившегося в сторонника диаметрально противоположной, но одинаково антиленинской позиции Бухарина-Дзержинского — «Моя жизнь», конечно, не обмолвилась ни одним звуком. Но о фракционной работе в этот период умолчать уже было невозможно.

> «Я еще во время с'езда (X) ликвидировал какие бы то ни было совещания с единомышленниками по профессиональному вопросу. Через несколько недель после с'езда Ленин убедился, что я не менее его озабочен тем, чтобы ликвидировать временные группировки, под которыми уже не оставалось никакой принципиальной базы» [5]).

Что «принципиальной базы» не было, это, конечно, верно, но что группировки существовали, это вынужден признать сам Троцкий, а что они в

---

[1]) Т II, 116—117.
[2]) См. Протокол заседания ЦК от 24/II-1918 г. в XXII т. полн. собр. сочинений Ленина, изд. 3, стр. 286.
[3]) Там же, 168.
[4]) II, 181--184.
[5]) Там же, 202.

это время уже переставали существовать, этому не поверят маленькие дети — именно с этого момента «группировки» из «временных» превращаются в постоянные.

Отрицать это можно опять-таки только перед «невеждами и новичками». Новичками, вступившими в партию не раньше 1925 г. — и невеждами совсем круглыми. Для тех, кто работал в партии в 1921—23 г., самая попытка скрыть «группировки» сторонников Троцкого покажется смешною. Один из ближайших лейтенантов Троцкого был тогда членом одного советского коллектива, где я председательствовал. В разговоре с ним я выразил намерение назначить заседание этой коллегии, помнится, на вторник. «На вторник нельзя, по вторникам у нас ЦК» — услыхал я в ответ. «Как по вторникам?» — удивился я: — «Оргбюро собирается в понедельник, а Политбюро в четверг». «Да, это не ЦК, а так, одно совещание»... Не трудно было догадаться, о каком ЦК нечаянно проболтался мой собеседник. В Москве называли и секретаря этого «ЦК» со всей определенностью.

История этого «ЦК» когда-нибудь будет написана, тоже в форме «Моей жизни» кого-нибудь из его членов — надо надеяться, однако же, что не по методу «Моей жизни» его председателя. Ибо последний — начисто отрицает самое существование троцкистской фракции. Нужно сказать, что это великолепно идет ко всему его мировоззрению. На первом плане у него все время собственное «я». Читая его книжку, никто не подумает, что в политике у нас играют роль какие бы то ни было организованные группы — партии, например. Вы встречаете только отдельных людей, иногда, по слабости, об'единяющихся в маленькие коллективы, без всякой принципиальной основы, от случая к случаю — и всегда ради л и ч н ы х целей. Партия—жалкая игрушка в руках этих людей. Может быть, потому и не находят себе места в воспоминаниях Троцкого троцкистские группировки, что автор воспоминаний презирал их, как презирал он в душе всякую массу вообще. Не верите? Прочитайте резюмирующую характеристику главы XXXIX («Болезнь Ленина»):

> «1923 год стал первым годом напряженного, но еще бездумного (?) удушения и разгрома большевистской партии. Ленин боролся со страшным недугом. Тройка [1]) боролась с партией. В атмосфере было тяжкое напряжение, которое к осени разрешилось «дискуссией» против оппозиции (!!!). Началась вторая революция: борьба против троцкизма...» [2]).

О «дискуссии против оппозиции» мы сейчас поговорим. Но согласитесь сами, что написать все приведенное сейчас место можно было только в состоянии очень острого «вдохновения», когда «из-под спуда выходят слова, неожиданные для оратора» — или писателя. «Накатил, сударь, накатил!» — восклицают хлысты, когда на их собрание нисходит «дух». На Троцкого явно «накатило», когда он стал писать об «удушении и разгроме большевистской партии» в 1923 году. Но что у трезвого на уме, то у пьяного на языке: до чего нужно было презирать эту самую партию, чтобы изображать ее разгром делом т р е х человек! Три человека могут произвести вторую революцию и «удушить» коллектив в миллион людей! И притом три человека, действующие исключительно из л и ч н ы х мотивов против определенного л и ц а.

> «Идея тройки: Сталин, Зиновьев, Каменев была уже давно готова. О с т р и е м с в о и м т р о й к а б ы л а н а п р а в л е н а п р о т и в м е н я. В с я з а д а ч а заговорщиков состояла в том, чтобы, подготовив достаточную организационную опору, короновать тройку в качестве законной преемницы Ленина» [3]).

---

[1]) Сталин, Зиновьев, Каменев.
[2]) II, 227.
[3]) Там же, 223. Разрядка моя. М. П.

Дальше рассказывается, как одна «маленькая записочка» Ленина чуть-чуть не расстроила всей комбинации. При таком ходе истории, конечно, не то что записочки — случайно опрокинувшейся чернильницы достаточно, чтобы пало государство. И этого человека десятилетиями считали марксистом!

Само собою разумеется, что болезни тех гигантов, которые творят мировую историю, становятся при этом уже совсем и бесспорно крупнейшими историческими факторами. И вот на том месте, где у будущих «фальсификаторов истории» будет стоять рассказ о борьбе троцкистской фракции против партии, у Троцкого читатель находит три истории болезни плюс охота на уток.

Да, да: я не фантазирую. Что помешало низвержению «эпигонов» (они же «тройка») в 1923 году? Болезнь — болезнь Ленина, и только эта болезнь.

«Я не сомневаюсь, что если бы я выступил накануне XII с'езда в духе «блока» Ленина-Троцкого против сталинского бюрократизма, я бы одержал победу и без прямого участия Ленина в борьбе»... «В 1922—23 году вполне возможно было еще завладеть командной позицией открытым натиском на быстро складывавшуюся фракцию национал-социалистических чиновников, аппаратных узурпаторов, незаконных наследников Октября, эпигонов большевизма. Главным препятствием на этом пути было, однако же, состояние самого Ленина». «Во всех планах и расчетах был решающий момент неопределенности: это сам Ленин со своим физическим состоянием». «Благодаря исключительному месту, занимавшемуся в партии Лениным, неопределенность его личного состояния превратилась в неопределенность состояния всей партии» [1]).

А вдобавок еще и самого Троцкого «на несколько недель приковал к постели прострел». Так «эпигоны» и уцелели в эту критическую для них минуту. Как было, казалось, не сообразить, что при таких условиях Троцкому надо тщательнейшим образом смотреть за своим здоровьем? Как было этого не понять? А он взял, да холодной осенью отправился охотиться на уток!

Об этом всемирно-историческом событии, определившем судьбы не одного Советского Союза, читатель узнает на стр. 234—238 II тома «М. ж.» со всеми необходимыми для такого торжественного случая подробностями — с биографией охотника, который руководил действиями ближайшего наследника Ленина в эти роковые дни, с глубокими историческими экскурсами (до Ивана Грозного!), с фамилией шофера, которого близость к великому событию тоже, разумеется, сделала историческим лицом и т. д., и т. д. Словом, если бы кто начал читать «Мою жизнь» с этого места, не имея отчетливого представления о физиономии ее автора, такой невнимательный читатель был бы достоин наказания, попав в чрезвычайно глупое положение; вероятно, он с негодованием бросил бы книгу, решив, что автор над ним, читателем, просто издевается. Читатель настоящей заметки знает, с кем мы имеем дело, — он знает, что тут нужно не обижаться и не сердиться, а понимать. Но я боюсь, что даже такой, нарочито подготовленный, читатель не воздержится от непочтительного заключения, что ему, читателю, редко приходится встречать автора более близкого к острому пароксизму мании величия.

Охота на уток замечательна, конечно, не утками, даже вообще неизвестно, пострадали ли утки. Но после охоты, спеша удовлетворить любопытство шофера, «горевшего нетерпением узнать, какова добыча» — как малое всегда переплетается с великим! — Троцкий побежал в валенках по болоту,

[1]) «М. ж.», II, стр. 219—220.

промочил ноги и простудился. «Врачи запретили вставать с постели. Так я пролежал весь остаток осени и зиму. Это значит, что я прохворал дискуссию 1923 года против «троцкизма». Можно предвидеть революцию и войну, но нельзя предвидеть последствия осенней охоты на утку» (читатель, имея запас восклицательных знаков, может использовать сколько нужно; у меня все вышли. *М. П.*).

«Ленин лежал в Горках, я—в Кремле. Эпигоны расширяли круги заговора». Налицо из всех группировок, наметившихся еще в реальном училище св. Павла, имеются «ябедники и завистники, их жертва и «зыбкая, неустойчивая масса» в лице удушаемой тройкою миллионной партии. Нехватает «открытых, отважных мальчиков». Это несправедливо. Надо исправить это упущение — и рассказать, что делали «отважные мальчики».

Когда Троцкий охотился за утками, партия была в исключительно тяжелом положении. Восстановительный период был в самом начале — шли споры о том, достигнем ли мы «довоенного уровня» в 1930 г. или в 1933 году. Человек, который вздумал уверять, что мы к 1930 году п е р е й д е м этот уровень, погиб бы в позоре комчванства. Рабочая масса, уверенная, что она голодала только из-за гражданской войны и блокады, не сразу привыкала к мысли, что довоенный уровень заработной платы вернется только с довоенным уровнем производства — и роптала. Перед самой «охотой» прошел целый ряд забастовок. На этой почве всяческая антипартийная агитация расцветала пышным цветом. Только что были обнаружены две, казавшиеся серьезными, подпольные организации: богдановская «Рабочая Правда», где не было ни рабочих, ни правды, но было порядочное количество партийной интеллигенции юного возраста, — и «Рабочая группа», где были и рабочие, молва уверяла, в числе нескольких тысяч.

Надо было видеть, с какими сияющими глазами передавал мне все это один из «отважных мальчиков», предлагая мне подписать документ, явным образом начинавший кампанию против ЦК. «Антипартийная организация в три тысячи рабочих!». Как, в самом деле, упустить такую благодать?

Я признавал, что положение крайне трудное. Но подписать документ отказался, было совершенно ясно, что для партии от похода на ЦК положение станет только еще труднее. Наоборот, совершенно не ясно было, какие могут получиться выгоды от замены старого ленинского штаба «открытыми, отважными мальчиками».

Но последние не ограничивались собиранием подписей. Они, кроме того, обратились и к массам. Среди рабочих масс они имели успех несколько ниже среднего. Но юная коммунистическая интеллигенция, клюнувшая на богдановскую «Правду», клюнула и здесь. В самом начале дискуссии тысячная ячейка ФОН'а (факультета общественных наук) I МГУ почти единогласно вынесла резолюцию, направленную против ЦК партии.

Как же реагирует на все это «Моя жизнь»? Да никак. У Троцкого была такая высокая температура, что всех этих деклараций и резолюций ему даже не показывали. И он до сих пор не знает о том, что все знали еще осенью 1923 г.: что в этом году троцкистская фракция сделала попытку свергнуть партийное руководство — и была хотя весьма далека от успеха абсолютно (не собрала даже и половины голосов одной московской конференции), но относительно все-таки была к этому успеху ближе, чем в какую-либо другую из своих попыток. Если бы Троцкий это знал, он, вероятно, выступил бы хоть два—три раза непосредственно, лично на собраниях, несмотря на температуру: выступал же Дзержинский, когда это грозило ему смертельной опасностью. После, в Алма-Ата («где злейшая малярия разделяет господство с проказой и чумой») ему сходили безнаказанно такие вещи, как пребывание на охоте п о д е в я т и с у т о к, не заходя под кровлю, — при

морозе «до 8 — 10°»[1]). Но «отважные мальчики» очень берегли своего вождя, исключительно берегли — и бедный Троцкий до сих пор не знает того, что еще в 1923 г. знал миллион удушаемых «тройкою» партийцев (да, наверное, не менее двух миллионов беспартийных вдобавок).

Ах, эти «отважные, открытые мальчики!» Беда с ними...

Естественно, что, не зная самого главного факта, Троцкий получил самое фантастическое представление о причинах того, что с ним дальше происходило. Представьте себе, что человек, не знающий ничего об Октябрьской революции, сразу налетел бы на советский режим и диктатуру пролетариата. Что бы он понял? Так и тут. Все беды на Троцкого обрушились потому, что он и действовавшие его именем «мальчики» повели подкоп против этой самой пролетарской диктатуры. Но Троцкий ничего об этом не знал. И ему показалось, что его начали «травить» из-за 1) из-за воздержания от спиртных напитков, 2) теории перманентной революции. Да, право же, я не шучу. Так написано в «Моей жизни».

К 1): «Хождение друг к другу в гости, примерное посещение балета, коллективные выпивки, связанные с перемыванием косточек отсутствующих, никак не могли привлечь меня. Новая верхушка чувствовала, что я не подхожу к этому образу жизни. Меня даже и не пытались привлечь к нему. По этой самой причине многие групповые беседы прекращались при моем появлении и участники расходились с некоторым конфузом за себя и с некоторой враждебностью ко мне. Вот это и означало, если угодно, что я начал терять власть»[2]).

К 2): «Насквозь филистерская, невежественная и просто глупая травля теории перманентной революции выросла из этих именно психологических источников. Сплетничая за бутылкой или возвращаясь с балета, один самодовольный чиновник говорил по моему адресу другому самодовольному чиновнику: «у него только перманентная революция на уме». С этим тесно связаны обвинения в неартельности, в индивидуализме, в аристократизме. «Не все же и не всегда для революции, надо и для себя»,— это настроение переводилось так: «долой перманентную революцию!». Протест против теоретической требовательности марксизма и политической требовательности революции постепенно принимал для этих людей форму борьбы против «троцкизма». Под этим флагом шло освобождение мещанина в большевике. Вот в чем состояла потеря мною власти, и вот что определяло те формы, в которых эта потеря произошла»[3]).

Примеров «марксизма» Троцкого мы видели достаточно. А насчет перманентной революции, когда Ленин называл ее в 1914 г. «несуразно левой», это как было: «за бутылкой» или же «возвращаясь с балета»?

В 1923 г. и следующих происходило не освобождение мещанина в большевике, а освобождение большевистской партии от мещан. Троцкий не потерял и не мог потерять власти по той простой причине, что никакою властью над большевиками он не обладал и не мог обладать, ибо наша партия не есть вотчинная монархия и никакому отдельному лицу **над собой** власти не вручала. У партии есть доверенные люди — в качестве одного из этих доверенных людей Троцкий пользовался большим влиянием. Потеряв доверие, он утратил и влияние. Попытавшись вернуть его себе обратно нелегальными средствами, он попал сначала в Алма-Ата, потом в Константинополь. Причины этой катастрофы нужно искать в причинах потери им доверия партии. Как это случилось? «Моя жизнь», независимо от воли автора, об'ясняет это вполне удовлетворительно. Наша партия пролетарская — во главе ее не может стоять мещанин-индивидуалист, поскольку мещанский индивидуализм у него не сгорел окончательно в огне пролетарской революции.

---

1) «М. ж.», II, стр. 299.
2) Там же, 245.
3) Там же, 246.

А мещанским индивидуализмом прет из каждой строки «Автобиографии», написанной в 1929 г., через двенадцать лет после революции. Но данный случай не нуждается, пожалуй, даже и в таком социологическом об'яснении. Может ли пользоваться доверием **партии** человек, не заслуживающий никакого **личного** доверия? Человек, ни на одно слово которого нельзя положиться? Троцкий сам на это ответил теми строками «Моей жизни», которые я привел в качестве эпиграфа.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ.

Эдвин Норс „Сельское хозяйство Соединенных Штатов Северной Америки“*)

Гувер знал, кому он поручает написать в своем двухтомнике главу о сельском хозяйстве. Эдвин Норс, избранный для этой цели, является не только крупнейшим знатоком конкретной экономики сельского хозяйства Соединенных Штатов. Норс, несомненно, наиболее яркая фигура среди американских экономистов вообще и аграрных теоретиков в частности. В своих классовых симпатиях Норс не только, как другие его коллеги, апологет капитализма, он — п е р х о а н ы й ж р е ц е г о. Норсу чуждо лицемерно-крикливое преклонение а ли Давид перед мелким фермером, который доживает в Америке свои невеселые дни. Норс не преклоняется и перед предприимчивым фермером недавнего прошлого, перед этим типичным янки, воспетым Холмсом, Спилманом, Ворреном, Илай и другими «маститыми» профессорами. Норс знает цену и мелкому, и крупному фермеру. Он прекрасно знает, что мелкий фермер безжалостно вытесняется более крупным. Он знает и то, что среди самих крупных фермеров ведется бешеная конкурентная борьба и что побеждают наиболее крупные — архикрупные капиталисты. И Норс откровенно сочувствует этому. Ибо Норс стремится помочь рационализации сельского хозяйства С. Ш., уже давно ставшего ходом вещей Ахиллесовой пятой пресловутого американского «просперити». Но рационализировать сельское хозяйство можно только такими методами, когда не приходится считаться ни с у х у д ш е н и е м положении рабочего класса, ни с б е г у щ и м и мелкими фермерами, ни с б а н к р о т я щ и м и с я конкурентами. И Норс находит классовое мужество стать выше предрассудков сожаления. Он проходит мимо всего этого с циничностью и презрением американского дельца, для которого высшим мерилом всего сущего является доллар. Да, Гувер хорошо знал, кому он поручает написать в своем двухтомнике главу о сельском хозяйстве Соединенных Штатов.

* * *

Норс написал о сельском хозяйстве С. Ш. на отведенных ему 70 страницах все то, что можно было на них уместить. Конечно, сжатость изложения мешала развернуть достаточно глубокий анализ, но тому причина не только недостаток места. Норс при всей своей откровенности все же не в силах о т к р ы т ь всех тайн капиталистического способа производства. Норс при всех своих знаниях все ж е н е з н а е т самого главного, именно того, что основа основ всех затруднений лежит в капиталистическом способе производства, ибо Норс в конце-концов только буржуазный профессор. А этого, как известно, еще далеко не достаточно. Отсюда неизбежная односторонность анализа. Но как буржуазный профессор, Норс дал даже больше того, что можно было от него ожидать. По крайней мере, со страниц книги Норса прозвучала о т к р ы т а я к л а с с о а а я п р а в д а, открытая классовая программа буржуа, а поскольку открытая, постольку освобождающая от операции вскрытия ее сущности, операции, которой так часто приходится заниматься марксистской критике.

*) Перевод с английского. Отдельный оттиск из книги «Новейшие изменения в экономике САСШ» с предисловием Г. С а ф а р о в а. Гиз. 1930.

П о л о ж е н и е д е л в а м е р и к а н с к о м с е л ь с к о м х о з я й с т в е уже д а в н о в н у ш а е т т р е в о г у в п р а в я щ и х к р у г а х а м е р и к а н с к о й б у р ж у а з и и. Дело в том, что американское сельское хозяйство до сих пор еще не оправилось от ударов послевоенного кризиса.

> «Депрессию, которую испытывает в настоящее время сельское хозяйство, нельзя выявить каким-либо одним показателем. Тем не менее некоторое представление о ней можно составить на основании соотношения между ценами, которые фермер получает, и ценами, которые он уплачивает. Отношение это установлено Бюро сельскохозяйственной экономии при департаменте сельского хозяйства Соединенных Штатов. Если средний индекс за период с 1910 по 1914 г. мы примем за 100, то окажется, что индекс благосостояния в сельскохозяйственных районах поднялся до 118 в 1917 г., а затем упал до 75 в 1921 г. В 1925 г. он опять повысился до 92, а затем упал до 75 в 1926 г. и 85 в 1927 г.».

Таково н е з а в и д н о е п о л о ж е н и е американского фермера. Вместе с тем, стало совершенно очевидным, что расцвет промышленности в период «просперити» базировался на депрессии в сельском хозяйстве. Норс не может не признать этого.

> «Страна в целом выиграла,— пишет он,— от низких цен на сельскохозяйственные продукты, от цен, слишком низких, чтобы оправдать издержки производства. Сколь долго смогут несельскохозяйственные классы пользоваться этими преимуществами, сказать нельзя».

Однако, это признание Норса, как много им ни сказано, все же требует существенных поправок. Во-первых, н е с т р а н а в ц е л о м в ы и г р а л а, а к а п и т а л и с т ы в п е р в у ю о ч е р е д ь и г л а в н ы м о б р а з о м. Во-вторых, н и з к и е ц е н ы на сельскохозяйственные товары у д а р и л и не по всему фермерству, а п р е и м у щ е с т в е н н о п о м е л к о м у и с р е д н е м у. Крупный фермер в силу снижения издержек производства, на основе введения улучшенной техники, снимал такие же сверхприбыли, как и его городской собрат. В-третьих, теперь уже п о з д н о ставить вопрос, сколь долго сумеет развиваться «просперити» С. Ш на основе депрессии в сельском хозяйстве, так как к р и з и с чрезвычайно остро поставил все те вопросы, которые до него только намечались.

Но вернемся к тому, как понимает проблему сельского хозяйства сам Норс.

> «Нам говорят,— пишет он,— что сельское хозяйство — главнейшая национальная проблема и что, если его положение не улучшится в ближайшем времени, то неизбежный крах его приведет к общенациональной экономической катастрофе. Марк Твэн как-то заметил, что все говорят о погоде, но никто ничего не делает с погодой. Сельское хозяйство как будто готово заменить погоду как вечную тему унылых разговоров. Конечно, фермеры жестоко страдали в период, следовавший за 1920 г., положение их поправляется медленно и до сих пор еще остается довольно плохим. Процесс перестройки слишком радикален и влечет за собой слишком большие последствия и потому не может быть завершен в короткий срок».

Основные причины депрессии Норс видит в несоответствии спроса и предложения, явившемся в результате у м е н ь ш е н и я с п р о с а на заграничном рынке и вместе с тем р а с ш и р е н и я п р о и з в о д с т в а. Это повлекло за собой тяжелые последствия, так как цены, предлагаемые на внешнем рынке под влиянием конкуренции Канады, Австралии, Аргентины, оказались слишком низкими. Необходимо было перестраивать хозяйство применительно к новым требованиям и изменять ассортимент товаров, ориентируясь преимущественно на внутренний рынок. В отношении перспектив европейского рынка Норс повторяет то же, что он писал несколько лет тому назад в своей книге: «Сельское хозяйство Америки и европейский рынок». Мы находим там:

«Строить план будущего развития американского земледелия на основании ожидаемого возрождения и роста европейского рынка—значит строить на сыпучем песке».

Теперь он пишет: «Положение не сулит особенно блестящих перспектив для экспортных излишков американских ферм».

Ориентироваться на внутренний рынок, это значит радикально изменять весь строй хозяйства: сокращать производство одних продуктов и приниматься за другие. Но и в этом деле «автор не видит особых оснований для оптимизма и не уверен, что перестройку сельского хозяйства удастся осуществить быстро и удовлетворительно».

И, вот, тут-то Норс переходит к основному вопросу: как должна протекать реконструкции сельского хозяйства. Для этого Норс обращается к опыту перестройки хозяйства в некоторых отраслях, апеллируя к тем техническим достижениям, которыми они характерны.

Характеристику основных изменений Норс правильно видит в колоссальном росте механизации. Автомобиль, трактор и комбайн произвели столь радикальные изменения в технике сельского хозяйства, что Норс вынужден написать:

«Новая фаза развития в американском сельскохозяйственном производстве в полном смысле революционна».

Норс отмечает, что одновременно произошли большие сдвиги и в географии сельского хозяйства. Сократились районы экстенсивного скотоводства, выросло интенсивное животноводство, сады, огороды и т. п. Так, еще в 1920 году пшеница, ячмень, овес и сено занимали общую площадь в 4.439.000 акров, а в 1928 году под этими культурами осталось 3.840.000 акров, что дает уменьшение на 599.000 акров. Наоборот, пропашные культуры, хлопок и сады занимали в 1920 году площадь в 1.356.000 акров, а в 1928 году 2.306.000 акров, то-есть возросли на 950.000 акров. Чрезвычайно сильно повысилась техника обработки полей, начали вводиться минеральные удобрения, сильно развилось дело борьбы с вредителями и т. д.

Все это вместе взятое составляло настоящий технический переворот. Вместе с тем, социальные формы производства — фермерские хозяйства (крупные относительно к мелким европейским хозяйствам) оказались перед лицом нового технического переворота такими, в которых новая техника уже не вмещалась.

Формы хозяйств пришли в несомненное противоречие с развитием производительных сил. Никогда трагедия расточительства не доходила до таких вопиющих размеров: трактор и комбайн и на четверть не используются от того, как они могут быть использованы. Никогда рынок не требовал такого быстрого реагирования, как сейчас. Потребность планирования и невозможность осуществления этого в рамках капиталистического сельского хозяйства; необходимость новых форм хозяйств и невозможность организации их, кроме как через рост архикрупных хозяйств на основе разорения фермерской массы; противоречие между заскочившим вперед техническим прогрессом и сущими формами хозяйства, отражающими еще предшествующий этап технического развития, — все это составляет основу основ тех трудностей, которые Норс как следует не понимает, но смутное представление о которых ему уже доступно. Он подходит к вопросу или чисто технически или с точки зрения организации хозяйства. Социологический анализ остается все же вне поля его зрения. Однако, даже в подходе Норса много об'ективной правдивости.

«Вместе с тем становится необходимым радикальная перестройка экономической и технической организации всего вообще американского сельского хозяйства. Такая перестройка дает огромную экономию в производстве основных сельскохозяйственных продуктов, но для того, чтобы с успехом осуществить ее, требуются более крупные хозяйственные единицы и более специализированный тип экономической организации; ею достигаются и значительные сбережения человеческой энергии».

В этом, в общем правильном анализе у Норса отсутствует прямое указание на классы, однако, и на этот счет мы найдем соответствующее указание. Норс не скрывает, что подобного типа рационализация неизбежно повлечет за собой «бедственное положение отдельных лиц». Могут ли быть сомнения, что этими отдельными лицами окажутся низшие слои американских фермеров. Что эта реконструкция хозяйства не может иначе и протекать, нам вполне понятно, но и Норс не может и не хочет этого скрывать.

«Вряд ли можно думать,—пишет он,—что удастся быстро облегчить положение всего вообще фермерского класса». Лицам же, не умеющим приспособлятся к новому положению и являющимся лишними для сельского хозяйства, приходится списывать свои потери, переселяться в другое место и избирать себе новый род занятий».

Другое дело на противоположном полюсе. Крупные фермы, еще более укрупнившись, сумеют выскочить из кризисного состояния. «Благосостояние людей, которые в состоянии справиться с возросшими требованиями новой техники, должно соответствующим образом возрасти».

Так обстоит дело. Таков капитализм sans phrase.

Все ясно, все просто. «Великая» заокеанская республика демонстрирует всему миру наиболее научные, наиболее совершенные, наиболее гуманные способы рационализации сельского хозяйства. Передовая страна показывает путь отставшим.

Чрезвычайно характерным является при этом полное неверие в созданный Гувером фермерский комитет, неверие и в кооперацию, на которую еще совсем недавно возлагались большие надежды. Норс прекрасно видит, что дело пахнет социальной катастрофой, и классовая установка его подсказывает ему, что выход из положения только один. Выход — испытанный, старый способ, когда интересы широких кругов приносятся в жертву интересам капиталистической верхушки. Оттого-то и все от всей книги Норса холодным расчетом, оттого и призыв его к сильным скорее перестроиться, не оглядываясь на слабых, оттого вся книга приобретает значение важнейшего политического документа нашей эпохи.

Предшествующая история США делала американское земледелие все более и более товарным, все более и более капиталистическим. Классовая дифференциация достигла там почти мыслимых теоретических пределов. Но и этого оказалось мало. Теперь начисто сметаются какие-либо остатки мелких ферм. В земледелии, как и в индустрии, два класса противопоставляются друг другу: капиталист и пролетарий.

Конечно, все это для марксистского анализа не представляет ничего нового. Новое же здесь в том, что буржуазный профессор заговорил откровенным языком американского империализма, новое в том, что бросается откровенный вызов фермерским низам, новое в том, что американский капитализм откровенно провозглашает победу крупных капиталистов в сельском хозяйстве.

Норс — буржуазный экономист, однако, по всей сумме вышеизложенного мы смело рекомендуем его книгу широким кругам наших читателей. Пусть не со слов советских экономистов, а со страниц официального президентского издания советский и партийный читатель ознакомится со всей глубиной болезни самой передовой, самой «гуманной» капиталистической страны.

* * *

Почему же, спрашивается, понадобилось Гуверу в своей книге об американском «просперити» допустить столь мрачную характеристику перспектив американского сельского хозяйства. Не случайно ли это так получилось?

Само собой разумеется, что случайно такие вещи не происходят. Причина такого откровения лежит в том, что американский финансовый капитал, сконцентрировавший у себя невиданные богатства, создавший предприятия Форда, верфи Нью-Йорка, бойни Чикаго, показавший неслыханные прежде образцы капиталистической рационализации в индустрии уже давно с нескрываемым презрением относился к сельскохозяйственному производству, где еще не возникли настоящие фабрики в широком масштабе, где капитал еще не принял таких технических форм, как в индустрии, и где капитал с несомненностью отставал от всего хода развития хозяйства.

Статья Норса — первая официальная, научно обоснованная вылазка финансового капитала, требующая от сельского хозяйства пойти по тем же путям, что и индустрия. «Сельское хозяйство,— провозглашает Норс,— необходимо организовать так же, как организованы прочие отрасли промышленности». Причина откровенности лежит в подготовке генерального наступления на мелкого фермера. Никакой помощи ему не окажут и ни о какой помощи ему и мечтать не дают. О повышении цен думать нечего. Надо снижать себестоимость: мелкому фермеру это недоступно. Так пусть он знает, что и выхода ему из трудного положения нет. Гувер позволил именно так написать Норсу потому, что он служит крупному и только крупному капиталу.

* * *

Книге Норса предпослано предисловие тов. Г. Сафарова. Автор предисловии правильно вскрывает основные противоречия капитализма, так как они сейчас сложились на конкретном примере СШ. В кратких и ярких чертах автор противопоставляет этому путь социалистической реконструкции в СССР. Автор приходит на помощь читателю там, где Норс пытается, правда, жидкими красками, смягчить картину бедствий американского фермера. Предисловие в целом удачное. Это, однако, не освобождает нас от необходимости сделать несколько замечаний.

> «Применение комбайна,—как упоминает и Норс (читаем мы в предисловии),—позволило прибегнуть к снятию еще не вполне дозревшего хлеба, находящегося под угрозой порчи вследствие погодных условий и наличия вредителей».

Тов. Сафаров делает ударение на том, что как раз комбайну-то и несвойственно. Дело в том, что при уборке не комбайном, а какой угодно другой машиной (жаткой, сноповязалкой) можно снимать недозревший хлеб. Он дозревает в сжатом виде, а потом его молотят. Комбайн который одновременно жнет и молотит, требует, чтобы хлеб был совершенно дозревшим. Это-то обстоятельство и создавало массу затруднений в некоторых районах, пока несколько лет тому назад не начали применять следующий способ. По полю пускали хедер для уборки хлеба, то-есть по существу режущую часть комбайна, но с особым приспособлением для укладки сжатого хлеба валиком (виндровер), а затем, когда хлеб дозревал и подсыхал, шел комбайн с особым приспособлением (пик-ап-атташмент), подбирающим хлеб из валиков и подающим его в молотильный барабан. Таким образом, это приспособление, уже нарушающее принцип одновременной уборки и молотьбы, позволило употреблять комбайн для уборки недозревшего хлеба. Ссылка тов. Сафарова на Норса совершенно неправомочна. Норс прекрасно знает то, что я выше описал, и пишет по этому поводу:

> «Конечно, этот метод (имеется в виду только что описанный. *С. У.)* не дает столь большой экономии, как в первом случае (комбайн), ибо весь процесс уборки и обмолота не заканчивается сразу. Тем не менее при пользовании им сберегаются бечева и энергия, необходимые для связывания в снопы хлеба, а также значительные издержки на человеческий труд по складыванию хлеба в копны и переброске снопов в молотилку».

Тов. Сафарову надлежит исправить свою ошибку.

Далее на стр. 15, мы читаем:

> «Тракторные орудия, универсализируясь, все более и более непосредственно включаются в автоматическую систему машин, вернее, трактор вбирает в себя эти орудия и превращается в автоматическую систему машин».

Насколько верна вторая часть фразы, настолько неверна первая ее. Верно, что трактор вбирает в себя работающие орудия. Сейчас все больше и больше начинают распространяться не прицепные орудия, а прилаживающиеся к раме трактора работающие части. В этом смысле трактор как бы превращается в универсальный станок, к которому прилаживаются только отдельные части в зависимости от рода работы; так прилаживаются лапки культиватора, корпус плуга, режущий аппарат сенокосилки, высевающий аппарат и так далее. Но глубоко неверно, что универсализуются орудия. Наоборот, мы имеем чрезвычайный рост их разнообразия и специализации. Эта ошибка тов. Сафарова не может, однако, повредить его основной мысли, что мы имеем дело с автоматической системой машин. Равным образом мы горячо поддерживаем предложение тов. Сафарова о необходимости нам подхватить эту тенденцию, как наиболее новую и целесообразную.

Укажем еще на несколько более мелких дефектов предисловия тов. Сафарова. Тов. Сафаров, говоря о плановом воздействии на коренные факторы повышения плодородия почвы, утверждает, что без этих коренных мероприятий мы не поднимем урожай на 35% по известному декрету. Это неверно. Когда мы возьмемся по-настоящему за вопросы, которые поднимает тов. Сафаров, то мы поднимем урожай не на 35%, а на 350%. Поднять же наш урожай, невероятно низкий, на 35% можно и должно системой простейших мероприятий, в чем и заключается смысл постановления нашего правительства.

Далее, тов. Сафаров приводит страшно устаревшие сведения о коллективизации. Они относятся к апрелю прошлого года, вместе с тем по смыслу предисловия можно заключить, что оно писалось уже тогда, когда была провозглашена политика партии в направлении ликвидации кулака как класса.

* * *

Нельзя пройти и мимо качества перевода. У нас много писалось, что переводы выполняются вообще небрежно. В отношении языка этого нельзя сказать про разбираемую книгу. Переведена она хорошо и читается легко. Тем досаднее обильное количество неточностей и неправильностей при переводе технических выражений и терминов. Не только в извинение переводчику, но и в помощь нашему читателю придется отметить наиболее важные ошибки, подлежащие немедленному исправлению.

На стр. 46 речь идет о приведении в действие машины от трактора, везущего саму машину. Это делается при помощи ответвления мощности мотора через особое отверстие у задней оси. Американцы называет это «take-off». В книге переведено: «... приводятся в движение «избыточной» энергией трактора, который везет весь аппарат». Почему переводчик решил, что избыточной? Это искажение смысла. Можно представить, что в хозяйстве имеется трактор, который недостаточно силен для двойной операции: тянуть и приводить в действие машину. Тогда покупают больший. Применяют же ответвление мощности мотора не по причине избыточности, а по технической и экономической выгодности использовать работу одного мотора для двух работ одновременно. На стр. 39 «horse-drawn implements» переведено «орудия с конным приводом». Как известно, конный привод понятие стационарной установки. Вместе с тем здесь имеется в виду не конный привод, а конная тяга, то-есть орудия на конной тяге в противоположность орудиям на тракторной тяге. На стр. 36 «reclamation projects» переводится «рекламационными проектами», в то время как это мероприятия правительства по освоению новых земель, сопряженные с мелиорацией. На стр. 51 дисковый плуг переводится как дисковая борона. На стр. 65 «insulating material» переведено «инсулирующие материалы», в то время как это значит «изоляционные материалы».

Мы привели только самые важные ошибки и только в таком количестве, чтобы показать настоятельнейшую необходимость тщательного пересмотра перевода при повторном издании книги, которое не заставит себя ждать.

* * *

Итак, перед нами интересная и злободневная книга, появление которой на русском языке можно только приветствовать. Редактор и переводчик должны исправить свои ошибки.

С. УЖАНСКИЙ.

КОНСУЛЬТАЦИЯ.

Вошли ли мы в новый этап через „ворота" чрезвычайных мер и кризиса зернового хозяйства?

Наступивший новый этап революции ставит по-новому целый ряд проблем социалистического строительства в нашей стране. Поэтому нужно неустанно способствовать начавшемуся процессу осмысливания содержания текущего периода социалистического строительства, причин его обусловивших и тех перспектив дальнейшего развертывания социалистической реконструкции, которые им определяются.

Одной из основных характерных черт нового этапа является решительный крутой поворот деревни к социализму. Этот поворот выразился в огромной тяге основной массы трудящегося крестьянства к коллективизации, в бурных темпах развития колхозного движения, уже сейчас далеко превосходящих конечные наметки пятилетнего плана. Коллективизация сельского хозяйства означает не что иное, как начавшийся в широком масштабе, в масштабе миллионов крестьянских хозяйств, процесс подлинной социалистической реконструкции сельского хозяйства, процесс ломки старых производственных отношений внутри самой деревни и трансформации их по линии социально-производственных связей города и деревни.

Исключительное значение происходящего ныне колхозного строительства вполне оправдывает настороженное отношение к различным формулировкам причин, его обусловивших. Ибо правильное понимание причин этого исторического процесса является исходной базой для правильной оценки как сущности, так и дальнейших перспектив его развития. Поэтому вполне законен и заслуживает внимания присланный в редакцию «Большевика» вопрос тов. Протопопова: верно ли определение тов. Бухариным (в статье «Великая реконструкция»—«Правда» от 19/II—30 г.) этих причин, правильно ли его положение о том, что «мы вошли в нее (в «антикулацкую революцию» по терминологии тов. Бухарина. *Б. Б.*) через ворота чрезвычайных мер и быстро развернувшийся кризис зернового хозяйства»?

Мы не станем здесь разбирать по меньшей мере спорного термина «антикулацкая революция», тем более, что тов. Бухарин счел нужным оговорить условность этого термина. Нас интересует здесь лишь вопрос о причинах, вопрос о «воротах», через которые мы подошли к величайшим социально-экономическим сдвигам, происходящим в настоящий период в нашей деревне.

Тов. Бухарин в вышеприведенной формулировке своей статьи выдвигает два, по его мнению, основных момента, открывших нам ворота в социалистическую реконструкцию сельского хозяйства: 1) чрезвычайные меры и 2) развернувшийся кризис зернового хозяйства. Посмотрим, так ли обстоит дело в действительности.

Какова была задача и в чем заключался об'ективный смысл чрезвычайных мер? Известно, что партия вынуждена была пойти на чрезвычайные меры в обстановке напряженной борьбы за хлеб, в обстановке бешеного сопротивления нашей политике кулачества, в условиях злостного саботажа им наших хлебозаготовок. Целью введения чрезвычайных мер было: добиться слома этого сопротивления и тем самым ликвидации напряженного положения с хлебом, ликвидации угрозы

хлебоснабжению города и Красной армии. Известно также, что в ходе осуществления чрезвычайных мер партии удалось вовлечь в борьбу против кулака широкие слои деревенской бедноты, а также и середняцкого крестьянства. Именно на этой основе мы достигли положительных результатов в хлебозаготовках.

Наконец, чрезвычайные меры имели и то значение, что у сплотившейся в борьбе против кулака основной массы деревни было поднято до более высокого уровня сознание необходимости иного, некапиталистического пути развития сельского хозяйства. Необходимо, однако, подчеркнуть о г р а н и ч е н н о е в этом смысле значение чрезвычайных мер. Нельзя упускать из виду того, что чрезвычайные меры являются л и ш ь с о с т а в н о й ч а с т ь ю систематически в различных областях проводившейся борьбы с кулаком, политики ограничения его эксплоататорских стремлений. Эта политика партии, на основе которой велась особо ожесточенная борьба с кулаком в последние годы, во всей своей совокупности, является одной из причин последующего бурного развития колхозного движения. Поэтому неверным является возведение чрезвычайных мер на пьедестал такого и с к л ю ч и т е л ь н о г о значения, как это делается тов. Бухариным.

Несомненно, что подобная оценка чрезвычайных мер в известной мере есть результат их прежней неверной оценки со стороны бывших лидеров правоуклонистов. В самом деле, ведь тогда правые расценивали чрезвычайные меры, как какую-то особую политику партии в отношении крестьянства, как политику, скатывающуюся к троцкизму, и т. д. и т. п. Правые уже тогда проходили мимо, не замечали тех новых гигантских процессов социалистического строительства (ускоренный темп индустриализации страны, волна нового творческого под'ема в рабочем классе, вылившаяся в социалистическое соревнование и развертывание самокритики, переход от потребительских форм смычки к производственным и пр.), частичным отражением которых на фронте борьбы против кулака явились чрезвычайные меры. По существу, та же оценка з н а ч и м о с т и чрезвычайных мер при отказе от прежней оценки их сущности лежит сейчас в основе вышеприведенного положения статьи тов. Бухарина. В этой же связи нельзя считать случайным брошенное тов. Бухариным (правда, в условной форме) в этой же статье «Великая реконструкция» положение: «с п е р в а переделка производственных отношений, п о т о м техническая революция». (Подчеркнуто т. Бухариным. *Б. Б.*). Этой неправильной формулой тов. Бухарин об'ясняет ту коренную ломку мелкого индивидуального крестьянского хозяйства, в полосу которой мы ныне вступили. Этой его формулой, ставятся н а г о л о в у подлинно происходящие процессы, ибо в действительности, как об этом несколько подробней будет сказано ниже, переделка производственных отношений деревни у нас стала возможной лишь тогда, когда мы подвели под нее известную материально-техническую базу. Но именно этой же формулой проникнуто и понимание тов. Бухариным роли чрезвычайных мер. Превращением последних в «ворота», открывающие дорогу к коллективизации, т.-е. иначе говоря, к перестройке производственных отношений, у тов. Бухарина и получается неверное: «с п е р в а переделка производственных отношений, потом техническая революция».

Резюмируем сказанное о роли чрезвычайных мер. Поскольку чрезвычайные меры входили составным элементом в нашу политику ограничения эксплоататорских тенденций кулачества, постольку они сыграли известную роль в наступлении коренного перелома деревни в сторону социализма. Роль эта, однако, весьма ограничена и поэтому выпячивание ее, возведение в ранг первостепенной, является ошибочным, влекущим к недооценке более глубоких факторов, более широких «ворот» социалистической реконструкции сельского хозяйства.

* * *

Перейдем к другой части «ворот» тов. Бухарина, к тому, что определяется им как «развернувшийся кризис зернового хозяйства». В этом положении нас интересуют два момента: верно ли, во-первых, косвенно высказанное здесь утверждение о наличии у нас кризиса зернового хозяйства и, во-вторых, если это неправильно, то что именно происходило в нашем сельском хозяйстве и какое отношение происходившее в нем имеет к новому этапу социалистического строительства?

Когда у тов. Бухарина идет речь о кризисе зернового п р о и з в о д с т в а, то совершенно очевидно, что здесь подразумевается резкое падение производительных сил всего сельского хозяйства и в особенности падение производства хлеба, сокращение посевных площадей и пр. Похоже, что мы тут встречаемся лишь с н о в о й в а р и а ц и е й с т а р о й п е с н и. В самом деле, нельзя не отметить родственной близости этого утверждения с опровергнутой партией и опрокинутой реальной действительностью теорией правых уклонистов о так называемой «деградации» сельского хозяйства. Собственно, термин «деградация» лишь маскировал более смелое и рискованное положение о кризисе сельского хозяйства. По существу же, и под тем и под другим мыслится падение производительных сил в сельском хозяйстве. Тогда, на заре своей юности, теория «деградации» являлась одним из отправных моментов для борьбы правых уклонистов против политики партии в области индустриализации страны, против взятых партией ускоренных темпов индустриализации, против осуществлявшихся пропорций в развитии тяжелой и легкой индустрии, против политики форсированного наступления на кулака и темпов развертывания социалистической реконструкции сельского хозяйства и т. д. Теперь так же, как подобное превращение имело место в отношении оценки чрезвычайных мер, пресловутая «деградация», наряженная в костюм кризиса, играет уже роль положительного фактора, роль ворот социалистической реконструкции сельского хозяйства. Оценка стала диаметрально противоположной прежней, но констатация самого факта «деградации» осталась. Сейчас нет необходимости доказывать, что никакой «деградации» сельского хозяйства и тем более кризиса его, вопреки высказываниям в этом духе раньше троцкистов, а затем правых, у нас не происходило. В свое время партией было показано и доказано, что сельское хозяйство хотя и медленно, но развивалось. Это было зафиксировано и в резолюции ноябрьского пленума ЦК нашей партии о контрольных цифрах народного хозяйства на 1929/30 г., в которой сказано следующее: «П р а в ы е утверждали о «деградации» сельского хозяйства. На с а м о м д е л е мы имели дальнейший рост бедняцко-середняцких хозяйств, общий рост посевных площадей, рост машиноснабжения и повышение материально-технического и агрономического уровня развития сельского хозяйства» (разрядка резолюции. *Б .Б.).*

В действительности, на что и обращалось нашей партией внимание, были и остаются пока иного содержания трудности нашего развития, трудности, упирающиеся в чрезмерное отставание сельского хозяйства по сравнению с ростом промышленности. Сельское хозяйство, представленное мелким единоличным крестьянским хозяйством, не поспевало за бурным под'емом промышленности. Весьма ограниченные возможности индивидуального крестьянского хозяйства в отношении повышения производительности труда, увеличения товарности сельского хозяйства являлись известным тормозом для взятых ускоренных темпов индустриализации страны, для социалистической реконструкции всего народного хозяйства. П о т р е б н о с т и р а з в и в а ю щ е й с я и н д у с т р и и д и к т о в а л и н е о б х о д и м о с т ь п р е о д о л е н и я ч р е з м е р н о й о т с т а л о с т и в р а з в и т и и с е л ь с к о г о х о з я й с т в а. Мы уже не говорим о само собой разумеющемся резком несоответствии социальных форм промышленности и сельского хозяйства, ликвидация которого только и могла вплотную подвести нас к этапу развернутой социалистической реконструкции, включающей в себя, наконец, и сельское хозяйство.

Таким образом, не «деградация» и не кризис сельского хозяйства, а индустриализация страны в целом и вся политика партии в деревне оказались «воротами» нового этапа социалистического строительства.

Тов. Бухарин в критикуемом нами положении не идет дальше явлений, плывущих на поверхности. Как раз на поверхности в преддверии нового этапа оказались чрезвычайные меры, оказалось развитие сельского хозяйства. В лучшем случае частичным факторам здесь т. Бухарин придает значение главных, преобладающих. Какие причины оказались на самом деле решающими в выводе нашего сельского хозяйства на широкую дорогу социалистической реконструкции? Каковы были те реальные предпосылки, которыми определился бурный рост коллективизации деревни, коренной перелом ее в сторону социализма?

Понятно, что в основе этого перелома, лежит вся совокупность наших политических и экономических мероприятий в том числе и налоговая кредитная политика, контрактация, землеустройство и пр. Однако, если выделить из всей совокупности главные факторы, подготовившие этап ломки индивидуального крестьянского хозяйства и его социалистической переделки, то их можно было бы свести к следующим.

Во-первых, такой причиной является развернувшийся процесс индустриализации страны. Еще года два-три назад наша промышленность не в состоянии была подвести материально-техническую базу под социалистическое перевооружение сельского хозяйства. Лишь в самое последнее время наша промышленность оказалась в силах создать соответствующую материально-техническую базу (правда, далеко еще несовершенную) для перевода основной массы крестьянских хозяйств с рельс индивидуального на рельсы крупного коллективного хозяйства. Усиленный рост производства с.-х. машин, тракторов, комбайнов, заметное развитие промышленности, производящей удобрения и пр.,—таковы реальные показатели материально-технической базы, подводимой промышленностью под коллективизацию. Сюда же надо отнести рост влияния промышленности на сельское хозяйство и по линии индустриализации последнего и по линии пред'явления растущих требований к сельскому хозяйству, организующего воздействия на него через контрактацию и т. д.

Во-вторых, успехи осуществления политики партии в области форсированного наступления на кулака, все большее и большее ограничение его эксплоататорских тенденций сами по себе предопределили возможность ускорения постановки задачи замены кулацкого производства крупным коллективным. Эти успехи означали вместе с тем накопление опыта в борьбе против кулака у широких слоев бедноты и середняцкого крестьянства, все большее понимание ими гибельности капиталистического пути развития сельского хозяйства. Тем самым были созданы политические предпосылки, толкавшие основную массу деревни на разрыв с прежними индивидуальными формами ведения хозяйства, на переделку мелкого индивидуального хозяйства в крупное, коллективное. Ставший в условиях сплошной коллективизации целых районов, округов и областей возможным переход к политике ликвидации кулачества как класса, в свою очередь, явился толчком для дальнейшего развития колхозного движения.

В-третьих, неуклонное осуществление нашей партией ленинского кооперативного плана в виде огромного роста за предыдущие годы различных видов с.-х кооперации, успехи ее не могли, наконец, не сказаться на все большем осознании крестьянством преимуществ крупного обобществленного хозяйства перед мелким индивидуальным. В этом отношении немалую роль сыграл и опыт ранее существовавших наиболее передовых колхозов, а также совхозов.

В-четвертых, огромную роль сыграло выросшее организующее воздействие на деревню со стороны рабочего класса. За последнее время рабочий класс (в частности, через такую форму, как рабочие бригады) вплотную подошел к задаче реализации своей роли гегемона в отношении крестьянства по линии социалистической переделки сельского хозяйства. Сюда же надо отнести и успехи нашей

массовой политико-просветительной работы среди широких слоев трудящегося крестьянства, несомненно, сказавшейся на росте его симпатий к колхозному движению.

Таковы основные, данные нами далеко не с исчерпывающей характеристикой, причины невиданных до сих пор разительных успехов колхозного движения, знаменующих собою наступление новой полосы социалистического строительства.

Отсюда видно, насколько неправильна в целом вышеприведенная формулировка тов. Бухарина

Б. БАЕВСКИЙ.

ПОЧТА ОТДЕЛА КОНСУЛЬТАЦИИ.

Посланы ответы почтой: тт. Монастырсенко (Томск), Левенецкому (Харьков), Суренян (Москва), Сафронову (Ленинград).

Об основном вопросе проблемы войн.

(Письмо в редакцию).

В «Большевике», № 1 (1930 г.), напечатана рецензия тов. Дм. Бухарцева «Проблема войн и «диалектические» потуги проф. Свечина». В ней тов. Бухарцев в основном совершенно правильно критикует опасные взгляды проф. Свечина.

Но некоторые важнейшие вопросы будущей войны тов. Бухарцевым освещены недостаточно, а также есть в его статье и отдельные формулировки, которые вследствие их неполноты, могут привести к неправильным выводам.

Так, тов. Бухарцев утверждает, что «с е р ь е з н е й ш и е бациллы разложения... однако, н е о б я з а т е л ь н о д о л ж н ы п р о я в и т ь с я н а п е р в ы х ж е п о р а х военной кампании». (Подчеркнуто мной. *Л. Л.*).

Без всякого сомнения, «бациллы разложения» начинают действовать с первого дня об'явления войны и мобилизации армии и продолжают расти в своем действии все в большем и большем размахе. В каком именно размахе, с какой силой и эффектом они будут действовать с самого начала войны, это вопрос, который должен специально быть исследован и учтен.

Надо принимать во внимание, что война в Европе, или вообще в мире, начнется при все растущем, самом глубоком кризисе империалистического капитализма, а также при все обостряющейся революционной борьбе пролетариата в тех главнейших капиталистических странах, которые, несомненно, будут втянуты в войну. Это обстоятельство (отмеченное и т. Бухарцевым), которое мы наблюдаем уже сейчас и значение которого усилится с первых же дней войны,—возрастание зависимости войны от тыла, от промышленности, ее мобилизации и т. д.,—должно быть учтено, как крупнейший фактор революционной борьбы против империалистических войн. Ведь тыл, промышленность — это есть в первую очередь пролетариат. И думать, что этот пролетариат, по крайней мере, в течение года не будет активно и даже весьма успешно содействовать прямо и косвенно разложению армии, — это значит оценить пролетариат периода 1930 года и последующих лет меркой 1914 года, что будет в корне неправильно.

Не чересчур ли преувеличивают силы полиции и социал-фашистов те, кто предполагает, что полиция и социал-фашисты могут в течение целого года или хотя бы и более короткого времени, удержать пролетариат 1930 года в таком «бараньем» подчинении, в такой «лояльной» пассивности, как в 1914—16 гг.

Если опасен чрезмерный оптимизм в учете сил классового врага, то, с другой стороны, не менее опасно петь песенки, которые заранее парализуют уверенность и волю пролетариата и готовность его с самого начала войны делать все, чтобы разложить армии, лишить буржуазию возможности вести войну и превратить империалистическую войну в войну гражданскую.

Социал-фашисты, конечно, теперь еще нахальнее делают свое дело и будут гнать рабочих под всяческими лозунгами в окопы. Но тут есть два «н о». Во-первых, теперь мы имеем коммунистические партии и могущественные массовые организации самых лучших революционных рабочих Европы; эти партии и организации

многое могут сделать, чтобы уже в первый год войны парализовать возможность для империалистов продолжать ее так, как они задумали, и чтобы превратить ее в революцию. Во-вторых, социал-фашисты, несомненно, утрачивают свое влияние над массами, а в вопросе о войне уже и сейчас потеря их влияния гораздо большая, чем это показывает их нынешнее общее положение.

Уроки империалистической войны еще свежи в памяти европейского пролетариата и когда социал-фашисты попытаются повести рабочих второй раз в ад войны, — тогда это, несомненно, вызовет крупнейшее движение масс.

Мне кажется, что этим вопросам надо было бы уделить гораздо больше внимания, потому, что, наряду с вопросом о будущей войне, е щ е в а ж н е е в о п р о с о т о м, к а к э т а в о й н а п р е в р а т и т с я в г р а ж д а н с к у ю в о й н у. Тут необходимо начать с изучения: движений, забастовок, демонстраций, отказов от военной службы и т. д., имевших место в 1914—17 годах; каков их эффект, каковы причины того, что та или иная форма борьбы против войны не могла распространяться и пр., и т. п. Например, в Америке это движение в 1916—17 году было весьма широкое и в некоторой степени даже сильное, но, так как не было революционной партии, чтобы руководить им, оно было скоро подавлено. Мне кажется, что н а д о и з у ч а т ь в с е у с л о в и я, п р е д п о с ы л к и, с и л ы, к о т о р ы е с с а м о г о н а ч а л а в о й н ы н а ч и н а ю т п р е в р а щ а т ь е е в г р а ж д а н с к у ю в о й н у, н а д о и з у ч и т ь и х в д и н а м и к е, и с в о е м р а з в е р т ы в а н и и.

Надо немедленно приступить к основательному изучению имевших место за период минувшей империалистической войны массовых движений против войны, их форм и методов борьбы, условий их успешного развития, причин их поражений и т. д.

С тов. приветом **ЛЕО ЛАУККИ.**

П р и м. р е д. Редакция отмечает, что тов. Лео Лаукки совершенно правильно подчеркивает задачу изучения и разработки «условий, предпосылок, сил, которые, с самого начала войны начинают превращать ее в гражданскую войну».

Эта работа, бесспорно, является одной из важнейших задач всей работы братских компартий, как д о начала войны (подготовка к решению этой задачи), так и особенно, начиная с первых дней войны (развертывание борьбы за превращение империалистической войны в войну гражданскую).

Книги, поступившие в редакцию на отзыв.

Госиздат РСФСР.

В. И. Ленин. — Новые статьи и письма. Стр. 112. Ц. 50 к.
Ленинский сборник. XII. Стр 477. Ц. 3 руб. 75 к
Ленинина.—Том V. Стр. 456. Ц. 5 руб.
Ем. Ярославский. — За последней чертой. Троцкистская оппозиция после XV с'езда. Сборник статей. Стр. 195. Ц. 55 коп.

Контрольные цифры народного хозяйства и соц.-культурн. строительства РСФСР на 1929—30 г. Стр. 874. Ц. 5 р. Переплет 55 к.
Новейшие изменения в экономике Соед. Штатов Т. I, стр. 547. Ц. 5 р.
Г. Зиновьев. — Учение Маркса и Ленина о войне. Стр. 354. Ц. 2 р. 20 к.
Д. Рахман. — Введение в «Капитал». Вып. I. Стр. 160. Ц. 80 к.
М. Поташ. — Народнический социализм. Стр. 176. Ц. 50 к.
И. Никишин. — Динамика с.-х. производства и соц.-экономические процессы в деревне. Стр. 142. Ц. 1 р. 60 к.

Проф. П. И. Лященко. — Социальная экономика сельского хозяйства. Т. I. Стр. 400. Ц. 3 руб.

Ф. А. Цилько. — Пути развития сельского хозяйства в СССР в ближайшие 5 лет. Стр. 144. Ц. 65 коп.

И. Боговой. — На новом этапе. Селькоровское движение в период социалистической реконструкции. Стр. 128. Ц. 35 к.

Справочник члена Горсовета. Под ред. и с предислов. А. Енукидзе. Стр. 224. Ц. 60 коп., папка 15 коп.

Тихон Холодный. — Как мы строим социализм. Об'яснительный текст карты 5-лети. строительства нар. хоз-ва СССР. Под ред. с предисловием Е. И. Квиринга. Стр 110.

ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Труды 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов (28—XII—1928 г.—4—I—1929 г.). Т. II. Стр. 624. Ц. 3. Переплет 50 коп.
М. Острогорский. — Демократия и политические партии. Т. II Соед. Штаты Америки. Стр. 375. Ц. 3 руб. Переплет 25 к.
В. Гроссман. — Опытно-показательные округа. Стр. 54. Ц. 55 коп.
Е. Волков. — Массовая работа в деревне. Популярное об'яснение положения о комиссиях (секциях) сельских советов, район. и волостных исполкомов. Стр. 94. Ц. 55 коп.

Современные проблемы философии марксизма. Доклад А. М. Деборина, прения по докладу и заключительное слово. Стр. 198. Ц. 1 р. 30 к.
Миколенко, Я. — Устав сплошной коллективизации. Стр. 94. Ц. 12 к.
Бимба, А. — История американского рабочего движения. Стр. 284. Ц. 2 р. Переплет 50 коп.

ГОС. ФИНАНС. ИЗД-ВО СССР.

А. И. Вайнштейн. — Как исполняется советский бюджет. Стр 81. Ц. 95 к.
Алексей Соколов. — За марксистский анализ налогов и тяжести обложения. Стр 71. Ц. 75 к.
Б. В. Дитман. — Переложение налогов. Налоги как ценообразующий фактор. Стр. 171. Ц. 2 руб.

ИЗД-ВО КОМ. УНИВЕРСИТЕТА ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА.

Советский Восток. Сборник программ по истории экономики и партстроительству в национальных республиках и областях. Изд. 2-е. Стр. 112. Ц. 60 к.

Главлит № А—54752. Москва. Тираж 175.000 экз.
Типография газеты „Правда", Тверская, 48.